

ГОРОДА И СЕЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ключевые тенденции и риски
трансформации занятости в ракурсе
пространственного развития территорий

Вологодский научный центр Российской академии наук

Города и сельская периферия
современной России: ключевые тенденции
и риски трансформации занятости
в ракурсе пространственного развития
территорий

Вологда
2024

УДК 331.5
ББК 65.24
Г70

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 22-28-01986*

Рецензенты:

Бобков Вячеслав Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук
Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Авторский коллектив:

А.В. Попов, Т.С. Соловьева, А.В. Короленко, М.А. Груздева

Г70 **Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий** : монография / А.В. Попов, Т.С. Соловьева, А.В. Короленко, М.А. Груздева ; под ред. А.В. Попова ; Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024. – 228 с.
ISBN 978-5-93299-618-8

Монография посвящена изучению тенденций и рисков трансформации занятости в контексте пространственного развития территорий. В первой главе обобщены теоретико-методологические основы исследования глобального процесса трансформации занятости и его проявления с учетом пространственного аспекта. Во второй главе представлены результаты исследования основных тенденций и условий трансформации занятости в России. Рассмотрены особенности протекания процесса трансформации занятости в РФ в сравнении со странами «большой семерки». Особое внимание уделено вопросам пространственной трансформации системы расселения и цифровизации в городах и сельской местности. В третьей главе определены предпосылки трансформации занятости на примере Вологодской области как модельного региона. Проанализированы ключевые тренды социально-экономического развития и демографические проявления трансформации системы расселения территории, определены векторы развития регионального рынка труда. Четвертая глава посвящена специфике трансформации занятости в Вологодской области в ракурсе агломерационного подхода. Показаны особенности занятости населения в разрезе «центр–периферия», представлен анализ экспертных мнений специалистов отделений занятости населения и глав поселений о развитии сферы занятости. В пятой главе обозначены основные направления государственной политики в сфере регулирования занятости населения с учетом особенностей пространственного развития современной России.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, представителям органов власти и всем интересующимся вопросами развития социально-трудовой сферы. Полученные в исследовании выводы и положения могут быть использованы в практике государственного управления для совершенствования политики занятости на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

УДК 331.5
ББК 65.24

ISBN 978-5-93299-618-8

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ И СПЕЦИФИКИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ	8
1.1. Теоретические основы и ключевые проявления трансформации занятости	8
1.2. Теоретико-методологические аспекты изучения трансформаций пространственного развития территорий	16
1.3. Трансформация занятости в ракурсе пространственного развития территорий	25
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ	36
2.1. Глобальные и национальные особенности трансформации занятости	36
2.2. Тенденции и региональные различия пространственной трансформации территорий	45
2.3. Динамика цифровизации в городах и сельской местности	70
ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛЬНОГО РЕГИОНА (ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	83
3.1. Ключевые тренды социально-экономического развития	83
3.2. Трансформация системы расселения и ее демографические проявления	91
3.3. Основные векторы развития рынка труда	110

ГЛАВА 4. СПЕЦИФИКА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОДЕЛЬНОГО РЕГИОНА (ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) ПО ОСИ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ»	122
4.1. Взгляд населения на особенности своей занятости	126
4.2. Взгляд специалистов отделений занятости на развитие сферы занятости	135
4.3. Взгляд глав городских и сельских поселений на развитие сферы занятости	145
4.3.1. Условия и предпосылки развития сферы занятости в поселениях	146
4.3.2. Ситуация в сфере занятости поселений	157
4.3.3. Регулирование сферы занятости на уровне поселений	173
ГЛАВА 5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	183
Заключение	197
Список использованных источников.....	206
Приложения	223

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный процесс трансформации занятости выступает одной из характерных тенденций современности. Так, со второй половины XX века в индустриально развитых странах наблюдается стремительное увеличение доли работников сферы услуг, распространение нестандартных форм трудовых отношений, цифровизация рынка труда и др. Причины подобных преобразований существуют как со стороны спроса на труд, так и со стороны его предложения и во многом кроются во влиянии глобальных вызовов (цифровизация, автоматизация производства, старение населения и т.д.).

В этом плане не является исключением и Россия, где отчетливо прослеживаются тенденции трансформации занятости: от структурных сдвигов в занятости населения и реконфигурации институтов рынка труда до переосмысления места труда в жизни общества и изменения требований экономики к человеческому капиталу. Вместе с тем серьезный отпечаток на трудовые стратегии населения и возможности реализации его потенциала накладывают особенности пространственного развития страны (концентрация ресурсов в крупных населенных пунктах, обезлюдение сельских поселений, неравномерное размещение объектов социальной инфраструктуры и др.), что нетипично для большинства развитых стран. В результате занятость городских и сельских жителей приобретает свои характерные очертания.

Несмотря на наличие множества лагун, определенные наработки в этой области можно увидеть в концептах «вторичного рынка труда», «периферийных рабочих мест», «самозанятости» и т.д. В исследованиях ученых выделяются как *положительные* (возможность удаленной занятости, планирования рабочего / личного времени, обращения большего внимания на образование, семью и воспитание детей и др.), так и *отрицательные*

(увеличение рисков сегментации рынка труда, профессиональной изоляции, социальной незащищенности работников, ослабления профсоюзного движения и т.д.) эффекты трансформации занятости. В силу их неоднозначности в контексте пространственного развития России актуализируются вопросы, связанные с изучением специфики занятости населения городов и сельской периферии и разработкой эффективных управленческих решений по нивелированию выявленных угроз.

Таким образом, цель настоящей монографии, подготовленной по итогам реализации проекта РНФ № 22-28-01986, заключается в исследовании тенденций и рисков процесса трансформации занятости в ракурсе особенностей пространственного развития России.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Обобщение теоретико-методологических подходов к изучению трансформации занятости с учетом пространственного фактора.

2. Межстрановой анализ процесса трансформации занятости и особенностей его протекания в России.

3. Определение динамики пространственных трансформаций в регионах России и выделение ключевых тенденций цифровизации в разрезе «города – сельская периферия».

4. Оценка социально-экономического развития модельного региона России и происходящих в нем агломерационных процессов.

5. Разработка и апробация комплексного инструментария, сочетающего количественные и качественные методы исследования и позволяющего оценить тенденции и риски трансформации занятости в разрезе «города – сельская периферия».

6. Выявление тенденций и рисков процесса трансформации занятости в городах и сельской периферии модельного региона в неразрывной связи с динамикой его пространственного развития, а также определение перспектив развития регионального и муниципального рынков труда с учетом обозначенных возможностей, вызовов и угроз.

7. Разработка научно обоснованных управленческих решений в сфере регулирования занятости населения городов и сельской периферии с учетом особенностей пространственного развития современной России.

Информационная база исследования представлена международными базами данных (Всемирный банк, Международная организация труда, Организация экономического сотрудничества и развития и т.д.); материалами Федеральной службы государственной статистики; данными массового

(мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области) и экспертного (*анкетирование специалистов отделений занятости населения*) опросов, а также результатами углубленных интервью с главами сельских и городских поселений региона, проведенных Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ФГБУН ВолНЦ РАН). В исследовании использована отечественная и зарубежная научная литература, отчеты международных организаций, открытые интернет-источники.

Научная новизна монографии заключается прежде всего в систематизации и расширении теоретико-методологических подходов к изучению трансформации занятости с учетом пространственного фактора, а также в попытке решения практических задач по формированию целостного представления о развитии сферы занятости в городах и сельской периферии, определению перспектив развития регионального и муниципального рынков труда в условиях выявленных возможностей, вызовов и угроз. В рамках работы предложен инструментарий комплексного исследования процесса трансформации занятости, в ходе апробации которого установлены ключевые тенденции и особенности его протекания в условиях российской действительности.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, представителям органов власти и всем интересующимся вопросами развития социально-трудовой сферы. Основные выводы и положения исследования могут быть использованы в практике федерального и регионального управления для совершенствования политики занятости на региональном и муниципальном уровне.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ И СПЕЦИФИКИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

1.1. Теоретические основы и ключевые проявления трансформации занятости

Трудовая занятость выступает одной из значимых сторон жизненного мира человека. В ходе истории она претерпевала многочисленные изменения, вбирая в себя черты различных эпох. Переход развитых стран к постиндустриальному обществу ознаменовал собой трансформационные сдвиги в занятости населения, отголоски которых прослеживались со второй половины XX века. Немаловажная роль в этом процессе отводится и глобальным вызовам (демографическое старение, цифровизация, экологизация и др.), в совокупности способствующим формированию нового облика человека труда и сферы социально-трудовых отношений в целом.

В самом общем виде *под трансформацией занятости мы понимаем процесс глубоких преобразований социально-экономических отношений, который приводит к качественным изменениям сложившихся практик участия людей в оплачиваемой общественно полезной деятельности* [Попов, 2019а: 20]. Подобные тенденции являются результатом накопления количественных изменений, затрагивающих отраслевую структуру рабочих мест, формы занятости, мотивы и стимулы к труду, «правила игры» на рынке труда [Одегов, Павлова, 2017] и т.д. Учитывая динамизм и противоречивость современного развития, в результате которых разрушение ста-

новится новой нормой¹, можно сказать, что *занятость населения все чаще ассоциируется с гибкостью, разнообразием и неопределенностью*. При этом, очевидно, в зависимости от страны ситуация будет меняться, сохраняя национальную специфику и колорит.

Теоретико-методологические подходы к изучению трансформации занятости. Специфика проявления процесса трансформации занятости может быть обобщена в рамках нескольких самостоятельных подходов (табл. 1.1).

Таблица 1.1. **Основные подходы к изучению трансформации занятости**

Подход	Проявление трансформации занятости	Измерение трансформации занятости
Системный	Комплексные изменения в занятости населения, протекающие в неразрывном единстве со стадиями общественного развития.	Исследования носят преимущественно общетеоретический характер (в редких случаях используются показатели социально-экономического развития территорий).
Отраслевой	Структурные сдвиги в занятости населения, представляющие собой «переток» рабочей силы из одних отраслей в другие.	Показатели секторального распределения рабочей силы: доля занятых в первичном, вторичном и третичном секторах экономики.
Институциональный	Эволюция общественных институтов, приводящая к глубинным изменениям в характере трудовых отношений.	Показатели развития общественных институтов (например, степень юнионизации работников).
Организационно-правовой	Трансформация социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем.	Показатели распространения различных форм занятости (неполная, временная, удаленная и т.д.).
Компетентностный	Изменение требований экономики к качественным характеристикам населения, способствующее преобразованию сложившихся практик участия в трудовой деятельности.	Показатели вклада различных навыков в экономику и их востребованности в будущем.
Мотивационно-ценностный	Переосмысление места труда в обществе, что приводит к изменению поведения людей на рынке труда.	Показатели развития трудовой мотивации населения.
Составлено по: [Попов, 2019а].		

Системный подход к исследованию трансформационных процессов в сфере занятости является наиболее целостным по своей сущности. Он основан на интерпретации изменений с позиции крупных стадий человеческого развития и затрагивает максимально широкий спектр вопросов эволюции трудовых отношений (от базовых принципов взаимодействия между субъектами рынка труда до футурологических прогнозов будущего сферы заня-

¹ OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work // OECD. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf>

тости). В качестве методологической базы используются формационная (К. Маркс, Ф. Энгельс), цивилизационная (А. Тойнби, О. Шпенглер), волновая (Э. Тоффлер), постиндустриальная (Д. Белл) и другие концепции [Нехода, 2007: 162]. В результате феномен трансформации занятости рассматривается в контексте фундаментальных сдвигов в экономике и обществе, что предполагает учет различных экстерналий во всем их многообразии. Например, если в рамках цивилизационной теории акцент делается прежде всего на последствиях социокультурной динамики, то в постиндустриальной – на изменениях социально-экономических условий хозяйствования.

Одним из наиболее популярных направлений изучения процесса трансформации трудовых отношений является *отраслевой подход*. Основное внимание в нем уделяется структурным сдвигам в занятости населения, то есть «перетоку» рабочей силы из одних отраслей народного хозяйства в другие. Чаще всего данные вопросы рассматриваются в контексте трехсторонней модели экономики, предложенной К. Кларком и А. Фишером. Она позволяет фиксировать глубинные изменения в сфере занятости посредством отслеживания динамики распределения работников между укрупненными секторами экономики: первичным (добыча сырья и сельское хозяйство), вторичным (промышленное производство и строительство) и третичным (услуги). Доминирование той или иной группы отраслей дает основания предполагать достижение определенной стадии общественного развития. При этом в научном сообществе отмечается, что по мере усложнения глобальной хозяйственной системы требуется более детализированная классификация видов экономической деятельности, которая могла бы использоваться для изучения трансформационных процессов.

Иной взгляд на изучение трансформации занятости представлен в рамках *институционального подхода*, в соответствии с которым данный процесс находит отражение в эволюции общественных институтов. Несмотря на их относительную устойчивость, изменение устоявшихся норм и правил оказывает заметное воздействие на характер трудовых отношений² [Schalk, 2005: 304]. Как правило, исследовательский фокус направлен на формальные институты рынка труда (минимальная заработная плата, профсоюзное движение, трудовое право, пособия по безработице и т.д.), конфигурация и развитие которых определяют качественные изменения

² World Economic Outlook, April 2016: Too Slow for Too Long // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/World-Economic-Outlook-April-2016-Too-Slow-for-Too-Long-43653>

в занятости населения³ [Arrowsmith, Pulignano, 2013]. В частности, в настоящее время академическим сообществом активно изучаются социальная концепция о безусловном базовом доходе и последствия ее повсеместной реализации для будущего сферы труда⁴.

Организационно-правовой подход к изучению фундаментальных сдвигов в занятости населения основан на исследовании трансформации социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем, получивших широкое распространение в контексте различных форм занятости. Как уже было сказано ранее, в настоящее время наблюдаются тенденции дестандартизации занятости, то есть отход от традиционной для индустриальных экономик XX века модели трудовых отношений. Причинами этого являются прежде всего глобальные экономические (усиление конкуренции) и демографические (увеличение числа работающих женщин и пожилых людей) изменения, технологический прогресс, несовершенство трудового законодательства [Kalleberg, 2000: 342]. Отличительной особенностью современности становится гибкость [Тощенко, 2018: 28], что находит отражение в развитии нестандартных форм занятости, коренным образом преобразующих типичные трудовые отношения, делая их все менее устойчивыми [Cranford et al., 2003: 9–10].

Трансформационные процессы в сфере занятости активно изучаются и с позиции *компетентностного подхода*. Это проявляется во многих научных работах, посвященных исследованию изменений требований экономики к качественным характеристикам рабочей силы. Данные вопросы становятся все более актуальными в связи с ускорением общественного развития, когда одни новшества незамедлительно приходят на смену другим, нарушая привычный ритм жизни [Rosa, 2015: 71–74]. Если еще в середине прошлого столетия основной акцент делался на профессиональных качествах работника, то в современных условиях хозяйствования наблюдается растущий спрос в отношении уровня цифровой грамотности, творческих способностей и некогнитивных навыков (самоконтроль, умение работать с людьми, настойчивость, открытость новым идеям и т.д.), а сам процесс обучения стал носить непрерывный характер⁵.

³ Lehmann H., Muravyev A. Labor Markets and Labor Market Institutions in Transition Economies // IZA. URL: <http://ftp.iza.org/dp5905.pdf>

⁴ Harrop A., Tait C. Universal Basic Income and the Future of Work // TUC. URL: <https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/UBI.pdf>

⁵ Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех 2016 г. // UNESCO Digital Library. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_rus

Большой интерес для изучения процесса трансформации занятости представляет *мотивационно-ценностный подход*, в основе которого лежит тезис об изменении отношения общества к труду, определяющем не только образовательные и профессиональные траектории, но и стратегии поведения населения в целом. Особую популярность данное направление научной мысли получило в работах отечественных ученых в связи с переходом России к рыночной экономике в конце XX века [Бессокирная, Темницкий, 2004]. Замена трудоцентристской идеологии «духом» капитализма способствовала активизации индивидуально и материально ориентированной мотивации, что вкупе с другими факторами привело к расширению диапазона трудовых возможностей (трудовой и профессиональной мобильности, предпринимательской активности и т.д.) [Магун, 1998]. В глобальном масштабе мотивационно-ценностный подход характеризует трансформацию занятости с точки зрения переосмысления места труда в жизни человека и общества. На сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить о том, что работа стала восприниматься не как средство удовлетворения базовых потребностей, а как форма самовыражения. Более того, сама трудовая деятельность становится более требовательной к креативным способностям населения [Хромов, 2015: 48]. Все это приводит к падению интереса, в особенности молодежи, к традиционным для индустриальных экономик формам занятости и нетворческим профессиям в целом⁶ [Autor et al., 2003: 1302].

Многообразие проявлений трансформации занятости. *Структурные сдвиги в занятости относятся к числу наиболее обсуждаемых аспектов трансформационного процесса.* С точки зрения формирования спроса и предложения на рынке труда исследователи, как правило, анализируют проблемы обеспечения потребностей экономики в кадрах [Узякова, 2017], а также изменения требований работодателей к человеческому капиталу [Sigelman et al., 2022]. Еще один достаточно широкий спектр работ посвящен изучению перемещений работников между отраслями сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг [Edgell, 2012]. Принимая во внимание значимость и масштабы последней в постиндустриальном мире, выделяют подсекторы, включающие в себя (1) оптовую и розничную торговлю, общественное питание, гостеприимство (гостиницы и др.); (2) транспорт, хранение и связь; (3) финансы, страхование, недвижимость и бизнес-услуги; (4) социальные и персональные услуги [D'Agostino et al., 2006].

⁶ A Skilled Workforce for Strong, Sustainable and Balanced Growth. A G20 Training Strategy // OECD. URL: <https://www.oecd.org/g20/summits/toronto/G20-Skills-Strategy.pdf>

Структурные сдвиги в экономике наряду с ростом глобальной конкуренции и другими факторами влекут за собой распространение гибких форм занятости, среди которых: временная, неполная, удаленная, самозанятость и другие [Попов, Соловьева, 2021]. Данный процесс наиболее характерен для промышленно развитых стран, где еще в прошлом веке был сформирован определенный стандарт, регламентирующий трудовые отношения между работником и работодателем. Этому способствует возникновение принципиально новых форм занятости, основанных на применении цифровых ресурсов. В этом плане *технологические изменения зачастую рассматриваются как важнейший триггер трансформации*, результатом которой может стать отмирание ряда профессий и замещение человеческого труда машинным [Frey, Osborne, 2017; Susskind, 2020]. Согласно другим исследованиям, вероятность полной автоматизации труда весьма мала, поскольку масштабы появления новых рабочих мест будут перекрывать их потерю⁷. В частности, расчеты по России свидетельствуют об отсутствии реальных предпосылок для наступления масштабной технологической безработицы в обозримой перспективе [Гимпельсон, Капелюшников, 2022].

Повышение гибкости занятости, с одной стороны, позитивно сказывается на формировании условий для вовлечения в трудовую деятельность социально уязвимых категорий населения и обеспечения более благоприятного баланса между работой и личной жизнью, с другой же – нередко оборачивается рисками прекаризации [Неустойчивая занятость..., 2019]. Данный процесс напрямую влияет на качество трудовой жизни и в конечном итоге приводит к серьезным социально-экономическим последствиям. Дестабилизация трудовых отношений обычно воспринимается с негативной точки зрения, поскольку неустойчивость положения работника носит не добровольный характер, а является следствием вынужденных обстоятельств и не подразумевает получение каких-либо выгод в долгосрочной перспективе. Этому «благоприятствует» законодательное регулирование, которое не всегда поспевает за новыми практиками осуществления трудовой деятельности. Кроме того, как показывает опыт, *последствия прекаризации выходят далеко за рамки социально-трудовой сферы – она влияет на все аспекты жизненного мира населения*. На индивидуальном уровне это проявляется в ухудшении материального благополучия, социальной защищенности и, как следствие, состояния здоровья, а также в неопределенности личностных/семейных и профессиональных перспектив. Хотя в

⁷ The Future of Jobs Report 2020 // WEF. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf

рамках конкретной организации и могут наблюдаться отдельные преимущества (например, гибкость кадровой политики), дестабилизация трудовых отношений несет куда больше угроз, заключающихся в снижении производительности труда, росте текучести персонала и увеличении издержек, связанных со здоровьем и безопасностью работников. Всё это может негативно сказываться на жизнедеятельности общества в целом, отражаясь на функционировании рынка труда, степени социальной сплоченности, устойчивости политической ситуации, на масштабах социального неравенства и социальной эксклюзии, темпах социально-экономического развития [Попов, Соловьева, 2019].

Наряду с правовыми нормами, определяющими контуры наметившихся изменений, влияние на динамику трансформации занятости оказывают и другие институциональные факторы. К ним относятся формальные институты и средства регулирования (минимальная заработная плата, пособия по безработице и т.д.), а также неформальные правила и ограничения со стороны субъектов рынка труда [Беляев, Кузнецова, 2021: 26–27].

Трансформация занятости происходит и на мотивационном уровне, детерминирующем профессиональные и карьерные траектории работников. Особенно это касается молодого поколения, которое предпочитает работу в творческой и инновационной среде, а в профессиональном отношении ориентировано на ближайшее будущее, а не на длительную перспективу⁸. *В современном обществе фокус внимания смещается в сторону досуга, ценность которого по сравнению с трудом повышается.* И несмотря на то что работа и семья остаются приоритетными сторонами человеческой жизни [Лашук, 2022: 105–107], высокая самооценочность труда, наблюдаемая чаще в наиболее развитых странах, вновь уступает место материальному благополучию, выходящему на первый план при выборе трудовых стратегий [Шипилов, 2021: 64]. В этой связи остается весьма актуальной проблема заработка из-за нарастающей неустойчивости занятости, что напрямую воздействует на трудовую мотивацию и выстраивание дальнейшей карьеры. В результате могут возникать т.н. «ловушки нестабильности» [Standing, 2011: 48–49], при которых материальные и временные затраты работников не компенсируются получаемым доходом. Напротив, им нередко приходится соглашаться на неоплачиваемое увеличение трудовой нагрузки и объема должностных обязанностей, поскольку любые

⁸ What's next: future global trends affecting your organization. Evolution of Work and the Worker // SHRM. URL: <https://www.shrm.org/foundation/ourwork/initiatives/preparing-for-future-hr-trends/publishingimages/pages/evolution-of-work/2-14%20theme%201%20paper-final%20for%20web.pdf>

возражения могут стать причиной лишения рабочего места [Неустойчивая занятость и её последствия..., 2007: 40–41].

Всеобъемлющая *цифровизация* в настоящее время представляется одной из основных тенденций, обуславливающих трансформацию экономики. Выгоды от распространения данного явления заключаются в повышении общей организационной эффективности, сокращении транзакционных издержек и росте производительности труда, снижении эксклюзии социально уязвимых категорий населения в отношении доступа к рынку труда [Katz, 2017] и т.д. Однако существуют и немалые риски, связанные с трансформацией социально-трудовых отношений, углублением неравенства, нарушением личной безопасности и неприкосновенности [Fromhold-Eisebith et al., 2019] и др. Как показывают исследования, конкурентоспособность современной экономики напрямую связана с развитием сетевых и цифровых компетенций [Дятлов, Доброхотов, 2018], творческих способностей [Хромов, 2015], умений работы с большими данными [Что такое цифровая..., 2019], в результате чего происходит изменение спроса на общие, специальные и дополнительные навыки⁹. Обозначенные тенденции приобретают особую актуальность в разрезе «центр–периферия», при этом наблюдаются серьезные различия в возможностях формирования и использования человеческого капитала и трудового потенциала (в том числе из-за цифрового неравенства).

В рамках нашего исследования подчеркивается важность изучения процессов трансформации занятости в контексте *пространственного развития*, в частности, с учетом изменений территориальной организации общества. В условиях концентрации ресурсов в крупных населенных пунктах, обезлюдения сельских поселений, неравномерного размещения объектов социальной инфраструктуры и т.д. трудовые стратегии населения приобретают характерные черты в зависимости от места его проживания, что определяет векторы трансформации занятости. Данные официальной статистики и имеющаяся научная литература дают лишь частичное представление о тенденциях и перспективах занятости городских и сельских жителей, находящихся в неравном положении с точки зрения реализации возможностей на рынке труда, доступа к цифровым технологиям и иным благам. В этой связи перспективным направлением является разработка комплексного инструментария оценки тенденций и рисков трансформации занятости в разрезе «города – сельская периферия».

⁹ New Skills for the Digital Economy. Measuring the demand and supply of ict skills at work // OECD. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5j1wnkm2fc9x-en.pdf?expires=1701685389&id=id&accname=guest&checksum=A332AA4506CA4C5D7ACCE5445A7DD007>

Таким образом, хотя исследованию тех или иных аспектов трансформации занятости посвящено значительное количество научных работ, современное состояние исследований в этой области характеризуется фрагментарностью и недостатком комплексных междисциплинарных эмпирических измерений. Более того, представляется важным изучение рассматриваемого процесса в контексте изменения территориальной структуры общества, что в настоящее время не получило должного освещения. Подобного рода исследования имеют особое значение для России, где на фоне длительного демографического спада происходит сжатие освоенного пространства и поляризация системы расселения. Возникают ярко выраженные полюса роста и периферия, различия между которыми достигают значительных величин. Учитывая колоссальную площадь территории страны и сравнительно низкую численность населения, следует отметить, что специфика пространственного развития оказывает серьезное влияние на протекание трансформационных изменений в занятости населения.

1.2. Теоретико-методологические аспекты изучения трансформаций пространственного развития территорий

Пространственные трансформации территорий и их последствия для системы расселения населения чаще всего становятся объектом исследования зарубежных и отечественных ученых-географов и эконом-географов. Эти вопросы рассматривали в рамках *теорий дифференциальной урбанизации и эволюции расселения* А. Филдинг [Fielding, 1989], Ю.С. Гейер и Т. Контула [Geyer, Kontuly, 1993], Ж.А. Зайончковская [Зайончковская, 1991], Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш и Н.Е. Покровский [Нефедова и др., 2001; Нефедова и др., 2015], О.Б. Глезер и Э.И. Вайнберг [Глезер, Вайнберг, 2013], *концепций организации экономического пространства* – В. Кристаллер [Christaller, 1933], А. Лёш [Lösch, 1954], *теории регионального неравенства в уровне социально-экономического развития* – Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2010], *центр-периферийной концепции пространственного развития* – М. Полис и Р. Ширмур [Polese, Shearmur, 2006], М. Партридж и соавт. [Partridge et al., 2006], А. Борсдорф и В. Салет [Borsdorf, Salet, 2007], Ф. Свиячный и соавт. [Swiaczny et al., 2009], Л.Б. Карачурина и Н.В. Мкртчян [Карачурина, 2013; Карачурина, Мкртчян, 2013], *теории «сжимающихся городов»* – М. Барон и соавт. [Baron et al., 2010], К. Паллагст и соавт. [Pallagst et al., 2013], А. Хаазе и соавт. [Haase et al., 2014], Ч. Нам и Г. Ричардсон [Nam, Richardson, 2014], а также в рамках *концепций агломерационных процессов* –

Дж. Фридман [Friedmann, 1966], Г. Ричардсон [Richardson, 1993], П. Кругман [Krugman, 1998], Е.В. Моргунов и соавт. [Моргунов и др., 2021]. Российские исследования при интерпретации факторов и последствий трансформации систем расселения чаще опираются на концепции дифференциальной урбанизации и центр-периферийного пространственного развития. Основное внимание в них уделяется эволюции поселенческой структуры и сопутствующим изменениям социально-экономических и демографических процессов.

Вопросы пространственной поляризации и сжатия освоенного пространства России изучались в трудах Т.Г. Нефедовой, О.Б. Глезер, А.Г. Махровой, А.И. Трейвиша [Нефедова, 2013; Махрова и др., 2016; Нефедова, Трейвиш, 2020], Ж.А. Зайончковской и Г.В. Иоффе [Зайончковская, Иоффе, 2013], Л.Б. Карачуриной и Н.В. Мкртчяна [Карачурина, 2013; Карачурина, Мкртчян, 2013], А.И. Алексеева и С.Г. Сафронова [Алексеев, Сафронов, 2015], Д.О. Егорова [Егоров, 2020]. Последствия таких преобразований в виде миграционной мобильности, в том числе трудовой, анализировались Н.В. Мкртчяном, Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой, А.В. Стариковой [Мкртчян, 2011; Мкртчян, 2018; Нефедова и др., 2016; Нефедова, Старикова, 2020].

Основной категорией при изучении пространственных трансформаций в размещении населения выступает *расселение*, представляющее собой процесс заселения территорий и его результат под воздействием природных, демографических (естественного движения населения и миграции), этноисторических, социально-экономических и политических факторов¹⁰. Понятие «система расселения» широко применяется в российских исследованиях, тогда как соответствующий ему англоязычный термин трудно подобрать. В отечественной науке под ней подразумевается группа населенных пунктов в пределах одной территории, между которыми существуют пространственные и функциональные связи [Glezer et al., 2014].

Эмпирическое изучение систем расселения осуществляется на трех уровнях: *общественном (национальный), региональном (административные, экономические, геостратегические регионы) и муниципальном (внутрирегиональный)*. Методы изучения систем расселения, их трансформаций и демографических проявлений можно объединить в четыре группы:

1) *структурно-динамический анализ данных о расселении (распределение населенных пунктов по численности и людности, плотности населения) и демографической ситуации;*

¹⁰ География. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А.П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 624 с.

2) *математические и статистические методы* (анализ закономерностей расселения с использованием правила Ципфа – построение кривой Ципфа, расчет коэффициента локализации Лоренца и др.);

3) *картографические и геоинформационные методы* (построение карт и ГИС-моделей);

4) *методы типологизации и зонирования территорий* (по показателям расселения и демографической ситуации).

В *таблице 1.2* представлены методы, применяемые в отечественных исследованиях трансформации систем расселения и их демографических проявлений. Среди них преобладают структурно-динамический анализ, позволяющий отследить как текущее состояние, так и характеристики изменения показателей размещения населения; картографический и геоинформационный методы, помогающие отразить пространственные особенности расселения и визуализировать их.

Для анализа трансформации систем расселения и сопутствующих демографических процессов в основном используются данные переписей населения и текущего статистического учета, в том числе муниципальной статистики. В ряде исследований привлекаются дополнительные информационные ресурсы, например данные электронных поисково-информационных картографических служб («Яндекс.Карты» и «Google Maps») [Егоров, 2020; Гуменюк, Юстратова, 2021].

Одним из ключевых показателей расселения выступает людность населенных пунктов (величина по числу жителей). Сельские населенные пункты по людности подразделяются на *безлюдные* (не имеющие населения), *одnodворки* (с населением до 10 человек), *малолюдные* (от 10 до 200 человек), *средние* (от 200 до 1000 человек), *крупные* (от 1000 до 2000 человек), *крупнейшие* (от 2000 человек и больше)¹¹. Среди городских населенных пунктов по людности выделяют *малые города* и *поселки городского типа* (до 50 тыс. человек), *средние* (от 50 до 100 тыс. человек), *большие* (от 100 до 250 тыс. человек), *крупные* (от 250 до 500 тыс. человек), *крупнейшие города* (от 500 тыс. человек до 1 млн человек) и *города-миллионники* (от 1 млн человек и больше)¹². В рамках структурно-динамического анализа систем расселения рассматривается как количество населенных пунктов с разной людностью, так и численность их населения. Кроме того, при изуче-

¹¹ Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1

¹² Свод правил СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209>

нии пространственного размещения населения применяются показатели плотности населения и средней людности населенных пунктов.

Таблица 1.2. **Методы исследования трансформации систем расселения и их демографических проявлений в отечественных исследованиях**

Уровень	Исследования	Структурно-динамический анализ	Математические и статистические методы	Картографич. и геоинформационные методы	Методы типологизации и зонирования
<i>Система расселения в целом</i>					
Общестрановой	Нефедова Т.Г., Глезер О.Б.	+	-	+	-
Региональный	Соболев А.В.	+	-	-	+
	Сивохип Ж.Т.	+	-	+	+
	Безвербный В.А., Мирязов Т.Р.	+	-	+	-
	Гаврильева Т.Н. и др.	+	+	-	-
Муниципальный	Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.	+	-	-	+
	Гуменюк И.С., Юстратова В.О.	+	-	-	+
	Олифир Д.И.	+	-	-	-
<i>Система городского расселения</i>					
Общестрановой	Карачурина Л.Б.	+	-	-	-
	Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.	+	+	+	-
Региональный	Фаузер В.В. и др.	+	-	+	-
Муниципальный	Лучников А.С., Меркушев С.А.	+	-	+	-
	Григорович М.А.	+	-	+	-
	Дьяченко В.Н., Лазарева В.В.	+	-	-	-
<i>Система сельского расселения</i>					
Общестрановой	Зубаревич Н.В.	+	-	+	+
	Алексеев А.И., Сафронов С.Г.	+	-	+	-
Региональный	Нефедова Т.Г.	+	-	+	-
	Аверкиева К.В.	-	-	+	-
	Ускова Т.В., Патракова С.С.	+	-	+	-
	Ахметов Р.Ш., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю.	+	-	+	-
	Вихрев О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А.	+	-	+	+
Муниципальный	Егоров Д.О.	+	-	+	-
	Хаиров Р.А.	+	-	+	-
	Солдатова Н.В.	+	-	-	-
	Манakov А.Г., Дементьев В.С.	+	-	+	-
Составлено по: [Нефедова, Глезер, 202; Соболев, 2015; Сивохип, 2017; Безвербный, Мирязов, 2019; Ретроспектива расселения в Якутии..., 2019; Карачурина, Мкртчян, 2016; Гуменюк, Юстратова, 2021; Олифир, 2021; Карачурина, 2013; Фаттахов и др., 2019; Население городских поселений..., 2021; Лучников, Меркушев, 2022; Григорович, 2022; Дьяченко, Лазарева, 2022; Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015; Нефедова, 2021; Аверкиева, 2017; Ускова, Патракова, 2021; Ахметов и др., 2022; Вихрев и др., 2016; Егоров, 2020; Хаиров, 2018; Солдатова, 2016; Манakov, Дементьев, 2017].					

Среди ключевых тенденций пространственной трансформации расселения *на общестрановом уровне* Т.Г. Нефедова и О.Б. Глезер называют концентрацию сельского и городского населения в крупных населенных пунктах на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов, что неизбежно приводит к сжатию социально-географического пространства и его поляризации [Нефедова, Глезер, 2020]. Расслоение населенного пространства России связано с относительно редкой сетью больших городов. Огромные пространства за пределами пригородов с сильным оттоком населения выступают социально-демографической «пустыней». Особенно сильны процессы поляризации населения в сельской местности староосвоенных районов Нечерноземья с его мелкоселенностью¹³.

Отечественными исследователями осуществлялось *зонирование территории России по характеру расселения населения и их освоенности*. Так, Т.Г. Нефедова выделила пять зон по типу освоения территорий и пространственной организации деятельности [Нефедова, 2013]: *слабоосвоенная зона* (около 50% территории страны, на ней проживает менее чем 1,5% сельского населения; большая часть Азиатской части России и Крайний Север); *зона очагового и линейного избирательного освоения с лесным хозяйством и добычей полезных ископаемых или лесная зона* (22% территории России, в ней живет 3% сельского населения; широкая полоса от Белого и Баренцева до Охотского и Японского морей); *зона мозаичного промышленно-городского и мелкоселенного сельскохозяйственного освоения или лесо-сельскохозяйственная* (13% территории России, на ней проживает 53% городского и 30% сельского населения страны; от Ленинградской и Смоленской областей (включая Калининградскую) на западе до юга Дальнего Востока); *зона сельскохозяйственно-городского развития* (12% территории России, где проживает почти 60% сельского населения и повышена его плотность; территории в треугольнике «Курск – Краснодар – Красноярск»); *горно-предгорные территории с очагами добычи полезных ископаемых* (6% территории России, два подтипа по плотности населения: на Кавказе – высокая, в Сибири – низкая, но, тем не менее, для них характерны сходные процессы). Согласно данной типологии, в первой и второй зонах, которые вместе составляют более 70% площади территории страны, проживает лишь

¹³ Нефедова Т. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenie-rossiyskoy-periferii.html

около 5% сельского населения. Тогда как в пределах наименьших по площади территорий четвертой и пятой зон, напротив, сосредоточено около 70% всех сельских жителей [Нефедова, 2013].

Проблема усиления поляризации в системах расселения *на региональном уровне* анализируется, в частности, для Северо-Западного экономического района. В ходе изучения влияния уровня развития и размещения производительных сил на демографические процессы и тенденции трансформации системы расселения населения Ленинградской, Новгородской и Псковской областей А.В. Соболевым подтверждено несоответствие сложившихся региональных систем расселения пространственным структурам экономики регионов, оказывающее негативное влияние на демографические процессы и миграционную активность населения, особенно в сельских поселениях, что выражается в чрезмерной концентрации трудовых ресурсов в наиболее крупных и средних городах регионов, а также в увеличении демографической нагрузки на трудоспособное население на периферийных территориях [Соболев, 2015: 155].

В исследовании трансформации расселения *на муниципальном уровне* Л.Б. Карачуриной и Н.В. Мкртчяном осуществлена группировка муниципальных образований России по плотности населения и положению в центр-периферийной системе. Авторами установлено, что более половины населения страны (53%) живет на плотно населенной территории поблизости (до 50 км) от региональных центров, которые занимают лишь 5% территории страны. В свою очередь 5% россиян проживает в 14% муниципальных образований, находящихся на расстоянии свыше 300 км от регионального центра и с плотностью населения менее 10 чел./км², но занимающих 66% территории. Выявлены муниципалитеты «медвежьих углы», удаленные от региональных центров на 500 км и более и с плотностью населения менее 1 чел./км², но занимающие более половины площади территории страны. Группировка муниципальных образований одновременно по показателю плотности населения и по параметрам миграции показала, что нетто-миграция по всем потокам, кроме международной, имеет четко выраженную связь с заселенностью: чем разреженнее территория, тем чаще для нее характерен отток населения, и наоборот [Карачурина, Мкртчян, 2016: 50–51].

В работе Р.В. Фаттахова, М.М. Низамутдинова и В.В. Орешникова выявлены такие *тенденции развития системы городского расселения России*, как: увеличение численности и доли населения городов-миллионников; сокращение численности жителей городов с людностью 50 тыс. человек и

меньше; отток мигрантов, рабочей силы и интеллектуального капитала из малых и средних городов; старение населения малых городов; повышение контрастности расселения вследствие нарастания разрыва между мегаполисами и провинциальными городами [Фаттахов и др., 2019: 446]. В исследовании демографической трансформации российских городов разной людности Л.Б. Карачурина приходит к выводу о том, что в период с 1991 по 2011 г. всем городам была свойственна кумулятивная естественная убыль, при этом ее размеры принципиально не зависели ни от размера города, ни от его положения в системе расселения региона, а в отдельных случаях определялись только макроположением (на депопулирующем Севере или растущем Юге страны) [Карачурина, 2013: 33]. Благополучными в части естественного движения оказались молодые города – центры нефтегазодобычи, а также города вблизи построенных в позднесоветский период ГЭС или АЭС. Автор отмечает, что миграционные процессы городов разной людности более дифференцированы, в частности выявлены следующие закономерности: чем дальше от регионального центра располагается город, тем ниже его миграционная привлекательность; чем выше людность городов, тем выше значимость миграционного прироста в качестве компенсатора естественной убыли (для малых городов это 22%, для крупнейших – почти 65%) [Карачурина, 2013: 34].

В качестве ключевого тренда *трансформации сельского расселения* в стране Н.В. Зубаревич обозначает поляризацию сети сельских населенных пунктов, выражающуюся в быстром росте доли мельчайших населенных пунктов и небольшом увеличении доли самых крупных, при одновременном вымывании мелких и средних поселений. При этом по показателям сельского расселения (средняя людность, доля безлюдных и малых населенных пунктов, удельный вес населения мелких и крупных населенных пунктов) автор выделяет следующие типы территорий России: *мелкоселенное Нечерноземье* (7% сельского населения); *измельчавшие среднеселенные* регионы (12%); *агломерации с наиболее поляризованным расселением* (5%); *среднеселенные* регионы (30%); *средне-крупноселенные* регионы (26%); *крупноселенные* регионы (20%) [Зубаревич, 2013: 31–34]. В свою очередь А.И. Алексеев и С.Г. Сафронов доказывают, что неравномерность эволюции сельского расселения в регионах РФ также проявляется в том, что постепенное «проседание» всей сети с медленным уменьшением средней людности происходит в относительно благополучных регионах лесостепной зоны, тогда как «обвал» сети типичен для областей Нечернозе-

мья с уменьшением числа средних по числу жителей поселений за счет их измельчания и перехода в разряд мельчайших. Постоянное укрупнение людности поселений при сохранении общего рисунка сети характерно лишь для небольшого числа регионов Юга России [Алексеев, Сафронов, 2015: 74].

К.В. Аверкиева также приходит к выводу о мелкоселенной структуре расселения для сельской местности Нечерноземья, однако отмечает внутрорегиональную дифференциацию по средней людности сельских поселений: наименьший показатель характерен для исторически мелкоселенных Псковской, Тверской, Ярославской областей, а наибольший – для более южной Брянской, Нижегородской и Владимирской областей, в которых много несельскохозяйственных населенных пунктов [Аверкиева, 2013: 111]. В работе показано, что, несмотря на в целом неблагоприятную демографическую ситуацию в Нечерноземье, динамика сельского населения данной территории неравномерна: вблизи основных «центров притяжения» его численность увеличивается или сохраняется на прежнем уровне за счет компенсации естественных потерь миграционным притоком, а по мере удаления от крупных городов падает плотность сельского населения, отмечаются ускоренные процессы его естественной и механической убыли [Аверкиева, 2013: 111].

Трансформация систем расселения изучается и на уровне отдельных регионов. В исследованиях Н.В. Солдатовой, Т.В. Усковой и С.С. Патраковой выявлены следующие тенденции в сельском расселении Вологодской области за период между переписями 2002 и 2010 годов: увеличение числа и удельного веса пустующих сельских населенных пунктов; сокращение доли населения малых и средних сельских населенных пунктов при одновременном росте численности крупных; концентрации населения в зоне влияния крупных городов – Вологды и Череповца [Солдатова, 2016; Ускова, Патракова, 2021]. Установлено, что наибольшая доля безлюдных поселений характерна для сельских территорий ближней периферии [Ускова, Патракова, 2021: 40]. В качестве уникальной черты системы сельского расселения Вологодской области К.В. Аверкиева отмечает его «кустовой» характер на севере и в восточной части области, при котором относительно небольшие (в пределах 200 человек) населенные пункты группируются на безлесных участках, формируя своеобразные «кусты», чаще всего в долинах рек [Аверкиева, 2017: 90]. В рамках исследования развития малых и средних городов Севера России И.А. Секушина отмечает такие тенденции в

системе городского расселения Вологодской области, как нарастание диспропорций и усиление концентрации жителей в крупных и больших городах [Секушина, 2022].

Таким образом, одной из ключевых категорий при исследовании пространственных трансформаций выступает система расселения. Изучение изменений в системах расселения осуществляется в рамках теории дифференциальной урбанизации и эволюции расселения, концепции организации экономического пространства, теории регионального неравенства в уровне социально-экономического развития, центр-периферийной концепции пространственного развития, теории «сжимающихся городов», концепций агломерационных процессов. Эмпирический анализ систем городского и сельского расселения, а также их демографических проявлений проводится на трех уровнях: общестрановом, региональном и муниципальном (внутрирегиональном), а в качестве основных методов выступают структурный и динамический анализ, математические и статистические методы, картографические и геоинформационные методы, методы типологизации и зонирования территорий.

Результаты исследований системы расселения свидетельствуют о следующих особенностях и тенденциях ее трансформации в России: о концентрации сельского и городского населения в крупных населенных пунктах на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов; увеличении численности и доли населения городов-миллионников; сокращении численности жителей городов с людностью 50 тыс. человек и меньше; об оттоке мигрантов, рабочей силы и интеллектуального капитала из малых и средних городов; о старении населения малых городов; повышении контрастности расселения вследствие нарастания разрыва между мегаполисами и провинциальными городами; быстром росте доли мельчайших населенных пунктов и небольшом увеличении доли самых крупных при одновременном вымывании мелких и средних поселений. Следствием обозначенных изменений становятся сжатие социально-географического пространства, его поляризация и фрагментация. Кроме того, отечественные исследования подтверждают факт заметной дифференциации регионов России по показателям сельского и городского расселения, что находит отражение в зонировании территорий страны по характеру размещения населения и его демографическим проявлениям (параметры естественного движения и миграции населения, его возрастная структура).

1.3. Трансформация занятости в ракурсе пространственного развития территорий

Изменения в занятости происходят под влиянием многих факторов, связанных с развитием научно-технического прогресса и цифровизации, демографических процессов, ростом мобильности рынков и капитала, ориентацией на инклюзивность и устойчивое развитие, трансформацией социально-трудовых ценностей и т.д. Эти тенденции влияют на спрос и предложение на рынке труда и проявляются на всех уровнях (глобальном, национальном, региональном и локальном), способствуя появлению новых форм и стандартов занятости, преобразуя условия труда и его пространственную организацию, трансформируя трудовые стратегии населения и институты рынка труда.

Обозначенные тренды в полной мере характерны для России, но в то же время на них накладываются и другие специфические обстоятельства. В условиях российской действительности большая роль отводится пространственному фактору. Основными вызовами при этом являются: сложность освоения имеющейся обширной территории; неравномерность расселения; нехватка финансирования и интересы держателей власти и капитала [Нефедова, Глезер, 2020: 214]. Сжатие освоенного пространства будет ключевым трендом пространственного развития РФ в среднесрочной перспективе, в результате чего произойдут сокращение трудового потенциала малых городов и сельской периферии за пределами агломераций, поляризация пространства и человеческого капитала, деформация опорного каркаса территории.

Пространственный аспект в значительной мере влияет на трудовые стратегии населения и их реализацию, что напрямую отражается на развитии рынков труда в регионах и муниципалитетах страны. В свою очередь это актуализирует исследование трансформационных процессов в сфере занятости сквозь призму пространственного фактора, в частности в разрезе «города – сельская периферия», что будет способствовать определению первоочередных направлений и совершенствованию инструментов территориальной социальной политики. Кроме того, в последние годы усилилось значение эпидемиологического и геополитического факторов, что может ускорять процессы трансформации социально-трудовых отношений, в том числе в пространственном ракурсе.

Теоретические аспекты изучения социально-экономического пространства. Базисом теории пространственного развития являются труды таких представителей *классических концепций размещения хозяйственной деятельности*, как И.Г. фон Тюнен (модель «изолированного государства») [Von Thünen, 1826], В. Лаунхардт, А. Вебер (теория размещения промышленности), Г. Хотеллинг (модель линейного города) [Hotelling, 1929; Launhardt, 1882; Weber, 1922]. У. Айзард [Isard, 1962] обозначил ключевые принципы теории пространственного развития, заложившие в дальнейшем фундамент концепции территориально-промышленных комплексов, разработанной советскими учеными Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским [Баранский, 1980; Колосовский, 1941], согласно которой развитие экономического района связано с его специализацией, размещением соответствующих ей предприятий в зависимости от ресурсов района.

Значительный вклад в развитие пространственной экономики и географии в XX веке внесли *теории организации пространства*, а именно теория центральных мест В. Кристаллера [Christaller, 1933] и теория организации экономического пространства А. Лёша [Lösch, 1954], отражающие пространственные закономерности развития производительных сил и непроизводственной сферы. Согласно теории В. Кристаллера, экономическое пространство представляет собой иерархическую структуру, в основе формирования которой находятся города и агломерации, образующие правильные треугольные сети. В работах А. Лёша представлена равновесная модель размещения производства и населенных пунктов. Значительным стимулом для развития пространственной теории стала теория «полюсов роста» Ф. Перру, объединяющая пространственное развитие с концентрацией ресурсов в определенных отраслях экономики [Perroux, 1950]. Данная теория получила развитие в направлениях, связанных с исследованиями: *агломерационных процессов* Ж. Будвиля [Boudeville, 1966], Дж. Фридмана [Friedmann, 1966], П. Кругмана [Krugman, 1998], Х. Ричардсона [Richardson, 1993] и др.; *организации кластерных сетевых структур* М. Портера [Porter, 1998]; *осей развития* П. Потье [Pottier, 1963]; *распространения (диффузии) инноваций* Т. Хегерстранда [Хегерстранд, 1994].

Современные теории пространственного развития регионов России берут истоки в трудах А.Г. Гранберга [Гранберг, 1973], О.С. Пчелинцева [Пчелинцев, 1966], П.А. Минакира [Минакир, 2016], М.К. Бандмана [Бандман, 1990] и других. *Отличительной чертой развития современного российского социально-экономического пространства выступают процессы централизации и периферизации.* Специалистами отмечается, что они усиливают

диспропорции в разрезе «центр–периферия» как на страновом, так и на региональном и субрегиональном уровне [Пространство современной России..., 2012: 17–19]. Происходит концентрация ресурсов в крупных центрах, а небольшие (особенно сельские) населенные пункты испытывают в них дефицит, находясь в условиях выживания, что ведет к сжатию освоенного пространства. Еще одной характеристикой изменения территориальной структуры общества выступает фрагментация пространства, отражающая углубление различий между населенными пунктами сходного масштаба (к примеру, между малыми городами, имеющими различное географическое положение) [Бакланов и др., 2012: 35]. Развитие процессов цифровизации и возникающая в результате этого проблема цифрового разрыва пространства усугубляют ситуацию, усиливая поляризацию территорий (особенно в случае одновременной транспортной и цифровой отчужденности). Однако при нивелировании этого разрыва цифровая доступность может, напротив, стать катализатором позитивных изменений, сглаживая процессы периферизации. Зачастую объектом исследований выделенных процессов выступает сельская местность, где они наиболее ярко выражены [Троцковский, 2021: 127–128].

Наличие системных диспропорций в территориальном развитии России вновь обострило вопросы развития городских агломераций [Моргунов, Шутов, Фатуллаев, 2021: 30], которые в соответствии со Стратегией пространственного развития должны сформировать новый опорный каркас территориальной организации пространства. При этом развитие агломераций несет в себе как *позитивные* (повышение эффективности и снижение издержек производства, разработка и диффузия инноваций, увеличение мобильности трудовых ресурсов и расширение возможностей приложения труда и др.), так и *негативные* (стягивание населения периферии, повышение нагрузки на транспортную систему, ухудшение экологической обстановки и т.д.) эффекты [Ворошилов, 2021: 55]. Специалисты отмечают отсутствие в России инструментов развития крупных городов и важность снятия барьеров реализации конкурентных преимуществ в виде агломерационного эффекта [Зубаревич, 2015: 227].

Занятость в фокусе пространственного развития: фактор города и сельской местности. Принимая во внимание изменения территориальной организации общества, отметим, что все более актуальным становится изучение процессов трансформации занятости в ракурсе пространственного развития. Особую важность данная тематика приобретает в свете утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации на

период до 2025 года¹⁴, в которой подчеркивается необходимость содействия диверсификации занятости и расширению поддержки инициатив населения в сфере предпринимательства, не связанного в т.ч. с сельским хозяйством, повышению внутрирегиональной миграционной подвижности населения. Кроме того, в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 отражены национальные цели развития страны на период до 2024 г., направленные на создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека¹⁵.

Территориальный/пространственный фактор оказывает существенное влияние на процессы изменений в сфере занятости в плане *места приложения труда*. «В новых рыночных условиях пространственная организация, в том числе унаследованная от советского времени (*path dependency*), становится непосредственным фактором развития сельской местности» [Пространство современной России..., 2012: 89]. Вследствие приватизации земель сельскохозяйственного назначения и внедрения инновационных агротехнологий произошло снижение кадровой потребности сельского хозяйства. Ситуацию усугубляет упадок личных подсобных хозяйств, в частности, из-за старения населения [Нефедова, 2017]. Кроме того, развитие процессов дезурбанизации создает угрозу для сельскохозяйственной занятости, поскольку строительство дач и коттеджей постепенно отодвигает границы пригородного сельскохозяйственного производства.

Уровень заработной платы в сельском хозяйстве – традиционно один из самых низких по экономике. Так, по данным за 2022 г. среднемесячная номинальная заработная плата работников сельского хозяйства (без учета лесного и рыбного) в России была в 1,4 раза ниже средней по экономике¹⁶. Вкупе с общим разрывом в уровне заработных плат между городом и селом это провоцирует отток населения из сельской местности. При этом, согласно модели Тодаро – Харриса, этот миграционный поток сохраняется, пока разница в уровнях зарплаты между населенными пунктами выбытия и прибытия достаточно существенна и способна «перевесить» риски безработицы [Harris, Todaro, 1970].

¹⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463>

¹⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/

¹⁶ Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Очень ярко ситуация с сельской занятостью описана в коллективной монографии Института географии РАН, посвященной староосвоенным районам России: *«Людей удручают не только отсутствие работы и мизерные зарплаты, но и общая деградация среды, которая затягивает и их самих: “был колхоз, коллектив, настрой на работу”, “сейчас никому ничего не надо”»* [Староосвоенные регионы..., 2021: 241]. Процессы оптимизации учреждений бюджетной сферы (в частности, образования и здравоохранения) [Соловьева, 2016] и общее старение кадров только усилили проблемы занятости в сельской местности. Несколько сглаживает положение (к примеру, в регионах Центральной России) возникновение крупных агрохолдингов и комплексов, которые при нехватке трудовых ресурсов в месте их локализации организуют подвоз работников из близлежащих населенных пунктов [Нефедова, 2021: 139].

Уровень безработицы на селе традиционно выше, чем в городской местности, поскольку возможности для трудоустройства менее разнообразны. При этом необходимо учитывать, что декларируемая безработица в РФ далеко не в полной степени отражает реальную картину. Тем не менее в 2019–2020 гг., за время пандемии коронавируса, разрыв в уровне безработицы между сельскими и городскими территориями продолжил начатое в 2007 г. сокращение за счет более высокого прироста значений показателя в городах. Однако уже спустя год он снова приблизился к историческому пику, достигнув 86,3% [Лайкам и др., 2021: 12].

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года среди направлений решения проблемы занятости сельского населения обозначены: создание новых высокотехнологичных рабочих мест в агросекторе; стимулирование трудовой мобильности; *«поддержка фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, в том числе развитие ремесел и сельского туризма»*¹⁷. Специалисты подчеркивают, что в условиях современности применительно к сельской занятости корректнее использовать термин не «альтернативная занятость» (использовавшийся для работников сельского хозяйства, потерявших работу), а «внегородская занятость». Данный термин характеризует и трудовую деятельность горожан, временно или постоянно выезжающих на работу в сельскую местность, что определяется новым взглядом на практики освоения пространства [Никулина и др., 2022: 119].

¹⁷ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238/

Что касается субурбанизации, то в России в отличие от западных стран эти процессы чаще носят сезонный характер и выражаются в дачном использовании сельских территорий [Махрова, 2015]. В то же время специалистами отмечается, что во время кризисов различного характера (экономических, эпидемиологических и др.) наблюдается временный рост числа уезжающих из городов, в том числе на дачи [Староосвоенные регионы..., 2021: 64]. При этом потоки дачников из городов стимулируют развитие неформальной занятости и малого бизнеса, например, покупая у местного населения натуральные продукты или нанимая их для работы на участке. Активные сельские жители занимаются предпринимательской деятельностью или заняты в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) товарного и нетоварного характера. Однако, согласно данным сельскохозяйственных переписей, удельный вес ЛПХ с заброшенными земельными участками в период с 2006 по 2016 г. возрос с 6 до 11%¹⁸.

Так, в сельской местности Центрального Черноземья порядка 40% жителей имеют стандартную полную занятость, около трети являются самозанятыми (ЛПХ и «калымщики»¹⁹), еще столько же – иждивенцами и получателями пособий, 14% – маятниковыми мигрантами и 9% – отходниками [Аверкиева, Землянский, 2016: 77]. Незрелость инфраструктуры, снижение хозяйственной активности в сельской местности, нарастающая поляризация по линии «центр–периферия» не только приводят к оттоку трудовых ресурсов, но и ограничивают развитие одних форм занятости (телетруд) и стимулируют распространение других (неформальная самозанятость) [Калинина, Соловченков, 2018: 36, 40]. В общероссийском исследовании гендерного аспекта дистанционной занятости было установлено, что готовность женщин к этому виду занятости убывает при удалении от крупных городов [Тонких, 2021: 97]. В то же время на селе достаточно развита временная (сезонная, разовая, случайная) занятость [Калугина, 2012; Неустроева, Попова, 2014].

Города являются опорными точками, связывающими сельское пространство с помощью транспортных сетей. При этом волны урбанизации в России отличаются некоторой цикличностью (*рис. 1.1*).

¹⁸ Всероссийские сельскохозяйственные переписи // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792>.

¹⁹ «Калымщики» – люди, имеющие нерегулярные заработки.

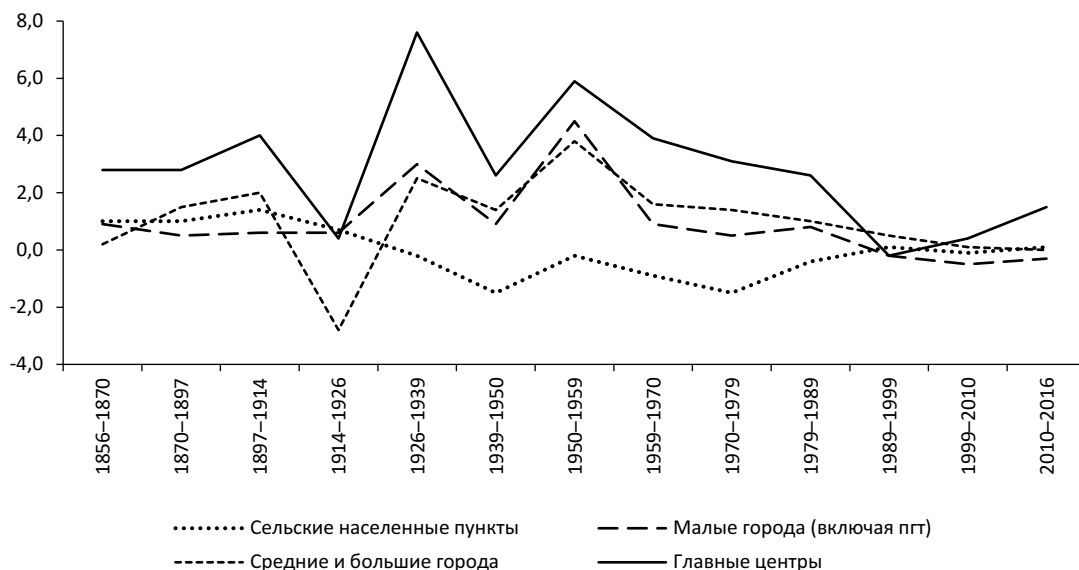

Рисунок 1.1. **Среднегодовые темпы динамики населения в городах и сельской местности, %**

Источник: [Нефедова, Трейвиш, 2017: 14].

Основная масса городов возникла в послевоенные периоды, тогда как кризис начала 1990-х гг. привел к временному оттоку населения из крупных центров. Но к началу 2000-х наметилась обратная тенденция, поскольку проблемы занятости на селе усугубились, а в городах было проще найти работу. Развитие третичного сектора экономики привело к росту удельного веса соответствующих отраслей и появлению большого количества рабочих мест, особенно в крупных городах. Более высокий в них уровень оплаты труда приводил к увеличению разрыва в уровне жизни между центрами и периферийными районами. В малых городах, теряющих население как по естественным, так и миграционным причинам, складывается ситуация, характеризующаяся не только низкими заработными платами, но и общей неблагоустроенностью жизнедеятельности. Особенно серьезное положение отмечается в небольших городах на территориях сельской периферии, имеющих лесозаготовительную специализацию или выработанные ресурсы месторождений полезных ископаемых [Лаженцев, 2015]. Отсюда вытекает проблема занятости в *монопрофильных населенных пунктах*, функционирование которых находится в прямой зависимости от деятельности градо/поселкообразующего предприятия. В случае значительной удаленности от других населенных пунктов (как, например, в сфере лесозаготовок) возможности для развития занятости других видов

ограничены. В целом же, по мнению экспертов, большинство моногородов (более 2/3 и треть поселков городского типа) не испытывают серьезных проблем, поскольку они по сути уже не являются монопрофильными [Зубаревич, 2017а: 39]. В новых геополитических условиях, сложившихся вследствие разворачивания санкций, ухода иностранных компаний, отказа от импорта российских товаров и перебоев в цепочках поставок, функционирование ряда моногородов оказывается под угрозой.

Занятость в фокусе пространственного развития: миграционные аспекты. Одним из важнейших аспектов изучения влияния изменений территориальной организации на социальные процессы и структуры (в том числе занятости) становится *трудовая миграция населения*, в частности, неизбежно сопровождающая агломерационные процессы маятниковая миграция. Сжатие локальных рынков труда в условиях нехватки рабочих мест и общего упадка сельской местности, а также некоторых городских поселений приводит к тому, что часть населения вынуждена искать работу вне постоянного места жительства. Как отмечают специалисты, агломерации в России лишь в небольшой степени являются импульсами развития для периферии и «играют роль “черных звезд”, всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства» [Минакир, 2016: 12]. При этом в основном происходит отток трудоспособного населения, в частности молодежи, что негативно сказывается на перспективах развития периферии.

В слабоосвоенных северных регионах, которые исторически выступали местом временного заработка, распространена *вахтовая занятость*. При плотности населения в трудоспособном возрасте не более 2 чел./кв. км данные территории характеризуются очень низкой концентрацией трудовых ресурсов, что не способствует сбалансированному развитию пространства [Кожевников, 2019: 97]. По данным Росстата, в 2017 г. в стране на заработки вахтовым методом выезжали порядка 1,5 млн человек²⁰. При этом, как отмечает В.Н. Лексин, вахта является не просто формой занятости, а «особым порядком организации жизни ... и пространственной организации экономической и социальной деятельности в регионах и муниципальных образованиях России» [Лексин, 2021: 135]. Несмотря на то что в большинстве своем условия жизни и быта в вахтовых поселениях оставляют желать лучшего, есть и позитивные примеры создания современных поселков.

²⁰ Подцероб М., Смертина П. Как вахтовики воюют с работодателями. И почему вахтовые поселки – подходящее место для трудовых конфликтов // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/11/21/787121-vahtoviki-voyuyut-s-rabotodatelayami>

Так, п. Сабетта (в пер. с ненецкого – «конец земли») в Ямало-Ненецком автономном округе, по мнению специалистов, служит примером *«организации производственно-территориального комплекса, функционирование ... объектов которого полностью определяется интересами ... частной компании»* (ПАО НОВАТЭК. – Прим. авт.) [Лексин, 2021: 135].

Отходничество как регулярная возвратная трудовая мобильность с полугодовым, месячным или недельным ритмом в настоящее время отличается тем, что в нем участвуют не только сельские жители, как было изначально, но и население городов. По сравнению с вахтовиками занятость отходников характеризуется более коротким трудовым графиком. Основным катализатором данного процесса выступают невысокий уровень заработных плат в родном населенном пункте мигранта, а также достаточно высокие цены на недвижимость в принимающем городе. Причем перемещения могут происходить на значительные расстояния (до 500 км). Трансферты таких мигрантов вносят вклад в местную экономику, но из-за их, как правило, низкой квалификации и производительности труда это не приводит к созданию дополнительной добавленной стоимости [Люди. Деньги. Данные, 2020: 11]. К тому же существенная часть отходников сосредоточена в неформальном секторе. Отход из близлежащих районов в крупные города и административные центры провоцирует там возникновение дефицита кадров даже в сельском хозяйстве и бюджетной сфере [Старосвоенные регионы..., 2021: 61–62]. Численность отходников в России по разным данным колеблется от 10 до 20 млн человек [Лексин, 2021: 140].

Маятниковая миграция, характерная, как правило, для населенных пунктов, расположенных вблизи крупных городов, получила импульс к развитию с ростом урбанизации. Ее усилению способствуют увеличение объемов пассажироперевозок и автомобилизация домохозяйств. При этом данный вид миграции может рассматриваться как *«компенсаторный механизм выравнивания неравномерности социально-экономических условий»* территорий [Дьячкова, Мосиенко, 2021: 223]. Маятниковая миграция, с одной стороны, выступает в качестве фактора реализации трудового потенциала населения, а с другой – влияет на процессы пространственного развития территорий, в частности, субурбанизацию [Афонин, 2012], что может приводить к негативному воздействию на развитие сельской местности [Бедрина, Козлова, Ишуков, 2018].

Необходимо отметить, что при нивелировании цифрового неравенства в регионах, городской/сельской местности появляются значительные возможности для развития удаленной занятости. Реализация этого потен-

циала, в свою очередь, определяя векторы территориальной мобильности населения (в том числе мотивацию остаться жить в конкретном населенном пункте), в перспективе может повлиять на пространственное развитие России [Мельникова, 2019: 262–263].

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что пространственный фактор может серьезно воздействовать на занятость населения. Развитие процессов урбанизации влечет за собой стягивание ресурсов с периферийных территорий в крупные города. Более широкие возможности для трудоустройства, высокие уровни заработных плат и доступность качественных социальных и бытовых услуг привлекают жителей малых городов, моногородов и сельской местности. Часть населения переезжает в город для постоянного проживания, а при отсутствии такой возможности (к примеру, в силу дороговизны жилья) становится отходниками или маятниковыми мигрантами. Цифровые технологии в данном случае могут способствовать распространению удаленной занятости и закреплению трудовых ресурсов в малых городах и сельских территориях. Однако здесь возникает проблема обеспечения/совершенствования цифровой инфраструктуры и развития цифровой грамотности населения.

На территориях с очаговой и линейно-очаговой системой расселения и размещения хозяйства наряду с традиционными часто распространены временные и вахтовые формы работы. Так, в связи с достаточно высокой долей монопрофильных населенных пунктов, ресурсным циклом экономики и общим ухудшением финансового положения организаций вопросы трудоустройства на Севере России достаточно актуальны. В этом случае минимизации оттока населения, особенно трудоспособного возраста, препятствуют неконкурентоспособность заработной платы, низкий спрос на трудовые ресурсы, невысокие комфортность проживания и уровень сервиса жителей.

Трудовой потенциал сельской периферии также имеет тенденцию к сокращению, в том числе из-за центростремительных миграционных потоков. Отъезд молодежи и ее невозвращение по окончании образовательных организаций приводит к старению кадров и нехватке высококвалифицированных трудовых ресурсов. Вместе с тем пандемия COVID-19 и ее последствия наталкивают на предположение, что данный фактор может способствовать началу обратной миграции в сельскую местность и популяризации сельского образа жизни. В частности, экспертный опрос, выполненный Институтом аграрных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г., подтвердил вероятность такого сценария, причем ключевыми аспектами

успешности его реализации респондентами отмечены достойная занятость (около 80%), качественное жилье (порядка 55%) и транспортная доступность (примерно 40%) [Проблемы сельского развития..., 2021: 14–15]. Следовательно, именно сфера занятости является краеугольным камнем развития сельской местности. Это позволяет заключить, что не только пространственный фактор влияет на особенности занятости населения, но имеется и обратное влияние.

Концентрация человеческого капитала выступает одним из ключевых факторов пространственного развития и конкурентоспособности территории. Н.Н. Колосовский еще в 1941 г. отмечал, что *«развитие хозяйства района зависит от количества трудовых ресурсов»* (Колосовский, 1941). Исходя из этого, специалисты полагают, что *«будущее периферии неоднозначно и во многом зависит от политики федеральных и региональных властей»* [Нефедова, Глезер, 2020: 247]. С этим нельзя не согласиться, поскольку только создание благоприятных условий для жизнедеятельности, в том числе при участии органов власти, бизнес-структур и гражданского общества, может способствовать развитию периферийных территорий.

Геополитические события последнего времени также будут иметь территориальную специфику, что уже сейчас локально приводит к росту неполной занятости, введению рабочих отпусков, изменению структуры в целом и т.д. Причем если во время пандемии было понимание временности введенных ограничений, то в текущий момент повышение социально-экономической неопределенности не позволяет достаточно четко предвидеть последствия и перспективы выхода из сложившегося кризиса. В связи с этим проблематика трансформационных процессов в сфере занятости современной России, особенно в контексте изменения пространственной организации общества, актуальна и требует дальнейшего развития как в теоретико-методологическом плане, так и в практической деятельности.

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

2.1. Глобальные и национальные особенности трансформации занятости

Для рассмотрения тенденций трансформации занятости в разных ракурсах мы ориентировались на подходы, выделенные нами выше (*параграф 1.1*). В силу ограниченности информационной базы были использованы показатели, характеризующие только четыре подхода: отраслевой (структура занятости), организационно-правовой (формы занятости), институциональный (институциональная среда) и компетентностный (человеческий капитал). В качестве объекта исследования послужили страны «большой семерки» (также G7 или «группа семи»), которые стали основой для сравнения с Россией. Такой выбор обусловлен необходимостью учета тенденций, наблюдающихся в передовых экономиках мира, поскольку фактор общественного благосостояния непосредственно сказывается на занятости населения. Временные границы исследования заданы периодом с 2000 г., при этом верхняя граница интервала не была установлена для отображения наиболее актуальных сведений, что особенно важно в случаях, когда данные по отдельным странам за определенные годы отсутствуют.

Структура занятости. *Обращение к трехсекторной модели экономики служит одним из самых наглядных способов, позволяющих проследить трансформационные сдвиги в занятости населения, которые по своей сути являются отражением перехода общества к очередной стадии развития. Так, постиндустриальный мир ознаменовал ярко выраженное перераспределение рабочей силы в пользу сферы услуг (табл. 2.1). В странах «боль-*

шой семерки» ее доля в структуре занятого населения превышает 70% и продолжает расти. С начала 2000-х гг. значения показателя в России увеличились на 11,0 процентных пунктов (п.п.), достигнув отметки в 67%, что свидетельствует о наиболее интенсивной динамике среди рассматриваемых территорий. Этому способствовал эффект «низкой базы», в результате чего тенденция приобрела более масштабный характер.

Таблица 2.1. Структура занятости населения по секторам экономики в России и странах G7, %

Страна	Первичный сектор			Вторичный сектор			Третичный сектор		
	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.
Великобритания	1,5	1,0	-0,5	25,2	18,0	-7,2	73,3	81,0	+7,7
Канада	2,5	1,3	-1,2	23,3	19,3	-4,0	74,2	79,2	+5,0
США	2,3	1,7	-0,6	22,7	19,2	-3,5	75,0	79,2	+4,2
Франция	4,1	2,5	-1,6	26,3	19,5	-6,8	69,6	78,0	+8,4
Япония	4,9	3,2	-1,7	31,4	23,7	-7,7	63,7	73,1	+9,4
Германия	2,6	1,3	-1,3	33,5	27,6	-5,9	63,8	71,1	+7,3
Италия	5,2	4,1	-1,1	31,8	26,6	-5,2	63,0	69,3	+6,9
Россия	14,5	5,8	-8,7	29,2	26,9	-2,3	56,3	67,3	+11,0

Примечание. Страны ранжированы по предпоследнему столбцу.
Источник: World Bank Open Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org>.

Относительная стабильность наблюдается в первичном секторе экономики, где преобладают отрасли, связанные с добычей сырья (сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых). В «группе семи» на их долю приходится всего несколько процентов занятого населения (от 1% в Великобритании до 4% в Италии), а потенциал к дальнейшему сокращению практически исчерпан. Россия проходит аналогичный путь, хотя и с некоторым запозданием: в период 2000–2021 гг. занятость в первичном секторе снизилась с 15 до 6%, что, по всей видимости, означает приближение к предельным значениям показателя, в том числе в силу весьма ограниченного роста добавленной стоимости в сельском хозяйстве²¹.

В свою очередь перспективы занятости в промышленности носят противоречивый характер. С одной стороны, мы видим повсеместное сокращение удельного веса работников, что может быть следствием как деиндустриализации экономики, так и внедрения технологических инноваций, позволяющих оптимизировать трудовые издержки. С другой стороны,

²¹ Устойчивая трансформация сельского хозяйства в Северной и Центральной Азии // ESCAP. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/0.%20Sustainable%20agriculture%20transformation%20in%20NCA_RUS.pdf

масштабы самого сектора остаются внушительными (в пределах 18–28% от числа занятых), впрочем, как и его вклад в создание национального дохода. Принимая во внимание главенствующую роль промышленности в сфере материального производства, достаточно сложно спрогнозировать последующие изменения в структуре занятости. *Куда больше ясности может внести выделение подсекторов сферы услуг, поскольку в текущем виде она является слишком неоднородной и не отражает приоритетные для современной экономики направления деятельности.* На сегодняшний день в международной статистике отсутствует информация на этот счет (в том числе учитывающая ситуацию в России), однако попытки проведения такого анализа уже активно предпринимаются [D'Agostino et al., 2006].

Формы занятости. Распространение различных форм трудовых отношений также часто рассматривается как проявление глобального процесса трансформации занятости. В этом случае ключевое значение придается изменению привычных практик участия населения в труде, что выражается в постепенном отходе индустриально развитых стран от стандартной занятости, на место которой приходят как хорошо известные, так и новые ее формы. Поскольку данная тенденция имеет весьма продолжительную историю, в ходе анализа нами сделан акцент не на динамике, а на абсолютных значениях показателей, доступных для проведения межстрановых сопоставлений, а именно на уровне неполной, временной занятости и самозанятости.

Когда мы говорим о формах занятости, важно понимать, что масштабы их распространения заметно отличаются в территориальном разрезе (табл. 2.2). Так, по состоянию на 2021 г. уровень неполной занятости в «большой семерке» варьировался от 14% (Франция) до 26% (Япония). При этом за прошедшие 20 лет значения показателя претерпели существенные изменения только в Японии (+9,6 п.п.), Италии (+5,8 п.п.) и Германии (+4,6 п.п.). В других странах картина осталась прежней. В этой связи можно констатировать, что неполная занятость не только активно используется в кризисные периоды²², но и является неотъемлемой чертой современных рыночных отношений. Вместе с тем опыт России свидетельствует об обратном: подобного рода практики не получили широкого распространения – к ним прибегают около 4% занятого населения, что на 3,3 п.п. ниже уровня 2000 года. Отсюда и сильные различия в продолжительности рабочего вре-

²² Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326.pdf

мени, которые при сравнении максимума (1965 часов в год на одного работника в РФ) и минимума (1382 часа в Германии) превышают 40%²³.

Таблица 2.2. **Распространение отдельных форм занятости в России и странах G7, %**

Страна	Неполная занятость			Временная занятость			Самозанятость		
	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.
Италия	11,2	17,0	+5,8	10,1	16,4	+6,3	28,2	21,9	-6,3
Великобритания	23,3	21,7	-1,6	7,0	5,6	-1,4	12,3	14,3	+2,0
Канада	18,1	18,4	+0,3	12,5	12,1	-0,4	16,1	14,3	-1,8
Франция	14,3	13,8	-0,5	15,4	15,1	-0,3	11,4	12,5	+1,1
Япония	16,0	25,6	+9,6	14,5	15,0	+0,5	16,9	9,8	-7,1
Германия	17,6	22,2	+4,6	12,7	11,4	-1,3	10,9	8,3	-2,6
Россия	7,4	4,1*	-3,3	5,5	7,5*	+2,0	11,1	6,6	-4,5
США	25,9	25,3	-0,6	4,0	4,0	0,0	7,6	6,6	-1,0

Примечание. Страны ранжированы по предпоследнему столбцу.
* 2020 г.
Источники: OECD.Stat // OECD. URL: <http://stats.oecd.org>; World Bank Open Data // World Bank URL: <https://data.worldbank.org>

Схожим образом обстоят дела и с временной занятостью, которая отмечается более чем у каждого десятого работника стран «большой семерки». Исключение составляют Великобритания и США, где значения показателя заметно ниже (6 и 4% соответственно) и в большей мере напоминают ситуацию в России (7%). За рассматриваемый период частота заключения срочных трудовых договоров сохранилась на прежнем уровне во всех странах, кроме Италии (увеличение на 6,3 п.п.). Такая динамика может объясняться тем, что *временная занятость заняла свою нишу в системе трудовых отношений и отвечает интересам определенной части субъектов рынка труда*. Стимулы к её дальнейшему росту/падению в настоящий момент отсутствуют.

Гораздо менее однозначным видится развитие самозанятости, масштабы распространения которой сопоставимы с предыдущими формами занятости, однако имеют тенденцию к снижению. Обозначенный тренд характерен для всех стран «группы семи», кроме Великобритании (+2,0 п.п.) и Франции (+1,1 п.п.). Стремительный рост самозанятости в России произошел в конце прошлого века, когда реализация рыночных реформ сопровождалась серьезными социально-экономическими потрясениями. В результате к 2000 г. значения показателя достигли 11%, после чего

²³ Данные за 2019 г., поскольку последствия пандемии COVID-19 повлекли за собой стремительное сокращение рабочих часов. Уровень неполной занятости при этом не изменился. Источник: Hours worked // OECD. URL: <https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm>

стабилизировались на уровне 7%. С введением специального налогового режима – «Налог на профессиональный доход» – можно ожидать дальнейшего увеличения числа самозанятых граждан, чему могут также способствовать цифровые технологии, расширяющие возможности для индивидуальной занятости. Вместе с тем в глобальной перспективе существует немало сдерживающих факторов, обусловленных преимущественно качеством таких рабочих мест.

Институциональная среда. Вопросы трансформации занятости нередко раскрываются посредством анализа динамики институтов рынка труда, поскольку они не только оказывают влияние на трудовые стратегии населения, но и могут служить маркером общественного развития. Для первого случая характерным примером является минимальная заработная плата, которая может рассматриваться в качестве инструмента регулирования занятости. Сами по себе абсолютные значения этого показателя не играют определяющей роли при межстрановом сравнении, поэтому для этих целей используют индекс Кейтца – отношение минимальной заработной платы к медианной. Как правило, в развитых странах данное отношение устанавливается на уровне 50–65%²⁴. В то же время, обращаясь к опыту «группы семи», можно увидеть еще большую вариативность: от 29% в США до 61% во Франции (табл. 2.3). В России благодаря заметному увеличению минимального размера оплаты труда в последние годы индекс Кейтца возрос до 36% (с 9% в 2000 г.).

Таблица 2.3. **Отдельные показатели развития институтов рынка труда в России и странах G7**

Страна	Индекс Кейтца, %			Степень юнионизации работников, %		
	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.
Италия	-	-	-	35,0	32,5	-2,5
Канада	41,4	48,9	+7,5	30,1	28,3	-1,8
Россия	8,8	36,2	+27,4	43,5*	27,4**	-16,1
Великобритания	40,9	57,0	+16,1	29,8	23,4	-6,4
Япония	32,2	44,9	+12,7	21,5	16,8	-4,7
Германия	-	49,5	-	24,5	16,2	-8,3
США	35,8	29,1	-6,7	12,9	9,8	-3,1
Франция	61,7	61,0	-0,7	12,6	8,9***	-3,7

Примечание. Страны ранжированы по предпоследнему столбцу.
* 2006 г. ** 2017 г. *** 2018 г.
Источники: ILOSTAT // ILO. URL: <https://www.ilo.or0067/iloostat/>; OECD.stat // OECD. URL: <https://stats.oecd.org/>; данные Росстата.

²⁴ Global Wage Report 2020–21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_762534.pdf

С точки зрения трансформационных преобразований в занятости населения гораздо более показательным является второй случай, который, по нашему мнению, нагляднее всего может быть представлен через охват работников профсоюзным членством. Согласно статистике, он имеет устойчивую тенденцию к сокращению как в странах «большой семерки» (от -1,8 п.п. в Канаде до -8,3 п.п. в Германии), так и в России, демонстрирующей самое сильное падение (-16,1 п.п.). В результате на конец рассматриваемого периода степень юнионизации в России составила всего 27%, хотя еще в СССР профсоюзное движение носило достаточно массовый характер. В связи с этим можно сделать вывод о сужении возможностей для социального диалога и трипартизма, что, вероятнее всего, является следствием индивидуализации труда, когда вопросы организации трудового процесса все чаще решаются работниками самостоятельно. Например, на российском рынке труда не только активно развивается занятость в неформальном секторе²⁵, но и широко распространены ее теневые практики (неофициальное трудоустройство, получение зарплаты «в конверте» и т.д.) [Покида, Зыбуновская, 2021].

Человеческий капитал. Изменение требований экономики к качественным характеристикам работников косвенным образом может свидетельствовать о глубоких сдвигах в занятости. Такой ракурс имеет много общего с изучением межсекторального перераспределения рабочей силы, однако в данном случае акцент делается на значимости навыков или качеств, используемых в труде. К сожалению, оценить их динамику достаточно сложно, в особенности, когда речь идет о необходимости проведения анализа на страновом уровне. В этом отношении особая роль отводится инициативным социологическим опросам, которые позволяют сделать соответствующие замеры. Для подтверждения этого обратимся к результатам исследования, выполненного специалистами Глобального института McKinsey. Как видно из *рисунка 2.1*, в ближайшее десятилетие ожидается увеличение спроса на технологические (+55%), высокие когнитивные (+8%), социальные и эмоциональные (+24%) навыки, которые активно применяются и сейчас, хотя и уступают навыкам физической и ручной работы по количеству отработанных часов.

²⁵ Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx

Рисунок 2.1. Прогноз изменения значимости навыков в экономике*

* Агрегированные данные по странам G7 (без Японии и Канады), а также Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Греции, Нидерландов, Норвегии, Испании, Швеции и Швейцарии.

Источник: Skill shift: Automation and the future of the workforce // McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce>

Что касается России, то провести прямые параллели с обозначенным выше примером не представляется возможным. Это, в частности, касается и вопросов трудовой мотивации, которые мы оставили за рамками нашей работы в силу отсутствия длинных рядов показателей в межстрановом разрезе и сложности интерпретации самого предмета исследования. В случае же с изучением динамики требований рабочих мест к качественным характеристикам населения мы можем воспользоваться материалами отечественных исследований, которые, хотя и построены на иной методологии, могут помочь сформировать общее представление об изменении значимости навыков. Так, в период 2000–2019 гг. индексы²⁶ нерутинных физических и рутинных физических задач сократились на 16 и 10% соответственно [Гимпельсон, Капелюшников, 2022: 80–81]. В свою очередь позитивный тренд продемонстрировали индексы интерактивных (+20%) и аналитических (+10%) задач. О росте востребованности интеллектуального потенциала работников также свидетельствуют и данные региональных опросов. В частности, расчеты на данных Вологодской области показали, что с начала 2000-х гг. заметно возросли требования к творческому (+0,103) и когнитивному (+0,052) потенциалу, потребности в достижениях (+0,051) и психическому здоровью (+0,020), в то время как коммуника-

²⁶ Индексы показывают, какую долю в общем числе задач, выполняемых в рамках той или иной профессии, составляют задачи данного типа.

бельность (-0,038), культурный (-0,012) и нравственный (-0,010) уровни становятся все менее востребованными (рис. 2.2). В конечном итоге это приводит к тому, что занятость населения адаптируется под выполнение работ, связанных с решением когнитивных и технологических задач и межличностным взаимодействием. Одним из проявлений такой трансформации может служить развитие удаленной занятости, потенциал которой особенно сильно проявил себя в период пандемии COVID-19.

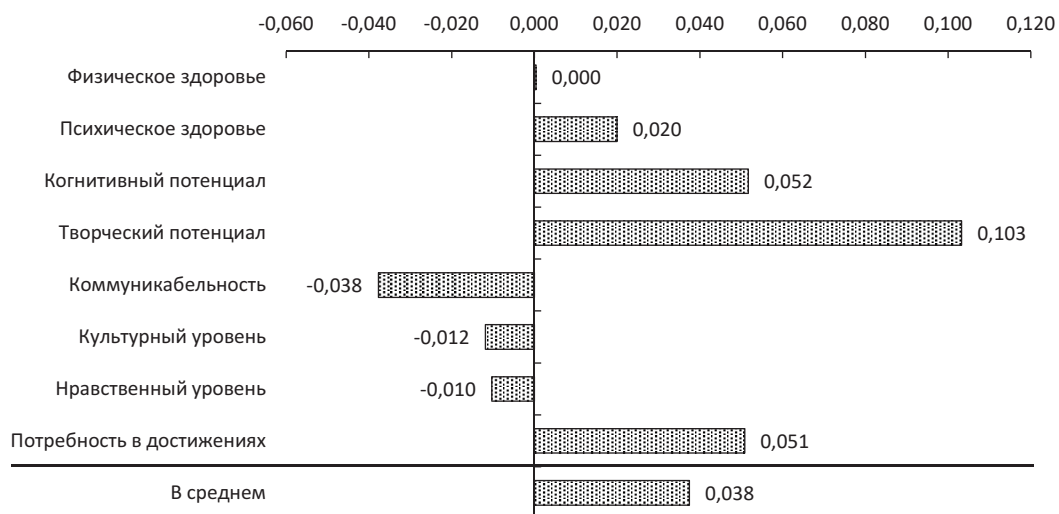

Рисунок 2.2. Динамика индекса требований рабочих мест к качественным характеристикам населения Вологодской области в период 2000–2022 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000–2022 гг.

Таким образом, анализ показал многогранность глобального процесса трансформации занятости, который может быть представлен в самых разных контекстах: от межсекторального перераспределения рабочей силы до особенностей взаимодействия работников с институциональной средой. При этом если в одном случае изменения могут практически отсутствовать, то в другом – приобретать ярко выраженный характер. В этой связи важно не только принимать во внимание вариативность проявлений изучаемого феномена, но и продолжить поиск новых возможностей для его исследования.

Судя по межстрановым сопоставлениям, трансформация занятости в России имеет много общего с тем, что происходит в западном мире, но несколько «запаздывает» по ряду направлений. Так, доля сферы услуг в

структуре занятого населения ниже, чем в странах «большой семерки», хотя и демонстрирует наибольший рост как в абсолютном, так и в относительном выражении. Схожая ситуация наблюдается и в первичном секторе экономики, который со временем аккумулирует все меньшее число работников. В этой связи в ближайшей перспективе можно ожидать сохранения паритета между отраслями либо последующего сокращения занятых в промышленности. Нестандартные формы занятости (временная, неполная и самозанятость) также получили развитие в России, как и за рубежом, однако масштабы их распространения весьма скромны и варьируются от 4 до 8%, в результате чего средняя продолжительность отработанного времени в стране находится на относительно высоком уровне. Иным образом обстоят дела со степенью юнионизации работников и изменением значимости тех или иных навыков в трудовой деятельности (несмотря на методологические сложности), где Россия мало чем отличается от «группы семи». С одной стороны, занятость населения предоставляет все меньше возможностей для социального диалога, с другой – адаптируется под выполнение новых задач, которые могут быть реализованы, например, посредством цифровых платформ.

Учитывая нестабильность геополитической обстановки и общую тенденцию деглобализации, следует отметить, что процесс трансформации занятости в России может принимать более специфический характер, реагируя на вызовы внешней среды. Рост неопределенности и тренды на импортозамещение, реиндустриализацию, диверсификацию каналов поставок и т.д., по всей видимости, затронут и сферу занятости, в частности ее отраслевую структуру, масштабы трудовой мобильности, предложение труда и др. Однако представляется, что это не будет препятствовать дальнейшему становлению постиндустриальной парадигмы занятости, которая уже сейчас находит широкое отражение в условиях российской действительности. В этом плане открытым остается вопрос относительно действий органов власти, чья позиция может вносить существенные коррективы в развитие системы социально-трудовых отношений в стране. По нашему мнению, основное внимание должно быть направлено на обеспечение оптимального баланса между гибкостью занятости и достойным трудом, что потребует усилий не только государства как гаранта социальной стабильности, но и других субъектов рынка труда (прежде всего профсоюзов). В противном случае реакция на возможные негативные проявления трансформационного процесса, среди которых прекаризация занятости, поляризация рабочих мест и т.д., может быть слишком запоздалой.

2.2. Тенденции и региональные различия пространственной трансформации территорий

В настоящее время Российская Федерация находится перед лицом серьезных демографических угроз, таких как старение населения и депопуляция вследствие его суженного воспроизводства. Обозначенные вызовы не являются специфическими для нашей страны, однако имеют выраженную территориальную специфику, обусловленную неравномерностью ее пространственного развития. Геополитическая нестабильность также накладывает отпечаток на динамику населения, что отражается не только на процессах естественного движения (рождаемости и смертности), но и миграции и, как следствие, на характере территориального размещения населения. Являясь крупнейшим государством мира по площади территории (17 125,2 тыс. км²)²⁷, по численности населения Россия занимает лишь 9 место среди 193 стран-членов ООН (147,19 млн человек)²⁸. При этом свыше 3/4 территории страны расположено в её Азиатской части, тогда как почти 3/4 населения проживает в Европейской части. Средняя плотность населения Европейской части России более чем в 10 раз превышает данный показатель в Азиатской части [Нефедова, Глезер, 2020: 218]. По оценкам специалистов, не менее 40% населения страны (жителей крупных и крупнейших городов и зон их активного влияния) сосредоточено примерно на 1% ее территории. Отмечается, что если добавить сюда все большие города и зоны их влияния, средние города – опорные пункты северных и восточных нефтегазовых и горнорудных районов, портовые центры, а также интенсивно растущие, но не обеспечивающие занятость трудоспособного населения города Северо-Кавказского федерального округа, то получится, что до 60% населения России проживает на 5% территории [Нефедова, Глезер, 2020: 244].

Среди причин неравномерного расселения населения по российской территории выделяют следующие: её огромные размеры и, как следствие, сложности в освоении; разнообразные природные условия; редкую сеть больших городов и различия по оси «центр–периферия»; неравенство в возможностях для развития; незавершенную урбанизацию; исторически сложившуюся пространственную неравномерность; сильную централизацию экономики и социальное неравенство [Нефедова, 2021: 127]. Неравно-

²⁷ Российский статистический ежегодник 2021 / Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_13/Main.htm

²⁸ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

мерность пространственного развития и сжатие освоенного пространства влекут за собой сокращение трудового потенциала малых городов и сельской периферии за пределами агломераций, поляризацию пространства и человеческого капитала, деформацию опорного каркаса территории [Соловьева, 2022].

Одной из задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года стало сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов страны за счет повышения устойчивости системы расселения²⁹, которая во многом определяется наличием опорного каркаса территорий, образованного крупными центрами и транспортными магистралями. Однако, как отмечают специалисты, в российских реалиях опорный каркас расселения охватывает незначительную часть территории страны, имеет разрывы и местами фрагментирован [Глезер, Вайнберг, 2013: 30]. Сочетание территориальной концентрации населения и его сокращения на большей части территории усиливает поляризацию социально-географического пространства страны и регионов [Нефедова, Глезер, 2020: 244], что актуализирует продолжение исследований пространственных трансформаций территорий России не только в динамике, но и с учетом их региональной специфики.

В качестве ключевых методов исследования системы расселения и ее динамики выступили структурно-динамический анализ, методы группировки и визуализации данных с помощью картографии. Для оценки демографических проявлений трансформации расселения осуществлялась группировка регионов России по вкладу сельских и городских поселений разной людности в динамику численности их населения. Информационной базой послужили результаты Всероссийских переписей населения³⁰ 2002, 2010 и 2020 годов и основанные на их данных расчеты.

Сельское расселение в контексте пространственных трансформаций. В результате сжатия освоенного пространства сельских территорий России происходит концентрация сельского населения в определенных зонах, что выражается в так называемом очаговом характере их заселения.

²⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. расп. Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

³⁰ Всероссийская перепись населения – 2020 была проведена в 2021 году, однако в данном исследовании используется её официальное название «Всероссийская перепись населения 2020 года».

Подобное «рассеивание» сельских жителей неминуемо приводит к росту количества малолюдных и безлюдных сельских населенных пунктов. Так, по сравнению с 2002 г. в 2020 г. в стране существенно возросли количество безлюдных сельских населенных пунктов (на 11665), малолюдных – с числом жителей до 10 человек (на 1228) и их удельный вес в общем количестве сельских населенных пунктов (на 8 и 1 п.п. соответственно; *табл. 2.4*). По данным переписи 2020 г. такие населенные пункты составляли 39% в общем числе сельских населенных пунктов. Вместе с тем доля населения, проживающего на территории малолюдных сельских поселений, достигает лишь 0,4% от общей численности всех сельских жителей страны. Максимальный удельный вес в общем числе сельских населенных пунктов имеют поселения численностью от 11 до 200 жителей (39% в 2020 г.). При этом отечественные исследования доказывают, что людность в 200 человек и менее ограничивает социальную и производственную дееспособность населенного пункта [Нефедова, 2018]. Однако за период с 2002 по 2020 г. сократились как число таких поселений (на 9095), так и их численность (на 382,6 тыс. человек). Мелкоселенность существенно увеличивает затраты на обслуживание территории (дорожное строительство, транспортное обслуживание, инфраструктура связи, образование, здравоохранение и др.), что и обусловило проведение кампании по объединению поселений, в том числе ради экономии бюджетных средств, имевшей для освоенности территории негативные последствия [Нефедова, Глезер, 2020: 240].

В период с 2002 по 2020 г. наблюдалось значительное снижение количества и численности сельских населенных пунктов с людностью до 2000 человек. Обезлюдение и исчезновение небольших сельских населенных пунктов отечественные ученые называют одной из длительно действующих тенденций сельского расселения в России [Нефедова, Глезер, 2020: 240]. Одновременно происходил рост количества и численности крупных сельских населенных пунктов с населением более 2000 человек, которые признаются наиболее устойчивыми [Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015]. За период между переписями 2002 и 2020 гг. их число увеличилось на 319, а проживающее в них население выросло более чем на 2,5 миллиона человек (на 2688,7 тыс. человек). Поселения данного типа людности сконцентрировали 42% всего сельского населения России. Таким образом, очевидна тенденция сокращения сети сельских населенных пунктов со стягиванием населения в крупные сельские поселения.

Таблица 2.4. Группировка сельских населенных пунктов России по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 г.		2010 г.		2020 г.		Изменение 2020 г. к 2002 г., +/-		Изменение 2020 г. к 2010 г., +/-	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
<i>Число населенных пунктов, ед.</i>										
Всего	155289	100,0	153124	100,0	153157	100,0	-2132	-	+33	-
Безлюдные	13086	8,4	19416	12,7	24751	16,2	+11665	+7,8	+5335	+3,5
До 10	34003	21,9	36225	23,7	35231	23,0	+1228	+1,1	-994	-0,7
11–200	68807	44,3	61227	40,0	59712	39,0	-9095	-5,3	-1515	-1,0
201–500	20475	13,2	18729	12,2	17510	11,4	-2965	-1,8	-1219	-0,8
501–1000	10836	7,0	9720	6,3	8511	5,6	-2325	-1,4	-1209	-0,7
1001–2000	5182	3,3	4737	3,1	4223	2,8	-959	-0,5	-514	-0,3
2001–5000	2093	1,3	2196	1,4	2217	1,4	+124	+0,1	+21	0,0
Более 5000	807	0,5	874	0,6	1002	0,7	+195	+0,2	+128	+0,1
<i>Численность населения, тыс. чел.</i>										
Всего	38737,7	100,0	37542,8	100,0	37106,8	100,0	-1630,9	-	-436,0	-
До 10	168,3	0,4	167,3	0,4	154,4	0,4	-13,9	0,0	-12,9	0,0
11–200	4333,6	11,2	3956,8	10,5	3951,0	10,6	-382,6	-0,6	-5,8	+0,1
201–500	6617,8	17,1	6053,0	16,1	5620,3	15,1	-997,5	-2,0	-432,7	-1,0
501–1000	7570,6	19,5	6779,7	18,1	5923,1	16,0	-1647,5	-3,5	-856,6	-2,1
1001–2000	7049,8	18,2	6492,0	17,3	5771,7	15,6	-1278,1	-2,6	-720,3	-1,7
2001–5000	6267,5	16,2	6702,9	17,9	6797,2	18,3	+529,7	+2,1	+94,3	+0,4
Более 5000	6730,1	17,4	7391,1	19,7	8889,1	24,0	+2159,0	+6,6	+1498,0	+4,3
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020										

Сжатие освоенного сельского пространства в регионах России происходит крайне неравномерно. По данным переписи 2020 г., удельный вес безлюдных сельских населенных пунктов не превышал 5% в 35 регионах (включая Республику Крым и г. Севастополь), в 22 субъектах он достигал значения от 5 до 10%, в шести – от 10 до 15%, в шести – от 15 до 20% и в 14 субъектах – 20% и более. За рассматриваемый период увеличилось число регионов с максимальным удельным весом безлюдных сельских населенных пунктов (на 9) при одновременном сокращении количества регионов с минимальной долей таких поселений (на 12), даже несмотря на попадание в эту группу Республики Крым и г. Севастополя³¹. При этом в 39 регионах доля безлюдных сельских поселений существенно не изменилась (осталась на том же уровне), в 35 регионах их удельный вес изме-

³¹ Если в 2002 г. число субъектов РФ, имеющих сельское население, составляло 81 (исключая Москву и Санкт-Петербург), то в 2020 г. – 83 (включая Республику Крым и г. Севастополь).

нился в худшую сторону (заметно вырос) и только в 7 регионах, напротив, сократился (рис. 2.3 и 2.4).

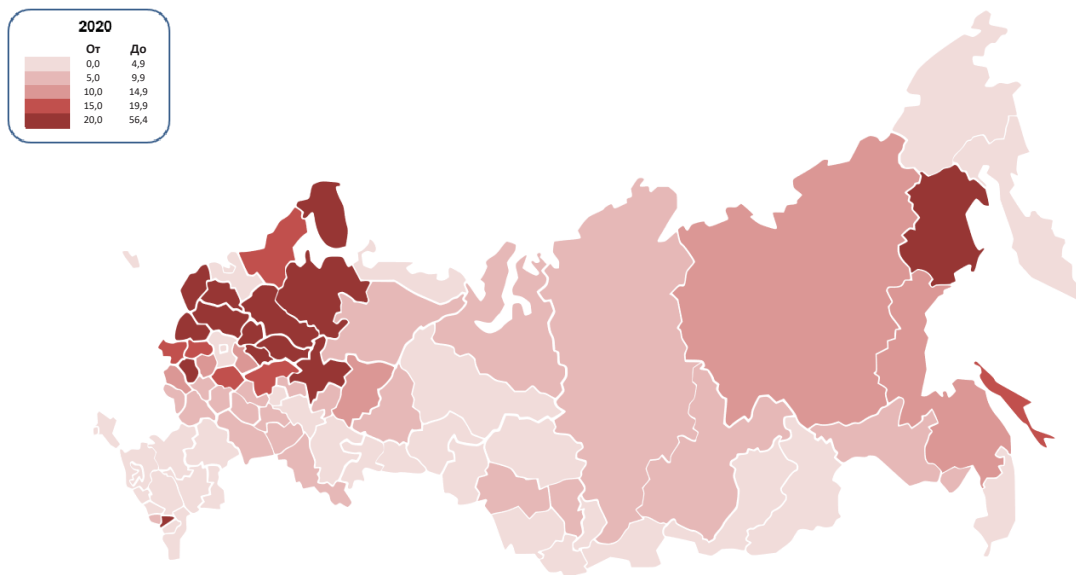

Рисунок 2.3. Регионы России по доле безлюдных сельских населенных пунктов, 2020 г., в % от общего числа сельских населенных пунктов

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

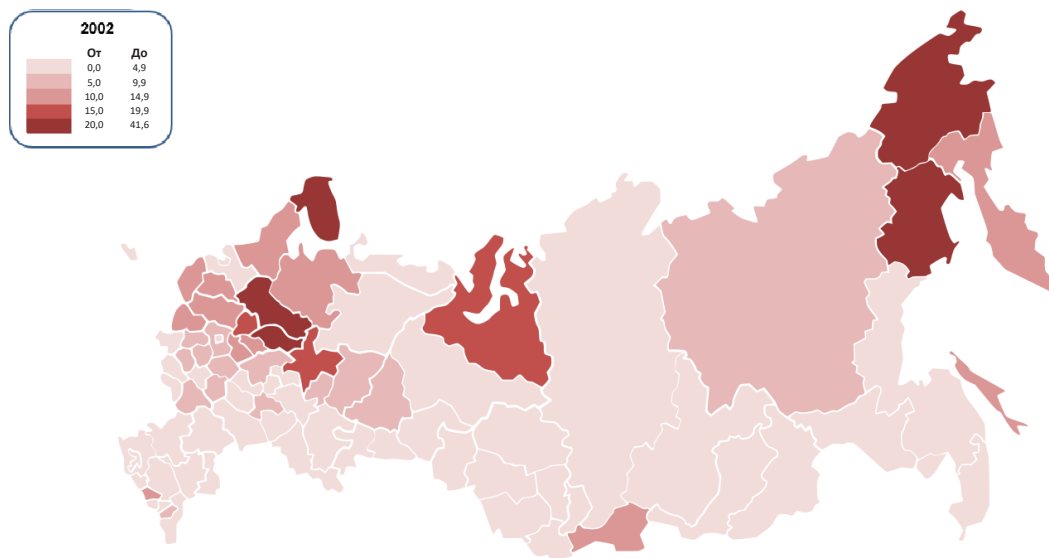

Рисунок 2.4. Регионы России по доле безлюдных сельских населенных пунктов, 2002 г., в % от общего числа сельских населенных пунктов

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Регионы с наибольшей долей (более 20%) безлюдных сельских поселений сконцентрированы в Центральной части России (Костромская, Ивановская, Орловская, Смоленская, Тверская, Ярославская области) и на Северо-Западе (Архангельская, Вологодская, Мурманская, Псковская, Новгородская области). При этом четыре региона из числа субъектов РФ с максимальным показателем (Вологодская, Костромская, Магаданская и Мурманская области) сохраняют свои позиции с 2002 года. За межпереписной период удельный вес безлюдных сельских населенных пунктов наиболее существенно вырос в Республике Ингушетия (на 56 п.п.), Костромской (на 22 п.п.), Псковской (на 20 п.п.), Смоленской (на 19 п.п.), Кировской (на 16 п.п.), Архангельской (на 16 п.п.), Орловской (на 15 п.п.), Брянской (на 15 п.п.) и Тверской (на 15 п.п.) областях. Увеличение числа безлюдных сельских населенных пунктов является еще одним подтверждением социально-экономического сжатия сельского пространства в России [Румянцев и др., 2019: 30]. Выраженное снижение показателя зафиксировано в Чукотском АО (на 28 п.п.), Магаданской области (на 20 п.п.), Ямало-Ненецком АО (на 16 п.п.), Кабардино-Балкарской Республике (на 13 п.п.), Камчатском крае (на 12 п.п.), Республике Тыва (на 10 п.п.) и Ямало-Ненецком АО (на 10 п.п.). Но сокращение числа таких населенных пунктов нельзя трактовать однозначно, как свидетельствующее о позитивных изменениях в сельском расселении. Скорее всего, здесь играет роль административный фактор: такие пункты исключаются из списков по решению местных властей [Румянцев и др., 2019: 30].

Малые сельские населенные пункты с численностью до 200 человек в отношении обслуживания их населения в наибольшей степени зависят от ближайших более крупных поселений. Лишь выборочно (в одном малом поселке для их целой территориальной группы) могут быть созданы некоторые элементы общественного обслуживания (начальная школа, медицинский пункт, красный уголок, изба-читальня или клуб, сельский магазин)³². В 2020 г. регионы России по доле сельского населения, проживающего в малолюдных населенных пунктах (до 200 человек), распределились следующим образом³³: в 39 регионах она составляла не более 10% от всего сельского населения, в 25 – от 10 до 20%, в восьми – от 20 до 30%, в девяти – от 30 до 40% и лишь в двух регионах – от 40% и более.

³² Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1

³³ Москва и Санкт-Петербург не учитывались, поскольку не имеют сельского населения.

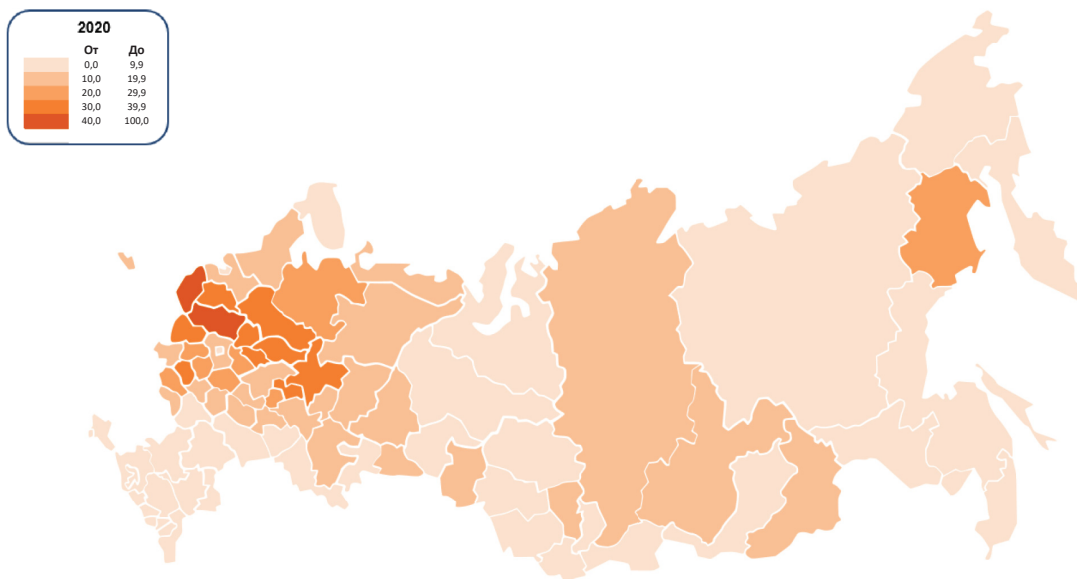

Рисунок 2.5. Регионы России по доле населения малолюдных сельских населенных пунктов (до 200 жителей), 2020 г., в % от общей численности сельского населения

Расчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

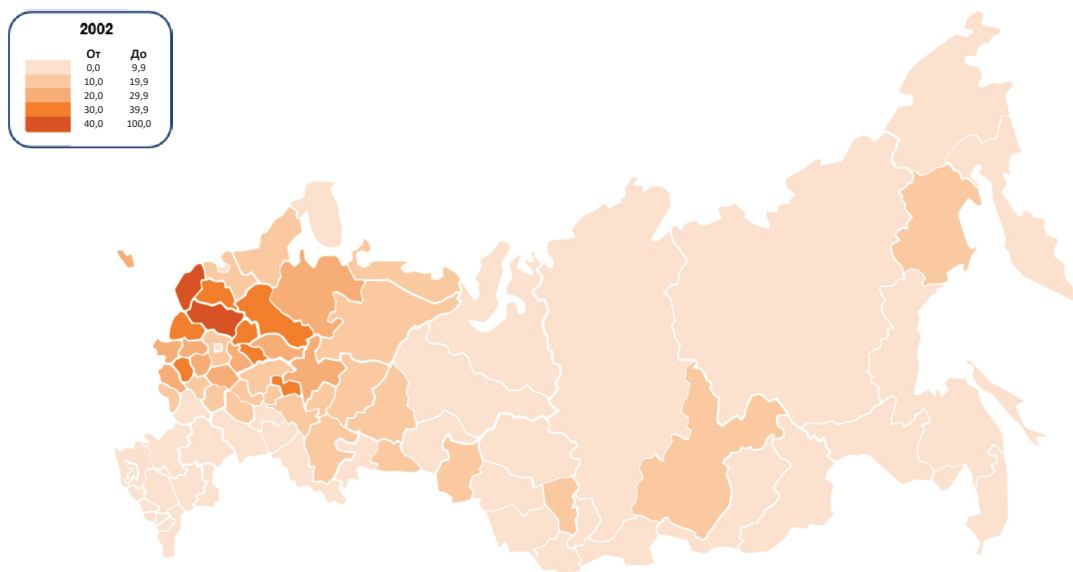

Рисунок 2.6. Регионы России по доле населения малолюдных сельских населенных пунктов (до 200 жителей), 2002 г., в % от общей численности сельского населения

Расчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

За межпереписной период роль малолюдных населенных пунктов в расселении сельских жителей существенно не изменилась: в подавляющем большинстве субъектов РФ (в 74 из 81 в 2002 г. и в 77 из 83 в 2020 г.) они сосредотачивают менее трети сельского населения (*рис. 2.5 и 2.6*). Регионы с высоким вкладом жителей малолюдных поселений (более 30%) в общую численность сельского населения сконцентрированы в Центральной и Северо-Западной части России – это Орловская (31%), Ивановская (32%), Вологодская (32%), Смоленская (33%), Костромская (33%), Ярославская (35%), Новгородская (38%), Тверская (49%) и Псковская (52%) области.

Средние сельские поселения могут иметь минимальный набор обслуживающих учреждений, но столь же малых размеров, предоставляющих населению сравнительно ограниченные возможности культурно-бытового обслуживания. Сельскохозяйственное поселение такой величины в организационном отношении может быть базой определенной производственной единицы (бригада колхоза, отделение или крупная ферма)³⁴. В 2020 г. доля жителей средних сельских поселений в пяти регионах России не превышала 10% от всего сельского населения, в пяти – находилась в диапазоне от 10 до 20%, в 15 – от 20 до 30%, в 28 – от 30 до 40% и в 30 регионах – от 40% и более. По сравнению с 2002 г. концентрация сельского населения в средних населенных пунктах несколько снизилась: число регионов с их высокой долей в общей численности сельских жителей (40% и выше) сократилось на 12, тогда как возросло количество регионов с ее значением в диапазоне от 20 до 30% (на 8, в том числе Республика Крым и г. Севастополь), от 30 до 40% (на 7; *рис. 2.7 и 2.8*). В 2002 г. регионы с высоким значением данного показателя были равномерно распределены по Европейской части России (преимущественно в Центральном и Приволжском федеральных округах), за исключением Северного Кавказа, где отмечался низкий удельный вес жителей средних сельских поселений, а также по Азиатской части (в Сибири и на Дальнем Востоке). В 2020 г. распределение регионов по Европейской и Азиатской части осталось примерно таким же.

³⁴ Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1

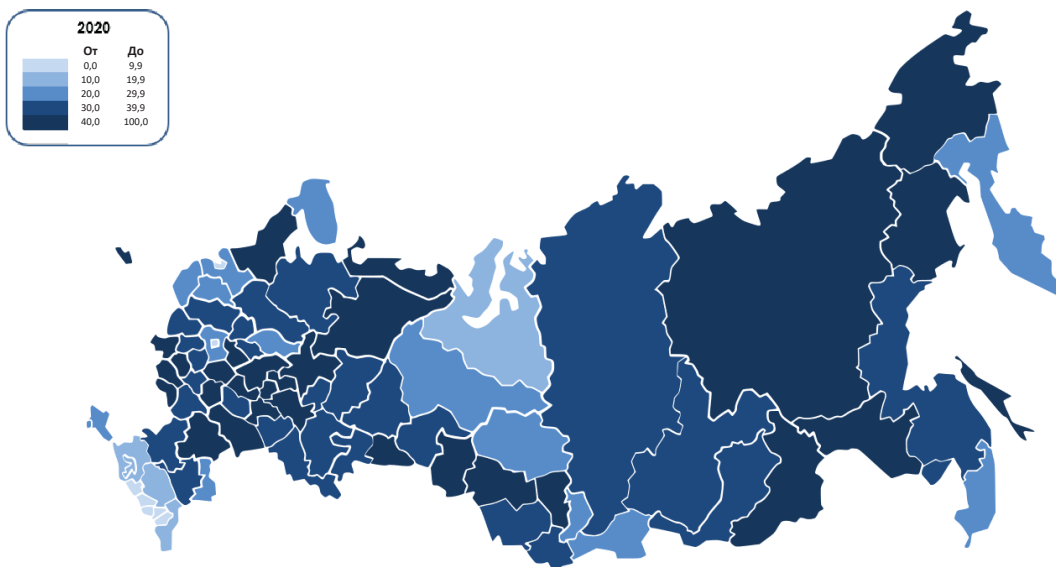

Рисунок 2.7. Регионы России по доле населения средних сельских населенных пунктов (от 200 до 1000 жителей), 2020 г., в % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

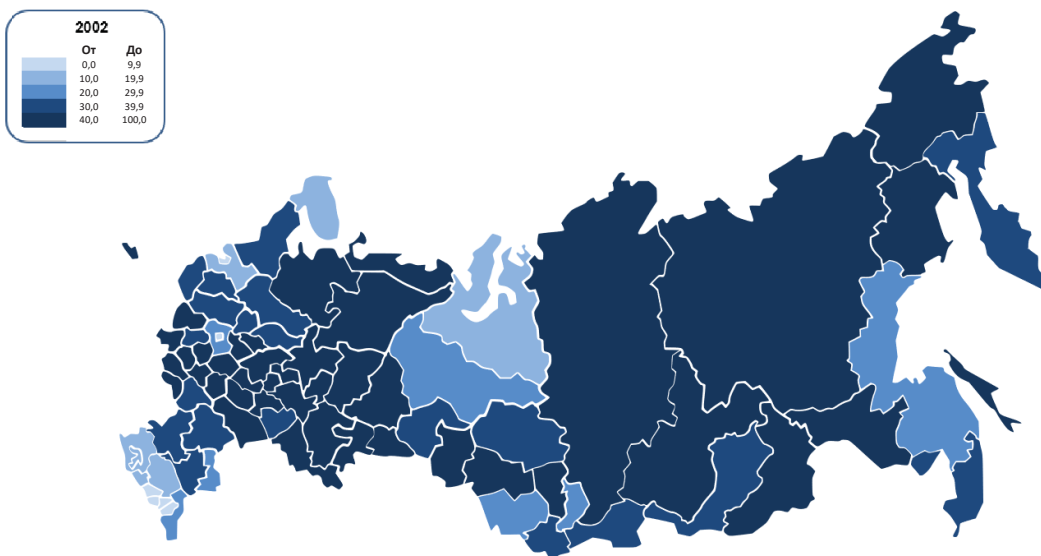

Рисунок 2.8. Регионы России по доле населения средних сельских населенных пунктов (от 200 до 1000 жителей), 2002 г., в % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

В населенных пунктах с людностью от одной до двух тысяч человек, являющихся для сельской местности уже крупными, создаются возможности заметного расширения круга обслуживающих учреждений, увеличения их размеров и технической оснащенности³⁵. В 2020 г. субъекты РФ по доле населения крупных населенных пунктов в общей численности сельских жителей распределились следующим образом: в четырех регионах она достигала не более 20%, в 23 – от 20 до 40%, в 29 – от 40 до 60%, в 18 – от 60 до 80% и в девяти регионах – 80% и более. Максимальный удельный вес жителей крупных сельских поселений как в 2002 г., так и в 2020 г. отмечался в регионах Северного Кавказа и Юга России (республики Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чеченская, Ставропольский и Краснодарский края), а также в Ямало-Ненецком АО (рис. 2.9 и 2.10). Концентрация сельского населения в крупных населенных пунктах этих регионов объясняется двумя факторами – высоким естественным приростом в южных республиках, где сосредоточены самые крупные села, и административно-территориальными преобразованиями, а именно переводом поселков городского типа (пгт) в сельский статус [Зубаревич, 2013: 27].

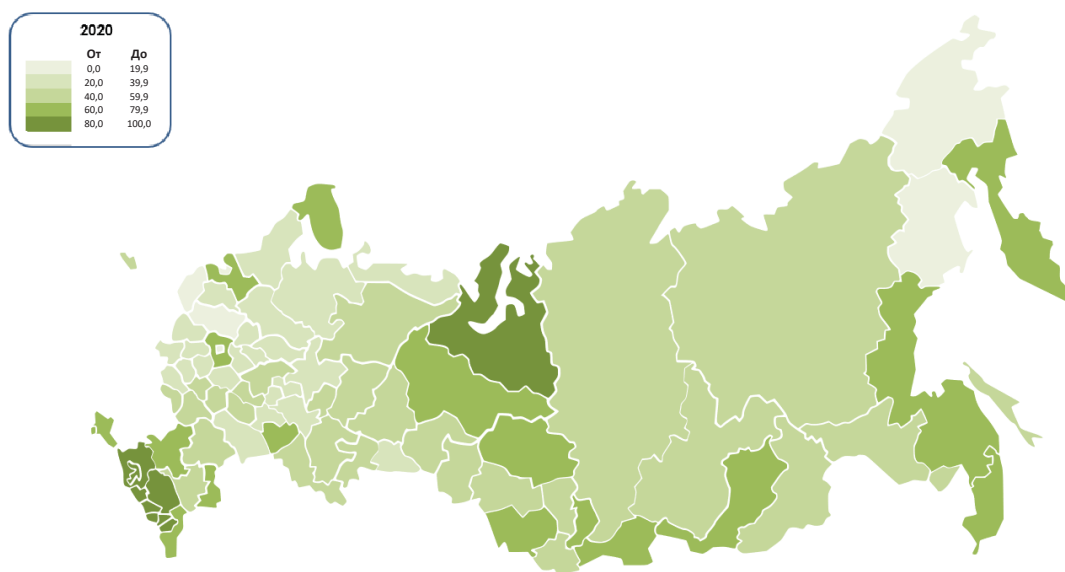

Рисунок 2.9. Регионы России по доле населения крупных сельских населенных пунктов (от 1000 жителей), 2020 г., в % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

³⁵ Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1

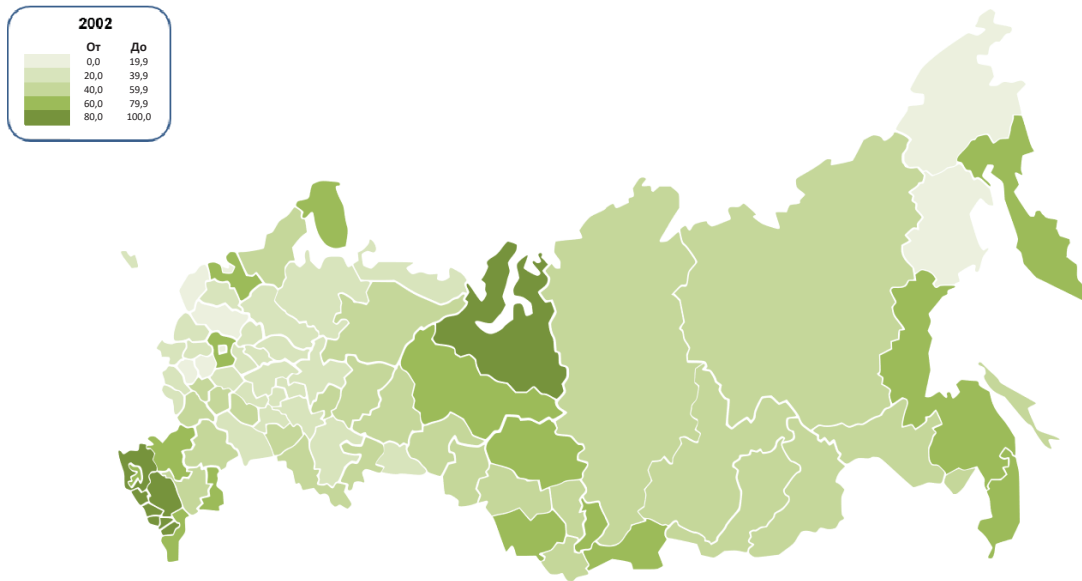

Рисунок 2.10. **Регионы России по доле населения крупных сельских населенных пунктов (от 1000 жителей), 2002 г., в % от общей численности сельского населения**

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Городское расселение в контексте пространственных трансформаций. Разнообразие социально-географического пространства во многом связано с распределением сети городов и их разной ролью в организации территории [Нефедова, Глезер, 2020: 230]. За период между переписями 2002 и 2020 гг. заметно сократилось число поселков городского типа (на 663) и численность их населения (на 3423,3 тыс. человек), что по большей части обусловлено их административным преобразованием в села (табл. 2.5). Большинство поселков городского типа имеют численность менее 10 тыс. человек (1002 или 85% от общего числа пгт), в них проживает 4 311,2 тыс. человек (более 60% от численности населения пгт), что позволяет говорить об их важности для сохранения общей освоенности территории [Нефедова, Глезер, 2020: 231]. Однако за период с 2002 по 2020 г. сократились как количество таких пгт (на 568), так и численность проживающего в них населения (на 2340,2 тыс. человек).

Таблица 2.5. Группировка городских населенных пунктов России по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 г.		2010 г.		2020 г.		Изменение 2020 г. к 2002 г., +/-		Изменение 2020 г. к 2010 г., +/-	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число населенных пунктов, ед.										
<i>Города</i>										
Всего	1098	100,0	1100	100,0	1118	100,0	+20	-	+18	-
До 5000	32	2,9	41	3,7	48	4,3	+16	+1,4	+7	+0,6
5000–9999	101	9,2	115	10,5	155	13,9	+54	+4,7	+40	+3,4
10000–19999	277	25,2	264	24,0	251	22,5	-26	-2,7	-13	-1,5
20000–49999	358	32,6	361	32,8	347	31,0	-11	-1,6	-14	-1,8
50000–99999	163	14,8	155	14,1	146	13,1	-17	-1,7	-9	-1,0
100000–249999	92	8,4	91	8,3	94	8,4	+2	0,0	+3	+0,1
250000–499999	42	3,8	36	3,3	41	3,7	-1	-0,1	+5	+0,4
500000–999999	20	1,8	25	2,3	20	1,8	0	0,0	-5	-0,5
1 млн и более	13	1,2	12	1,1	16	1,4	+3	+0,2	+4	+0,3
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	1842	100,0	1286	100,0	1179	100,0	-663	-	-107	-
До 5000	988	53,6	626	48,7	634	53,8	-354	+0,2	+8	+5,1
5000–9999	582	31,6	455	35,4	368	31,2	-214	-0,4	-87	-4,2
10000–19999	247	13,4	180	14,0	144	12,2	-103	-1,2	-36	-1,8
20000–49999	25	1,4	25	1,9	31	2,6	+6	+1,2	+6	+0,7
50000–99999	0	0,0	0	0,0	2	0,2	+2	+0,2	+2	+0,2
Численность населения, тыс. чел.										
<i>Города</i>										
Всего	95916,5	100,0	97526,8	100,0	102536,6	100,0	+6620,1	-	+5009,8	-
До 5000	110,8	0,1	144,0	0,1	160,5	0,2	+49,7	+0,1	+16,5	+0,1
5000–9999	771,6	0,8	898,8	0,9	1192,1	1,2	+420,5	+0,4	+293,3	+0,3
10000–19999	4093,7	4,3	3814,8	3,9	3691,8	3,6	-401,9	-0,7	-123,0	-0,3
20000–49999	11646,5	12,1	11586,5	11,9	10977,2	10,7	-669,3	-1,4	-609,3	-1,2
50000–99999	11083,2	11,6	10854,2	11,1	10086,7	9,8	-996,5	-1,8	-767,5	-1,3
100000–249999	13816,6	14,4	14105,2	14,5	14286,8	13,9	+470,2	-0,5	+181,6	-0,6
250000–499999	14574,5	15,2	12146,1	12,5	14449,3	14,1	-125,2	-1,1	+2303,2	+1,6
500000–999999	12403,5	12,9	15754,7	16,2	12185,3	11,9	-218,2	-1,0	-3569,4	-4,3
1 млн и более	27416,1	28,6	28222,5	28,9	35507,1	34,6	+8091,0	+6,0	+7284,6	+5,7
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	10512,6	100,0	7787,0	100,0	7089,3	100,0	-3423,3	-	-697,7	-
До 5000	2543,1	24,2	1680,2	21,6	1715,0	24,2	-828,1	0,0	+34,8	+2,6
5000–9999	4108,3	39,1	3177,6	40,8	2596,2	36,6	-1512,1	-2,5	-581,4	-4,2
10000–19999	3230,8	30,7	2314,4	29,7	1878,2	26,5	-1352,6	-4,2	-436,2	-3,2
20000–49999	630,4	6,0	614,7	7,9	794,6	11,2	+164,2	+5,2	+179,9	+3,3
50000–99999	0,0	0,0	0,0	0,0	105,2	1,5	+105,2	+1,5	+105,2	+1,5
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020										

За период между переписями 2002 и 2020 гг. существенно «поредела» сеть малых городов с численностью населения от 10 до 50 тыс. человек, а также средних (от 50 до 100 тыс. человек) и крупных городов (от 250 до 500 тыс. человек). Малые города с людностью от 10 до 50 тыс. человек являются самым распространенным типом городов (54% в общем числе), однако в них проживает лишь 14% городского населения. Несмотря на это, малые города так же, как и поселки городского типа, играют важную роль в поддержании освоенности территорий [Нефедова, Глезер, 2020: 231]. Их количество в 2020 г. по сравнению с 2002 г. сократилось на 37, а численность проживающего в них населения – на 1071,2 тыс. человек. Средних городов за рассматриваемый период стало меньше на 17, а их население уменьшилось на 996,5 тыс. человек. Данный тип городских населенных пунктов составляет лишь 13% от их общего числа, в них сосредоточено 10% городского населения страны. Для сравнения: в США и ЕС в средних городах проживает до 38–39% городского населения [Трейвиш, 2009: 258]. Число крупных городов с людностью от 250 до 500 тыс. человек, многие из которых являются региональными центрами, за рассматриваемый период существенно не изменилось, а численность проживающего в них населения уменьшилась на 125,2 тыс. человек. Доля жителей таких городов в общей численности городского населения составляет 14%.

Одновременно с обозначенными тенденциями происходило увеличение доли и численности как самых малых городов с населением до 10 тыс. человек, так и крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн человек) и городов-миллионников. Количество самых малых городов возросло на 70, а их население – на 470,2 тыс. человек. Число крупнейших городов в 2020 г. было таким же, как и в 2002 г. (20 городов), однако в 2010 г. оно увеличилось до 25. Численность их жителей с 2002 по 2020 г. сократилась на 218,2 тыс. человек (в 2010 г. по сравнению в период с 2002 г. выросла более чем на 3 млн). В 2020 г. по сравнению с 2002 г. число городов-миллионников увеличилось с 13 до 16, а население таких городов – более чем на 8 млн человек. По данным переписи 2020 г., 47% городского населения России проживает в крупнейших городах и городах-миллионниках (в 2002 г. – 42%, в 2010 г. – 45%). Тенденция увеличения численности городов-миллионников при одновременной деградации сети малых, средних и крупных городов свидетельствует о стягивании населения в региональные центры, что усиливает поляризацию и сжатие пространства, ослабляя опорный каркас территории страны.

В настоящее время малые города во многих регионах России сохраняют свое геополитическое значение. Они обеспечивают своеобразный «контроль» территории окружающих сельских районов, выполняют социально-культурные, социально-политические, оборонные функции в территориальной структуре российского государства [Пространственное развитие малых..., 2020: 23]. За 2002–2020 гг. сократилось число регионов, в которых малые города и поселки городского типа имели вклад в численность городского населения от 40% и выше (с 22 до 17), а также от 20 до 40% (с 50 до 47), и выросло число регионов, в которых вклад численности малых городов и пгт менее 20% (с 11 до 21; табл. 2.6).

Таблица 2.6. **Распределение регионов России по доле населения разных типов городских поселений (по людности) в общей численности их городского населения, число регионов***

Год	Доля населения в общей численности городского населения региона				
	0%	до 20%	20-40%	40-60%	60% и более
<i>Малые города и поселки городского типа (до 50 тыс. человек)</i>					
2002 г.	2	9	50	18	4
2020 г.	3	18	47	15	2
2020 к 2002, +/-	+1	+9	-3	-3	-2
<i>Средние и большие города (от 50 до 250 тыс. человек)</i>					
2002 г.	14	23	26	9	11
2020 г.	16	23	23	11	12
2020 к 2002, +/-	+2	0	-3	+2	+1
<i>Крупные города (от 250 до 500 тыс. человек)</i>					
2002 г.	41	11	8	17	6
2020 г.	49	5	5	14	12
2020 к 2002, +/-	+8	-6	-3	-3	+6
<i>Крупнейшие города и города-миллионники (от 500 тыс. человек)</i>					
2002 г.	52	0	9	13	9
2020 г.	52	1	3	17	12
2020 к 2002, +/-	0	+1	-6	+4	+3

* В 2002 г. число регионов РФ составляло 83, в 2020 г. – 85 (включая Республику Крым и г. Севастополь). Город федерального значения Севастополь имеет в составе 3 городских населенных пункта: 1) Балаклава (численность населения по данным переписи за 2020 г. – 35 919 чел.), 2) пгт Кача (численность населения – 6 233 чел.) и 3) г. Инкерман (численность населения – 13 858 чел.); остальное городское население Севастополя (449 467 человек) проживает в 3-х муниципальных округах (Гагаринском, Ленинском и Нахимовском), которые не имеют городских населенных пунктов, а следовательно, не учитывались при группировке.

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

За период между переписями 2002 и 2020 гг. увеличилось (с 41 до 49) число субъектов РФ, в которых отсутствовали крупные города, а значит и их вклад в общую численность населения. Одновременно с этим произошло сокращение числа регионов с долей населения крупных городов в общей численности городских жителей до 40% (с 19 до 10). Данный факт говорит о нарастающей деградации сети крупных городов, большинство которых являются региональными центрами. В свою очередь выросло (с 22 до 29) количество субъектов РФ, в которых вклад крупнейших городов и городов-миллионников в численность городского населения составил 40% и более, что на фоне снижения роли малых и крупных городов говорит о стягивании населения в крупнейшие населенные пункты. Как отмечают Т.Г. Нефедова и О.Б. Глезер, основными фокусами притяжения и концентрации населения в настоящее время выступают центры регионов, особенно крупнейшие города с людностью свыше 500 тыс. человек (их всего 36) и их агломерации. На последние приходится около четверти всего миграционного прироста в городах; еще треть поглощают Москва и Санкт-Петербург в результате как межрегиональных, так и международных, в основном из бывших республик СССР, миграций [Нефедова, Глезер, 2020: 234].

Наибольшее число малых городов и пгт в 2020 г. фиксировалось в Московской (109), Нижегородской (74), Иркутской (62), Свердловской (61) и Ленинградской (60) областях. По количеству средних городов лидировали Московская область (16) и Краснодарский край (11), больших городов – Московская (18) и Ростовская (6) области, крупных городов – Московская область (3), Ханты-Мансийский АО (2), Краснодарский край (2) и Вологодская область (2), крупнейших городов и городов-миллионников – Кемеровская (2) и Самарская (2) области, Республика Татарстан (2).

Как отмечалось ранее, малые города и поселки городского типа играют важную роль в освоенности территорий, выступая ее опорным каркасом. В 2020 г. в число субъектов, городское население которых не проживает в малых городах и пгт, попали Москва и Санкт-Петербург, а также Республика Алтай; в 18 регионах доля городского населения в данном типе поселений не превышала 20%, в 47 регионах она находилась в диапазоне от 20 до 40%, в 15 – от 40 до 60%, в двух (Ненецкий и Чукотский АО) – от 60% и более.

В большинстве регионов (61) удельный вес городского населения, сконцентрированного в малых городах и пгт, за межпереписной период существенно не изменился (рис. 2.11 и 2.12).

Рисунок 2.11. Регионы России по доле населения малых городов и пгт, 2020 г., в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Рисунок 2.12. Регионы России по доле населения малых городов и пгт, 2002 г., в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

В 19 регионах доля населения, проживающего в малых городах и пгт, выросла и в трех – сократилась. Основная часть регионов со значительным вкладом населения малых городов в общую численность городских жителей (от 40% и более) сосредоточена в северных и арктических регионах (Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Мурманская, Ленинградская, Сахалинская области, республики Саха, Карелия и Коми). Малые города этих регионов чаще всего выполняют роль опорных пунктов северных и восточных нефтегазовых и горнорудных районов, а также портовых центров [Нефедова, Глезер, 2020: 244]. Кроме того, немало субъектов с высокой концентрацией городского населения в малых городах оказалось и среди регионов Центральной части России (Брянская, Калужская, Смоленская, Тамбовская, Тверская области), что объясняется историей заселения староосвоенных и старопромышленных территорий [Нефедова, Глезер, 2020: 231].

По данным переписи 2020 г., число российских регионов, не имеющих населения средних и больших городов, составило 16; в 23 субъектах удельный вес жителей таких населенных пунктов не превышал 20%, в 23 субъектах он составлял от 20 до 40%, в 11 – от 40 до 60%, в 12 – более 60%. В большинстве регионов (в 61) этот показатель за 2002–2020 гг. существенно не изменился (рис. 2.13 и 2.14).

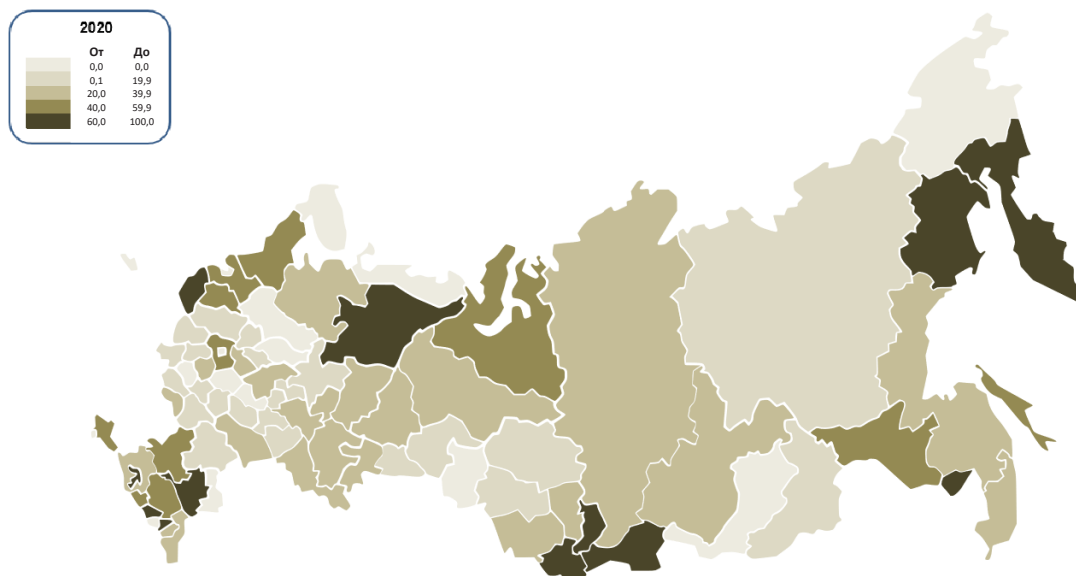

Рисунок 2.13. Регионы России по доле населения средних и больших городов, 2020 г., в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Рисунок 2.14. **Регионы России по доле населения средних и больших городов, 2002 г.,**
в % от общей численности городского населения

Расчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Самая высокая доля городского населения, проживающего в средних и больших городах, характерна для республик Алтай (100%), Калмыкия (82%), Адыгея (81%), Хакасия (71%), Тыва (69%), Ингушетия (66%), Кабардино-Балкария (65%), Камчатского края (73%), Магаданской (69%) и Псковской областей (66%), Еврейской автономной области (66%). Хотя в России роль больших городов велика, сеть их редкая, что усиливает поляризацию социально-географического пространства [Нефедова, Глезер, 2020: 233].

В 2020 г. более чем в половине субъектов РФ (49 из 85) отсутствовало городское население крупных городов, в пяти регионах его удельный вес не превышал 20%, в пяти – составлял от 20 до 40%, в 14 – от 40 до 60% и в 12 – более 60%. За межпереписной период в большинстве регионов (57) удельный вес городского населения крупных городов в общем числе городских жителей также существенно не изменился (рис. 2.15 и 2.16). Однако выросло количество субъектов (на 7), не имеющих городского населения крупных городов, что говорит о тенденции деградации сети крупных городов.

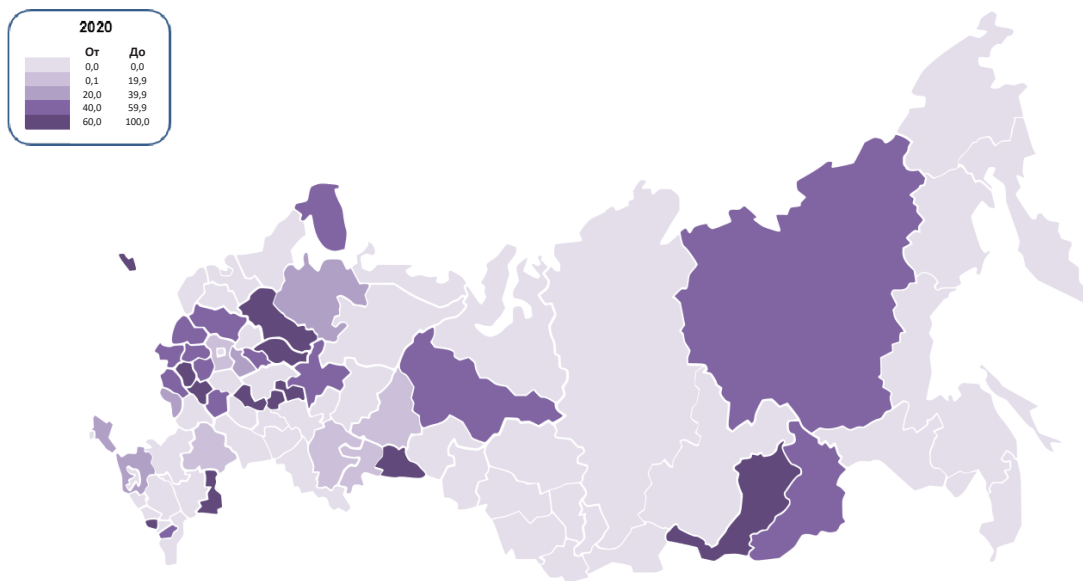

Рисунок 2.15. **Регионы России по доле населения крупных городов, 2020 г.,**
в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

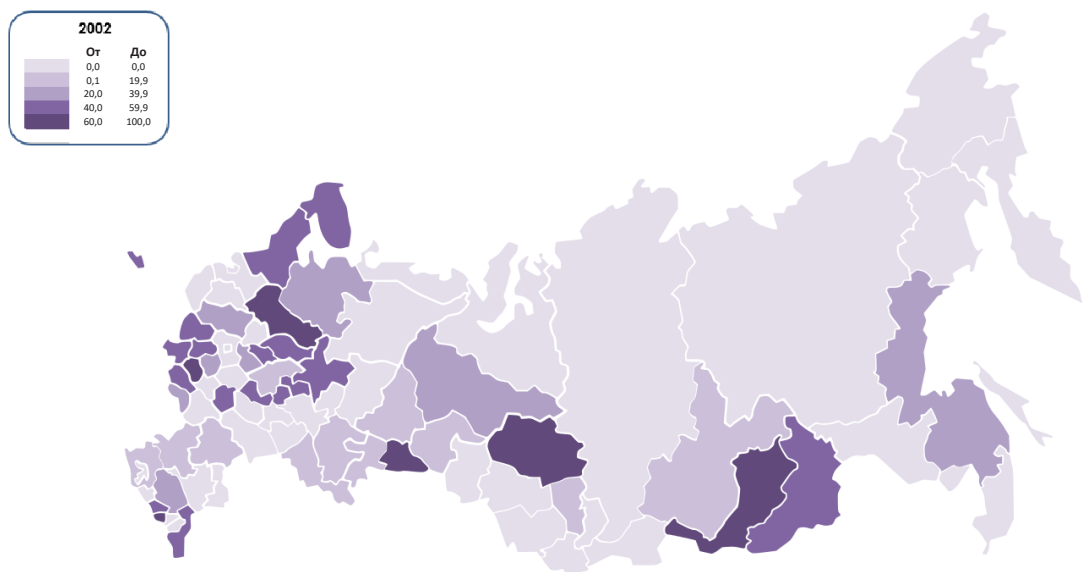

Рисунок 2.16. **Регионы России по доле населения крупных городов, 2002 г.,**
в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Основная часть регионов с высоким удельным весом населения крупных городов (от 40% и более) сосредоточена в Центральной части России, где источниками притяжения населения выступают столицы регионов и их агломерации. Наибольшая доля городского населения крупных городов, по данным переписи 2020 г., отмечалась в Астраханской (77%), Вологодской (75%), Липецкой (69%), Орловской (64%), Курганской и Костромской (по 63%), Калининградской (62%) областях, республиках Бурятия (76%), Северная Осетия (69%), Чувашия (66%), Мордовия (64%), Марий Эл (61%).

Крупнейшие города чаще всего образуют агломерации, становятся узлами концентрации населения, и, как следствие, это приводит к опустошению территорий за пределами агломераций [Нефедова, Глезер, 2020: 235]. Города-миллионники также являются центрами притяжения для населения не только близлежащих, но и дальних территорий. В 2020 г. число регионов, не имеющих городского населения крупнейших городов и городов-миллионников, составило 52; в одном субъекте (Московская область) доля проживающего в таких городах населения не превышала 20%, в трех субъектах – находилась в диапазоне от 20 до 40%, в 17 – от 40 до 60% и в 12 – 60% и более. В период с 2002 по 2020 г. наблюдалась тенденция концентрации городского населения в крупнейших центрах: выросло число регионов с удельным весом населения крупнейших городов и городов-миллионников в диапазоне от 40% и более (на 7) и сократилось количество регионов с его долей до 40% (на 5; *рис. 2.17 и, 2.18*).

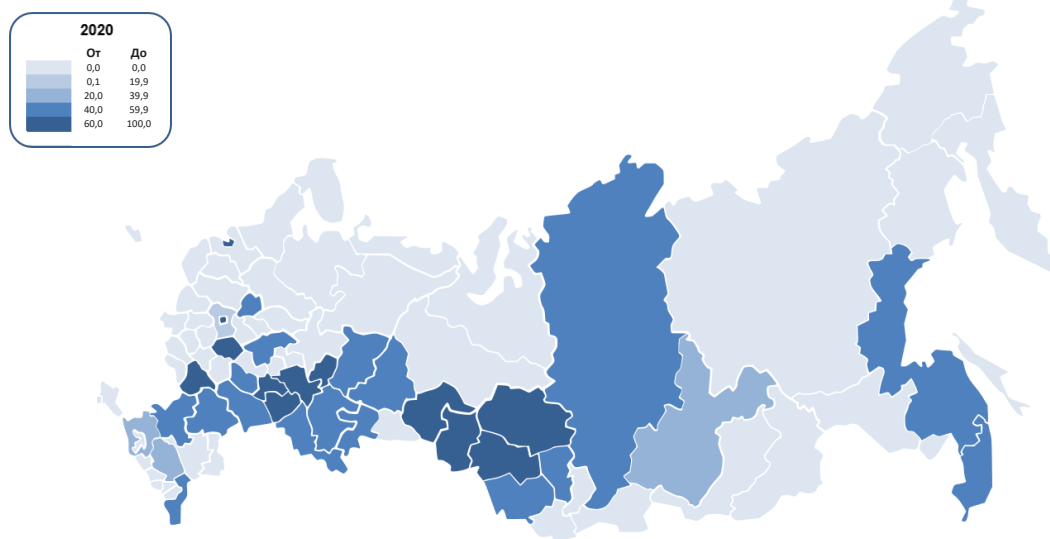

Рисунок 2.17. Регионы России по доле населения крупнейших городов и городов-миллионников, 2020 г., в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

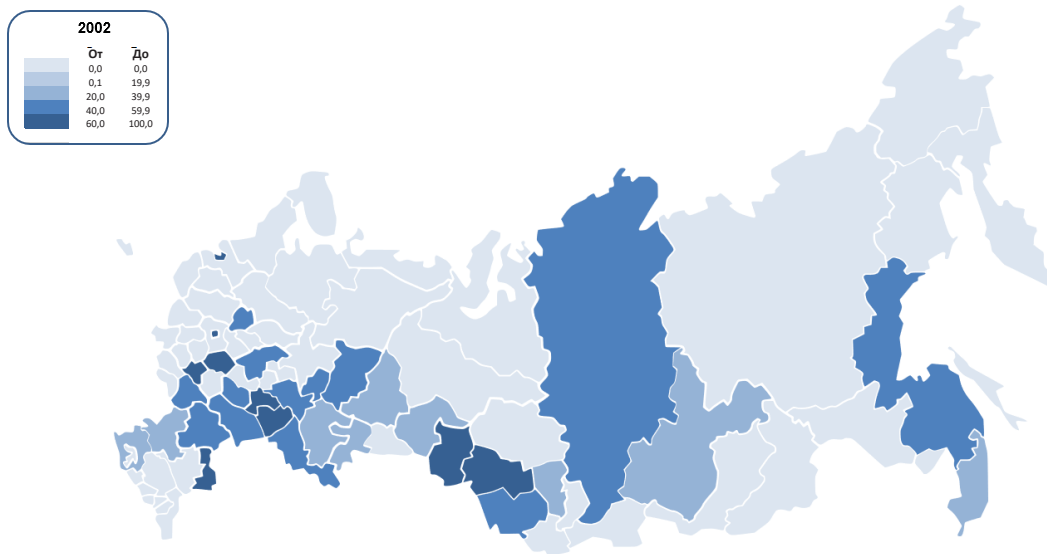

Рисунок 2.18. Регионы России по доле населения крупнейших городов и городов-миллионников, 2002 г., в % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

В 2020 г. в числе регионов, в которых население крупнейших городов и городов-миллионников составляет свыше 60%, впервые оказались Томская (73% городского населения проживает в крупнейшем городе – Томске, в 2002 году – 0%), Тюменская (78% городского населения проживает в крупнейшем городе – Тюмени, в 2002 г. – 20%), Воронежская (67% городского населения проживает в городе-миллионнике – Воронеже, в 2002 г. – 58%) области, республики Удмуртия (65% городского населения проживает в крупнейшем городе – Ижевске, в 2002 г. – 58%) и Татарстан (60% городского населения проживает в крупнейшем городе – Казани, в 2002 г. – 58%).

Основная часть регионов с высоким удельным весом населения крупнейших городов и городов-миллионников (более 40%), не считая городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, находится на юге Центральной части России и Поволжья, на Урале и в Сибири. Чаще всего это субъекты с крупнейшими городами-столицами.

Вклад сельских и городских поселений в динамику численности населения регионов России. За период с 2002 по 2020 г. в большинстве регионов России (60 из 81) наблюдалось сокращение численности населения, в 46 из них – за счет убыли и городских, и сельских жителей, в десяти – за счет превышения убыли городского населения над приростом сельского

и в четырех, напротив, – за счет превышения убыли сельского населения над приростом городского (*прил. А*).

В 28 из 46 регионов первой группы основной вклад в сокращение численности населения вносило городское население, в 18 – сельское. В 17 регионах данной группы население убывало преимущественно за счет средних сельских населенных пунктов и малых городов. В восьми регионах (Пермский край, Смоленская, Амурская, Камчатская, Новгородская, Магаданская, Орловская области, Чувашская Республика) убыль населения обеспечивалась по большей части за счет жителей средних сельских поселений, средних и больших городов, в шести (Нижегородская, Кемеровская, Иркутская, Ростовская, Курганская, Оренбургская области) – за счет жителей средних сельских поселений и крупных городов, в одном (Липецкой области) – за счет жителей средних сельских поселений и крупнейших городов. В семи регионах (республики Коми и Калмыкия, Приморский и Забайкальский края, Челябинская, Волгоградская и Тюменская области) наибольший вклад в убыль населения вносили крупные сельские населенные пункты и малые города, в двух (Мурманская область и Алтайский край) – крупные сельские поселения, а также средние и большие города, в двух (Хабаровский край и Республика Карелия) – крупные сельские поселения и крупные города.

В снижении численности населения семи из 10 регионов второй группы (Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тульская области, республики Башкортостан, Бурятия и Удмуртия) основную роль играла убыль жителей малых городов. В Республике Хакасия население сокращалось по большей части за счет жителей средних и больших городов, в Республике Северная Осетия – за счет крупных городов, в Астраханской области – за счет крупнейших городов.

В третьей группе оказались Красноярский край, Республика Марий Эл, Ненецкий АО и Воронежская область. В первых трех регионах численность населения снижалась преимущественно за счет жителей средних сельских населенных пунктов, тогда как в Воронежской области – за счет жителей крупных сельских поселений.

За межпереписной период только в 23 субъектах РФ отмечался прирост численности населения, в 12 из них – вследствие увеличения численности как сельских, так и городских жителей, в 10 – вследствие компенсации убыли сельского населения приростом численности городских жителей и только в одном, напротив, – вследствие компенсации убыли городского населения приростом численности сельских жителей (*табл. 2.7*).

Таблица 2.7. Вклад сельских и городских населенных пунктов разной людности в увеличение численности населения регионов РФ* за период с 2002 по 2020 г.

Регионы	Сельские нас. пункты				Городские нас. пункты				
	Мелкие (до 200)	Средние (от 200 до 1000)	Крупные (от 1000)	Всего	Малые и пгт (до 50 тыс.)	Средние и большие (от 50 до 250 тыс.)	Крупные (от 250 до 500 тыс.)	Крупнейшие (от 500 тыс.)	Всего
<i>За счет прироста и сельского, и городского населения (12 регионов)</i>									
Белгородская обл.	↓	↓	↑	↑	↑	↑	↑	-	↑
Карачаево-Черкесская Респ.	↓	↓	↑	↑	↑	↓	-	-	↑
Калужская обл.	↓	↓	↑	↑	↑	↑	↑	-	↑
Респ. Тыва	↓	↓	↑	↑	↑	↑	-	-	↑
Респ. Адыгея	↑	↓	↑	↑	↓	↑	-	-	↑
Ленинградская обл.	↑	↑	↑	↑	↑	↑	-	-	↑
Калининградская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	-	↑	-	↑
Ханты-Мансийский АО	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↑	-	↑
Чеченская Респ.	↑	↑	↑	↑	↓	↓	↑	-	↑
Московская обл.	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑
Респ. Дагестан	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↓	↑	↑
Краснодарский край	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↑	↑	↑
<i>За счет прироста городского населения (10 регионов)</i>									
Респ. Алтай	↑	↓	↑	↓	-	↑	-	-	↑
Респ. Саха (Якутия)	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↑
Томская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑
Новосибирская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↑	↑
Респ. Татарстан	↑	↓	↑	↓	↑	↑	-	↑	↑
Ямало-Ненецкий АО	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	-	↑
Респ. Ингушетия	↓	↑	↓	↓	↑	↑	-	-	↑
Ставропольский край	↑	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↑
г. Санкт-Петербург	-	-	-	-	-	-	-	↑	↑
г. Москва	-	-	-	-	↓	↓	-	↑	↑
<i>За счет прироста сельского населения (1 регион)</i>									
Кабардино-Балкарская Респ.	↑	↓	↑	↑	↓	↑	↓	-	↓
Условные обозначения: ↑ – рост численности населения, ↓ – сокращение численности населения, выделение заливкой: – наибольший вклад в убыль численности, – наибольший вклад в увеличение численности; - населенные пункты данного типа отсутствуют. * За исключением Республики Крым и г. Севастополя, которые вошли в состав РФ в 2014 г. Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020									

Численность населения Белгородской области и Карачаево-Черкесской Республики увеличилась преимущественно за счет населения крупных сельских поселений и малых городов; Калужской и Ленинградской областей, республик Тыва и Адыгея – за счет крупных сельских поселе-

ний, больших и средних городов; Калининградской и Московской областей, Ханты-Мансийского АО и Чеченской Республики – за счет крупных сельских населенных пунктов и крупных городов. Рост численности населения Республики Дагестан и Краснодарского края обеспечивался жителями крупных сельских поселений и крупнейших городов.

За 2002–2020 гг. в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге численность населения выросла. Население республик Алтай и Ингушетия, а также Ямало-Ненецкого АО увеличилось за счет жителей средних и больших городов, Республики Саха – за счет жителей крупных городов, а Томской и Новосибирской областей, Ставропольского края и Республики Татарстан – за счет жителей крупнейших городов. Наибольший вклад в увеличение численности населения Кабардино-Балкарской Республики в этот период внесли жители крупных сельских поселений.

Таким образом, в ходе исследования подтвержден тезис о сжатии освоенного пространства в России и сопровождающих его фрагментации и поляризации системы расселения. Установлено, что поляризация пространства происходит и в сельской, и в городской местности. В сельской местности она выражается в росте доли безлюдных поселений, что, как следствие, приводит к обезлюдению сельских территорий, и в стягивании населения в крупные сельские населенные пункты, особенно с людностью от 2000 и более человек. Крупные сельские поселения наиболее устойчивы и благополучны для жизни и работы, но сеть их не так велика и в условиях недостаточной транспортной доступности не обеспечивает «связанности» сельских поселений. Поляризация пространства городской местности проявляется в концентрации населения страны в крупнейших городах и городах-миллионниках при одновременной деградации системы расселения малых, средних и крупных городов, служащих узлами опорного каркаса территорий. В результате значительные территории пустеют, а население стягивается преимущественно в благополучные по совокупности условий ареалы, что, как следствие, приводит к крайней степени поляризации – локализационному сжатию социально-экономического пространства [Глезер, Вайнберг, 2013: 33].

Выявлена *региональная специфика сельского и городского расселения и наблюдаемых в нем тенденций*, обусловленная разнообразием природно-климатических условий, разной историей освоения и заселения территорий, незавершенным характером урбанизации, выраженным социально-экономическим неравенством и такими особенностями административно-территориальных преобразований, как:

- выраженное обезлюдение сельских поселений в Центральной и Северо-Западной частях России и его нарастание за период с 2002 по 2020 год;
- концентрация сельского населения регионов Центра и Северо-Запада в малолюдных населенных пунктах, а сельского населения регионов Северного Кавказа и Юга – в крупных поселениях;
- равномерное распределение сельского населения средних населенных пунктов в Европейской (за исключением Северного Кавказа) и Азиатской части России;
- высокий вклад населения малых городов в общую численность городских жителей в регионах Севера и Арктики, Центральной части;
- концентрация населения крупных и крупнейших городов в регионах Центра и Юга, Поволжья и Сибири.

За период с 2002 по 2020 г. в большинстве регионов России (60 из 81) наблюдалось сокращение численности населения, в 46 из них – за счет убыли и городских, и сельских жителей. Основной вклад в сокращение численности сельского населения вносили жители средних сельских населенных пунктов, а городского – жители малых городов. Лишь в 23 субъектах РФ произошел прирост населения, более чем в половине из них (в 12) – за счет увеличения численности и сельских, и городских жителей. В большей степени прирост сельского населения был обусловлен разрастанием численности крупных сельских населенных пунктов, а городского – численности средних, больших и крупнейших городов.

Обозначенные пространственные трансформации в системе расселения неизбежно приводят к изменениям в демографической ситуации – миграционной убыли с территорий-доноров и миграционному притоку на территории-акцепторы, трансформации возрастного состава населения (постарению населения территорий выбытия, «омоложению» населения принимающих территорий), изменению характеристик воспроизводства на них населения (рождаемость и смертность). Возникающие социально-демографические диспропорции влекут за собой снижение трудового потенциала малых городов и малых сельских поселений, концентрацию трудовых ресурсов в крупных населенных пунктах, что находит отражение и в трансформации занятости. Наблюдаемые явления усиливают социально-экономическое неравенство, поскольку положение населения периферии становится уязвимым как в части доступности социальных объектов и цифровых технологий, так и в части реализации возможностей на рынке труда.

2.3. Динамика цифровизации в городах и сельской местности

Сложно переоценить важность процессов цифровизации для выравнивания качества жизни и возможностей населения в крупных городах и отдаленной периферии. Современные тенденции внедрения технологических новшеств рассматриваются как реальная возможность выравнивания информационного пространства, обеспечения коммуникации, доступа к различным услугам, дистанционному образованию и иным возможностям на периферийных территориях, отдаленных от крупных городов и агломераций. В то же время сами по себе данные процессы являются источником территориальных различий: значимым остается ряд ограничений, связанных с неразвитостью информационной инфраструктуры, затратностью ее модернизации и расширения, отсутствием или низким качеством услуг связи, недостаточным уровнем мотивации и грамотности населения.

Наличие диспропорций в развитии территориальных систем – важнейшая проблема развития России на протяжении долгого времени. Результатом экономических и социально-политических преобразований, начатых в 1990-х гг., стало возрастание асимметрии регионального развития [Ильин, Ускова, 2012]. Современные тенденции усложнения общественной жизни, ускорения внедрения технических и технологических новшеств, цифровой трансформации вносят свой вклад в масштабы неравенств территорий. Различия обусловлены, в том числе, фактором периферийности – удаленности от «точек роста», территориально ассоциированных с городами. Этот фактор играет роль и внутри регионов, что позволяет говорить о различиях развития городов и сельской периферии.

Различия в цифровом развитии между различными территориями и их жителями подтверждаются многими исследованиями. Международный союз электросвязи на основе изучения данных по 35 странам установил, что вне крупных городов и агломераций степень использования интернета значительно ниже. Эксперты связывают данный факт с высокой концентрацией в сельской местности лиц пожилого возраста (что характерно и для Российской Федерации) [Динамика населения России..., 2018], по субъективным и объективным причинам более часто отказывающихся от использования интернета, а также людей с более низкими уровнями образования и доходов³⁶. Более низкие темпы проникновения интернета и сервисов в сельской местности отмечаются в Индии [Banerjee et al., 2016;

³⁶ Цифровизация в малых и средних городах России / НИУ ВШЭ. URL: <https://files.data-economy.ru/cipr/YtaxiHSE.pdf>

Bannerjee et al., 2017], Польше [Dudek, 2007], ряде других развитых стран Европы [Townsend et al., 2015]. В исследовании [Billon et al., 2009] показано, что в развивающихся странах величина доли городского населения положительно связана с успешностью внедрения ИКТ. Об обратном влиянии уровня развития сельского хозяйства (а именно доли агропромышленного комплекса в ВРП/ВВП, сельскохозяйственной специализации страны или региона) на цифровое неравенство данных территорий с другими и наличие креативного потенциала говорится в работах [Pohjola, 2003; Groshov, Краснослободцев, 2020]. Доказано, что наиболее явно эффекты цифровизации выражены в крупных агломерациях. Они проявляются в повышенной роли и динамике креативного сектора, наиболее значительной частью которого является сфера ИКТ. Эти взаимосвязи дают возможность развиваться наиболее результативному бизнесу с высокими показателями доходности и несущему заметно более низкие издержки на рабочую силу [Русановский, Марков, 2018].

Общее влияние цифровизации на развитие территорий имеет как позитивную, так и негативную окраску. С одной стороны, к возможным негативным сторонам цифровизации относят рост экономического неравенства между странами, потенциальное увеличение безработицы и отдельных криминогенных факторов; в разрезе городов и сельской периферии – снижение спроса на прежние квалификации и профессии традиционной занятости [Coyle, 1999; Рожкова, Андреева, 2020; Грачев, 2021]. С другой стороны, повышение цифровой доступности способно стать катализатором позитивных изменений, а именно повышения качества жизни населения, доступности социально-значимых услуг [Троцкий, 2021], роста мобильности труда [Christensen, Maskell, 2003], развития конкурентоспособности на региональном и национальном уровне [Усков, 2020], распространения удаленной занятости и закрепления квалифицированных кадров в малых городах и сельских поселениях [Соловьева, 2022]. Удаленность периферийных территорий от экономических центров должна компенсироваться интеграцией в цифровую экономику [Александров, Федорова, 2019].

Несмотря на актуальность проблематики и наличие научного интереса к ней, она все еще является недостаточно изученной. Как отмечает Н.П. Советова, исследования, посвященные оценке потенциала цифровизации национальных и региональных территориальных образований, остаются лишь единичными, а применительно к сельской местности практически отсутствуют [Советова, 2021]. Это обосновывает необходимость углубленного изучения данной проблематики.

Ранее при исследовании цифрового развития нами было показано распространение цифровых разрывов среди российских регионов по оси «урбанизированные – аграрные» [Шабунова и др., 2020]. В ходе анализа четырех индикаторов цифрового развития (доля домохозяйств, имеющих доступ в интернет; доля активных пользователей интернета; доля населения, которое отказывается от использования интернета по причине отсутствия навыков; доля населения, обладающего цифровыми навыками) выявлено, что среди регионов-аутсайдеров большую долю занимают аграрные и агропромышленные регионы, а также субъекты с преобладанием сельского населения. Регионы-лидеры, в свою очередь, представляют собой территории с высокоразвитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни, обладающие существенным образовательным и научно-техническим потенциалом. Этот факт стал отправной точкой для проверки влияния фактора места проживания (именно в разрезе «город – село») на цифровые практики и грамотность населения. В результате на данных Росстата и Высшей школы экономики показано³⁷ следующее:

1. Для жителей сельских территорий менее доступны широкополосные проводные подключения и персональные компьютеры, поэтому они несколько чаще пользуются мобильными телефонами и мобильным интернетом, тогда как жители городов совмещают использование высокоскоростного интернета дома и на работе и мобильной связи высокого качества в других необходимых случаях.

2. Важным ограничительным фактором использования интернета в периферийных территориях является отсутствие технической возможности подключения (в 2018 г. данная причина была актуальна для 14% сельских жителей и только для 4% горожан, не имеющих доступа к сети «Интернет»; причем доля таких ответов не сокращается, несмотря на постепенное расширение зон покрытия).

3. Актуальны и проблемы, связанные с финансовой стороной вопроса: в условиях экономии затраты на услуги связи и интернет являются вторичными для селян.

4. По уровню цифровой грамотности (наличие повседневных и специальных цифровых навыков) жители сельских территорий на 11–18% отстают от жителей городов. Это связывается с преимущественно низкоцифровизированными сферами приложения труда сельских жителей, а также особенностями образа жизни – присутствием значительного количества ручного труда, сокращающего количество свободного времени.

³⁷ По состоянию на 2018 год. Источник: Информационное общество в Российской Федерации: стат. сборники. 2018, 2019 / Росстат, НИУ ВШЭ.

Дальнейший анализ построен на рассмотрении аспектов цифровизации повседневной жизни населения, экономики и отраслей социальной сферы в городских и сельских территориях. Стоит отметить, что основной анализ проведен на доступных данных официальной статистики, которые не дают в полной мере охватить все желаемые элементы объекта исследования. В связи с этим в монографии представлены также отдельные результаты ряда социологических исследований.

Тенденции цифровизации повседневных практик населения в городских и сельских территориях. Наиболее наглядно приобщенность к информационным практикам в повседневной жизни характеризуется доступом к интернету и особенностями его использования. Выявлено, что жители городов чаще включены в цифровые практики, и за годы наблюдения ситуация не претерпевала серьезных изменений. Как видно по данным *таблицы 2.8*, домохозяйства горожан на 18 п.п. чаще имеют персональные компьютеры, на 8 п.п. – стабильный доступ в интернет, который по большей части является широкополосным. Практики использования интернета в городской местности также более распространены (92,4% домохозяйств использовали Интернет в последний квартал и только 7% – не пользовались никогда), что говорит о том, что места использования интернета горожанами более дифференцированы, т.к. они выходят в сеть еще и с рабочего места (55%), в местах общественного доступа (36% в 2019 г.).

Таблица 2.8. **Домашние хозяйства, имеющие персональные компьютеры и доступ в интернет, использующие интернет** (по типу местности; в % от общего числа домашних хозяйств, от численности населения)

	2015 г.	2019 г.	2021 г.
<i>Домашние хозяйства, имеющие персональные компьютеры</i>			
Городская местность	76,8	73,6	н/д
Сельская местность	59,2	56,4	н/д
<i>Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети «Интернет»</i>			
Городская местность	76,2	79,9	86,0
Сельская местность	59,2	67,7	78,0
<i>в том числе широкополосный</i>			
Городская местность	71,6	77,7	85,1
Сельская местность	51,9	60,9	75,2
<i>Доля населения, использовавшая сеть «Интернет» в течение последних трех месяцев</i>			
Городская местность	74,1	85,3	92,4
Сельская местность	58,1	74,6	87,3
<i>Доля населения, не использовавшая сеть «Интернет»</i>			
Городская местность	18,3	9,0	6,7
Сельская местность	34,5	18,8	12,7
Источники: здесь и далее [Информационное общество в Российской Федерации: стат. сб. 2019, 2020 / Росстат, НИУ ВШЭ; Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. 2022 / НИУ ВШЭ, 2023].			

Для жителей сельских территорий ситуация несколько отличается. Только чуть более половины домохозяйств (56%) обеспечены ПК, вместе с тем имеют доступ к интернету и регулярно его используют 78 и 87% сельских жителей соответственно. Безусловно, услуги мобильной связи и интернета являются для периферийных территорий более доступными в финансовом плане и не требуют покупки дорогостоящего оборудования. На работе и в общественных местах сельские жители получают доступ к Всемирной сети несколько реже, что связано с характером занятости и отсутствием точек общественного доступа (табл. 2.9). Тем не менее доля населения, отказывающегося от использования интернета, в сельской местности (13%) вдвое выше, чем в городах. Вместе с тем стоит отметить, что наблюдаемые тенденции ярко демонстрируют сближение процессов цифровизации в городах и периферии.

Таблица 2.9. **Места использования сети «Интернет» населением в городской и сельской местности** (в % от общей численности населения)

Места использования	Городская местность			Сельская местность		
	2015 г.	2019 г.	2021 г.	2015 г.	2019 г.	2021 г.
Дома	95,7	96,9	98,0	90,8	94,1	96,1
На работе	34,7	49,3	55,4	25,4	37,0	43,9
В точках общественного доступа (гостиницах, аэропортах, кафе и т.п.)	12,1	36,1	н/д	4,7	16,6	н/д
У друзей, знакомых	11,8	30,8	30,8	11,3	31,6	37,9
По месту учебы	8,4	9,2	9,6	9,1	9,2	9,5
В отделениях Почты России	0,3	1,5	н/д	0,2	1,6	н/д
В публичных библиотеках	0,7	1,3	н/д	0,4	0,7	н/д
В компьютерных клубах	0,6	0,9	н/д	0,6	0,5	н/д

Учитывая среднегодовые темпы роста числа сельских домохозяйств, имеющих доступ к сети «Интернет», применяя метод «расстояния во времени», мы рассчитали сроки достижения уровня доступности интернета в сельской местности, соотносимого с уровнем в городах России. Для определения разрыва по каждому году были рассчитаны средние темпы роста показателей и количество лет, которое необходимо преодолеть до достижения базового значения. За базовое значение был принят уровень доступа в интернет в городах: 80% в 2019 г., 86% в 2021 г. И если в 2019 г. срок достижения показателя составлял 7 лет, то в 2021 г. – уже 3 года. Достижение базового значения возможно при условии отсутствия внешних шоков и

сохранения текущей динамики, без учета параметров цифрового неравенства. Тенденция конвергенции цифровизации по оси «центр–периферия» ставит задачи углубленного изучения факторов дифференциации территорий, оценки преимуществ и угроз, разработки новых управленческих механизмов для контроля ситуации.

Выравнивание городских и сельских территорий по доступу к Всемирной сети и ее возможностям, прежде всего социально значимым, входит в число задач государственной политики. Одним из пунктов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы является подключение населенных пунктов с населением от 250 до 500 человек к сети «Интернет», развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры и обеспечение прав граждан на доступ к информации³⁸. По заявлению Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, данная задача полностью выполнена в 2021 г.: все 14 тысяч населенных пунктов обеспечены быстрым интернетом; следующий шаг – к 2030 г. обеспечить стабильный доступ в поселениях с численностью 100–250 человек³⁹. Вместе с тем, по данным переписи населения 2010 г., изменения не коснутся еще порядка 82 000 сельских населенных пунктов, в которых проживает менее чем по 100 человек⁴⁰. Учитывая продолжающуюся урбанизацию и сокращение освоенного пространства России, можно прогнозировать, что малонаселенных пунктов будет все больше и, вероятно, обеспечение их информационной инфраструктурой и устойчивым интернет-соединением будет не всегда экономически целесообразно. В условиях высоких темпов и значительных бонусов цифровизации для населения более крупных поселений, агломераций и городов это может стать дополнительным фактором миграционной убыли с периферии.

Переходя к конкретным практикам использования цифровых сервисов, обратимся к электронному взаимодействию с органами власти (*табл. 2.10*). Значительная часть населения обращалась в органы власти:

³⁸ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>

³⁹ Шадаев рассказал, когда подключат к интернету все деревни // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/06/08/shadaev-rasskazal-kogda-podkliuchat-k-internetu-vse-derevni.html>

⁴⁰ По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. – 82 700 населенных пункта с численностью населения до 100 человек, исключая обезлюдненные. На момент подготовки монографии результаты переписи в части группировки сельских населенных пунктов по численности населения были недоступны.

в 2019 г. это 76% горожан и 67% жителей сел. Горожане на 17 п.п. чаще обращаются через официальные сайты и портал госуслуг (62% против 45% в селах), в то время как личное обращение в инстанцию или через МФЦ занимают равные доли в типах взаимодействия. Согласно статистическим замерам Росстата и НИУ ВШЭ в 2021 г., среди населения в возрасте 15–72 лет, получавшего государственные и муниципальные услуги, 87% в городах и 77% в сельской местности делали это в электронной форме.

Таблица 2.10. Население, взаимодействующее с органами государственной власти и местного самоуправления для получения услуг (по способам взаимодействия и типу местности; в % от общей численности населения)

Вариант ответа	Городская местность			Сельская местность		
	2015	2018	2019	2015	2018	2019
Взаимодействовали, всего	49,6	75,3	76,5	36,8	65,6	66,6
Из них:						
через интернет (используя официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг)	21,8	58,3	61,7	8,0	43,1	44,6
личное посещение	21,4	21,6	21,2	20,5	21,0	23,6
в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ)	7,5	19,1	22,0	6,0	20,9	24,2
Не взаимодействовали	50,4	24,7	23,5	63,2	34,4	33,4

Более высокий уровень обращений горожан к цифровым формам государственных и муниципальных услуг подтверждается также долей зарегистрированных пользователей официального портала «Госуслуги»: в 2019 г. их доля составляла 61% (среди селян – 53%). В свою очередь регионы РФ по характеристикам вовлеченности городского и сельского населения в онлайн-взаимодействие с органами власти и получение услуг достаточно однородны.

Важным преимуществом использования интернета и цифровых новшеств является возможность получения доступа к широкому выбору товаров и услуг в интернете, а также экономии времени и зачастую материальных ресурсов при совершении покупок. Это крайне важное преимущество для жителей территорий, удаленных от крупных населенных пунктов с развитой торговлей. Наличие доступа в интернет и хотя бы одного пункта почтовой связи позволяет делать интернет-покупки и во многом сближает жителей городов и периферии.

Так, среди пользователей сети в 2021 г. использовали ее для заказа товаров и услуг 46% горожан и 31% жителей сельской местности. Причем среди горожан активность в интернет-торговле проявляют практически все возрастные группы населения, в том числе предпенсионеры, тогда как в селах это прерогатива более молодых возрастных когорт в диапазоне 20–39 лет. Среди селян и горожан схожи практики покупки одежды, обуви, спорттоваров, предметов домашнего обихода, косметики и парфюмерии, медицинских товаров и электронного оборудования и др. Жители сельских территорий на 15 п.п. реже пользуются финансовыми услугами (банковские услуги, денежные переводы, услуги страхования), на 12 п.п. реже тратят средства на продукты питания, на 10 п.п. – на туристические услуги, путешествия. Объективно меньшим спросом в периферии пользуются онлайн-продажи билетов на развлекательные мероприятия, концерты, театры (на 13 п.п.), а также услуги связи, в том числе интернета и мобильной связи (на 12 п.п.).

Тенденции цифровизации экономики и отраслей социальной сферы в городских и сельских территориях. Изучение тенденций цифровизации в России ограничено степенью доступности эмпирических данных. В показателях уровня цифровизации организаций различных видов экономической деятельности отсутствует деление по пространственному признаку, часть из них дает исчерпывающую информацию только о положении в федеральных округах и регионах. Поэтому в исследовании были использованы группировка показателей, отражающих процессы цифровизации, и анализ регионов-аутсайдеров на предмет соотношения в них долей городского и сельского населения агропромышленной специализации. Рассмотрены также особенности цифровизации сельского хозяйства, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбководства, как преобладающих отраслей экономики сельских территорий [Иванов, 2019].

Нами изучены характеристики цифрового развития коммерческих организаций, по которым доступен региональный срез. Для проведения группировки использованы данные по всем 85 субъектам РФ, определен размах вариации значений исследуемых показателей, выполнена группировка статистических данных на три группы с закрытыми интервалами и субъекты поделены на три группы в соответствии с тремя уровнями развития по каждому показателю: выше среднего, средний и ниже среднего (табл. 2.11).

Таблица 2.11. **Регионы Российской Федерации, отстающие в цифровом развитии коммерческих организаций, по итогам 2019 года***

Регионы с уровнем ниже среднего по доле организаций, имеющих доступ в интернет		Регионы с уровнем ниже среднего по доле организаций, имеющих веб-сайт	
Регион	Значение, %	Регион	Значение, %
Республика Тыва	79,7	Нижегородская область	29,6
Респ. Северная Осетия – Алания	72,0	Ростовская область	29,5
Чеченская Республика	71,3	Ставропольский край	28,7
Республика Дагестан	61,1	Новосибирская область	28,1
		Республика Бурятия	28,0
		Челябинская область	27,8
		Томская область	26,9
		Республика Башкортостан	26,8
		Иркутская область	26,8
		Магаданская область	26,7
		Республика Крым	26,6
		Красноярский край	26,4
		Алтайский край	26,2
		Приморский край	26,2
		Астраханская область	26,0
		Краснодарский край	25,8
		Республика Мордовия	25,7
		Саратовская область	25,7
		Тюменская область	25,7
		Кемеровская область	25,7
		Самарская область	25,6
		Чувашская Республика	25,5
		Карачаево-Черкесская Республика	25,4
		Забайкальский край	25,1
		Волгоградская область	25,0
		Республика Хакасия	24,5
		Хабаровский край	24,5
		Республика Марий Эл	24,3
		Пензенская область	24,2
		Сахалинская область	24,0
		Кировская область	23,5
		Оренбургская область	23,4
		Республика Алтай	23,0
		Удмуртская Республика	22,9
		Республика Саха (Якутия)	22,6
		Камчатский край	22,6
		Амурская область	22,4
		Омская область	22,1
		Курганская область	21,0
		Чукотский АО	20,9
		Ульяновская область	20,8
		Еврейская автономная область	20,6
		Республика Тыва	20,0
		Респ. Северная Осетия – Алания	19,9
		Республика Дагестан	12,8

* Данные за 2019 г., так как более актуальные сведения в разрезе субъектов РФ на момент подготовки монографии не были опубликованы.
Источники: здесь и далее: Информационное общество в Российской Федерации. 2020: стат. сб. / Росстат; НИУ ВШЭ; Регионы России: социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. 2020; Индикаторы цифровой экономики. 2022: стат. сб. / НИУ ВШЭ, 2023.

При анализе данных регионов-аутсайдеров о доле организаций, использующих интернет и имеющих веб-сайт, выявлено, что большую часть из них составляют регионы с высокой долей сельского населения, либо с высокой долей сельскохозяйственного производства, либо сочетающие в себе данные характеристики.

Организации, занимающиеся сельским хозяйством, чаще используют интернет для взаимодействия с поставщиками (63%), чем с потребителями (46%). Наиболее распространенные формы взаимодействия с поставщиками – это поиск необходимой информации (57%) и оплата услуг (47%). Только 30% организаций предоставляют потребителям возможность электронных платежей. Получать электронные заказы могут 19% предприятий (без учета заказов по электронной почте). Выяснено, что сельскохозяйственная отрасль значительно отстает по параметрам цифровизации, касающихся наличия специализированных кадров в области информационных и коммуникационных технологий. На 10 тыс. работников их приходится всего 60 человек, тогда как в среднем по видам экономической деятельности – 229 чел. (табл. 2.12). Хуже ситуация только в строительстве. Незначительным является также уровень использования сотрудниками организаций персональных компьютеров и сети «Интернет». Тем не менее 64% организаций сельскохозяйственной и лесной направленности в 2019 г., так или иначе, были включены в процессы электронной коммерции посредством использования технологий электронного обмена данными, а 5,5% – использовали технологии автоматической идентификации объектов.

RFID-технологии⁴¹ в сельском хозяйстве позволяют автоматизировать комплекс задач, включая учет поголовья скота и контроль его перемещения, сбор точных данных и показателей, в том числе время кормления, вакцинации и оптимизацию селекционной работы. Сельское хозяйство в данных случаях конкретного использования искусственного интеллекта не является аутсайдером, поскольку диспропорции в его использовании по сравнению с организациями других видов деятельности незначительны.

⁴¹ RFID-технологии – технологии автоматической идентификации объектов, позволяющие посредством радиосигналов считывать или записывать данные, хранящиеся в RFID-метках.

Таблица 2.12. **Характеристики цифрового развития организаций сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства**

Характеристика	Числовой показатель и его значение	Комментарий
Кадры	<i>Специалисты по информационным и коммуникационным технологиям в организациях по видам экономической деятельности в 2019 г. – 60 человек на 10 тыс. работников.</i>	Наиболее низкое значение (после отрасли строительства; 55 чел. на 10 тыс. работников) по сравнению с показателями других видов экономической деятельности. В среднем по всем видам экономической деятельности число таких специалистов составляет 229 чел. на 10 тыс. работников.
Инфраструктура	<p>В 2021 г. широкополосный доступ в интернет имели 67% организаций сельского хозяйства.</p> <p>Несмотря на наличие доступа в интернет в организациях, в 2019 году его использовали только 13,5% работников сельского хозяйства.</p> <p><i>Интернет вещей использовался организациями сельского хозяйства в 2021 году в 7,7% случаев для отслеживания передвижения транспортных средств и продукции, 2,2% – для наблюдения за активностью покупателей, 4% – для автоматизации процесса производства, в 4% случаев – для оптимизации потребления энергии (электрической, тепловой) на территории организации.</i></p>	<p>Низкие значения показателя по сравнению с его уровнем в других видах экономической деятельности.</p> <p>В среднем 45% работников организаций используют ПК, 35% – интернет.</p> <p>Лидируют по цифровизации торговля, финансовый сектор, деятельность в области информации, высшее образование.</p>
Использование цифровых технологий	<p><i>Организации, использующие технологии электронного обмена данными и технологии автоматической идентификации объектов (RFID), по видам экономической деятельности в 2019 г. (в % от общего числа организаций):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - электронного обмена данными – 64%; - автоматической идентификации объектов – 5,5%. <p><i>Цели использования искусственного интеллекта в организациях сельского хозяйства в 2021 году (в % от общего числа организаций):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - интеллектуальный анализ данных – 1,0; - обработка естественного языка – 0,8; - компьютерное зрение – 1,1; - распознавание и синтез речи – 0,8; - рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений – 0,9; - автоматизация процессов – 1,0; - анализ данных, основанный на алгоритмах глубинного обучения – 0,8. 	<p>В среднем среди организаций по всем видам экономической деятельности используют технологии электронного обмена данными – 67%; технологии автоматической идентификации объектов – 6,3%.</p> <p>Статистические различия в целях использования искусственного интеллекта есть между организациями в сферах розничной торговли, финансового сектора, информационной, что говорит о том, что для большинства организаций в России внедрение цифровых технологий всё еще является актуальной задачей.</p>

При анализе эмпирических данных о цифровизации организаций социальной сферы наблюдается схожая тенденция: среди аутсайдеров по цифровизации системы общего образования и наличия компьютеризированных мест в библиотеках с доступом в интернет большую долю занимают регионы с преобладанием сельского населения и агропромышленной спецификой экономической деятельности (*прил. Б*). В то же время именно наличие доступа к ИКТ-инфраструктуре и интернету в образовательных учреждениях и библиотеках, являющихся центрами коллективного пользователя и досуга для сельских жителей, крайне важно. В условиях более низкого уровня использования персональных компьютеров и сети в домашних условиях это дает возможность приобретения цифровых навыков, более комфортного и экономичного способа получения государственных и муниципальных услуг, использования иных цифровых сервисов.

В заключение стоит отметить, что цифровизация открывает ряд широких возможностей для проведения политики выравнивания, повышения доступности социально значимых услуг, качественного образования, интересного досуга, создания условий для профессиональной самореализации, наиболее полного использования человеческого потенциала населения, снижения трудозатрат и издержек. Однако анализ ключевых тенденций цифровизации показал наличие различий между городами и сельской периферией, которые еще не позволяют в полной мере использовать весь спектр их преимуществ.

В повседневных практиках населения по использованию интернета и цифровых сервисов ситуация более оптимистичная: наблюдаются процессы конвергенции по оси «центр–периферия». Это обусловлено активными действиями профильного министерства по распространению ИКТ инфраструктуры в малонаселенных пунктах, повышению доступности услуг благодаря деятельности социальных объектов, «мягким» методам вовлечения населения в электронные взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти. Вместе с тем с учетом существующей динамики (по расчетам на 2021 г.) потребуется еще минимум 3 года для доведения доступности интернета для сельских территорий до уровня городской местности. В данном случае за рамками прогнозирования остаются финансовые возможности сельских жителей по приобретению и обслуживанию постоянно растущих в цене компьютерной техники и услуг связи. А затраты на оплату связи и обновления оборудования не являются основными в жизненных интересах сельских жителей. Проводимые в России исследования показывают также некоторое отставание сельских

жителей по развитости навыков, необходимых для успешной интеграции в цифровое пространство, что связывают с более высокой долей пожилых людей, некоторыми различиями в уровне образования населения, характере занятости и быта. Это, наряду с некоторым, хотя и незначительным недоверием, объясняет более низкую мотивацию цифровых взаимодействий для селян.

Можно прийти к выводу об отставании сельскохозяйственных организаций в цифровом развитии внутренних процессов от организаций других видов экономической деятельности. Это выражается в относительно более низкой численности сотрудников с информационно-коммуникационными компетенциями, с незначительным опытом использования ИКТ-инфраструктуры, упрощенными практиками онлайн-взаимодействия с поставщиками и потребителями (в основном поиск информации, электронные расчеты с поставщиками, в то время как размещение заказа и получение оплаты от покупателя в сети осуществляют меньше трети организаций). В отраслях социальной сферы, судя по немногочисленным доступным данным, ситуация схожая. Изучение тенденций цифровизации ограничено наличием эмпирических данных, поэтому специальные исследования, в частности, раскрывающие региональные особенности, являются весьма актуальными.

ГЛАВА 3

ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛЬНОГО РЕГИОНА (ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

3.1. Ключевые тренды социально-экономического развития

Для оценки процессов, происходящих в сфере занятости, важно принимать во внимание текущую социально-экономическую ситуацию в том или ином регионе, поскольку она во многом определяет их развитие и направленность. Помимо этого, сужение исследовательского фокуса до конкретной территории будет способствовать более глубокому погружению в специфику трансформаций в сфере занятости в городах и сельской периферии, выявлению мест притяжения людей, стратегий их поведения на рынке труда.

В качестве модельного региона в данном исследовании была выбрана Вологодская область, являющаяся типичным представителем российских в целом и северных регионов Нечерноземья. В частности, по площади занимаемой территории область занимает 26 место среди 85 субъектов РФ (144,5 км²), тогда как по численности постоянного населения – лишь 43-ю позицию (1151,0 тыс. человек), а по плотности населения располагается в нижней половине рейтинга – на 62 месте (8,0 чел. на 1 км²)⁴². Это говорит о невысокой заселенности территорий региона и, косвенно, об очаговом характере расселения. Кроме того, регион стабильно входит в число субъектов РФ с нисходящей динамикой численности населения [Шабунова и др., 2021: 9], что на фоне низкой плотности расселения создает реальную угрозу обезлюдения большей части ее территорий и, как следствие, нарастания поляризации пространства и социально-экономического неравенства.

⁴² По данным на 2021 г.

Для Вологодской области характерны большинство актуальных общестрановых социально-экономических проблем и тенденций (табл. 3.1). Так, в отношении численности населения, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы, уровня безработицы регион по состоянию на 2021 г. занимает срединные позиции (по первому индикатору из перечисленных – 43 место, далее – 40, 41, 35 и 40 место соответственно).

Таблица 3.1. Место, занимаемое Вологодской областью по основным социально-экономическим показателям

Показатель	Год		Изменение, +/-
	2010	2021	
<i>Население</i>			
Численность населения	43	43	0
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	57	40	+17
<i>Экономика</i>			
ВРП на душу населения	25	26*	-1
Основные фонды в экономике	27	32	-5
Инвестиции в основной капитал на душу населения	29	16	+13
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	37	33	+4
Оборот розничной торговли на душу населения	68	55	+13
<i>Уровень и качество жизни</i>			
Среднедушевые денежные доходы в месяц	50	41	+9
Среднемесячная номинальная заработная плата	27	35	-8
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя	7	11	-4
Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения	29	25	+4
<i>Социальная сфера</i>			
Уровень занятости	22	66	-44
Уровень безработицы	40	40	0
Численность студентов вузов на 10 000 чел. населения	57	70	-13
Число больничных коек на 10 000 чел. населения	63	59	+4
<i>Инфраструктура</i>			
Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием	36	71	-35
Число персональных компьютеров на 100 работников	16-20	14	+2-6
Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства	76**	63	+13
Примечание. Включены все регионы России с автономными округами.			
* Данные за 2020 г.			
** Данные за 2013 г.			
Источник: здесь и далее – данные Росстата.			

По показателям развития социальной сферы область находится во второй половине соответствующих рейтингов. Наиболее скромные позиции – по численности студентов вузов (70 место), что обусловлено как демографическим фактором, так и системными изменениями, связанными с переходом на двухуровневую систему высшего образования. Необходимо отметить, что хотя по уровню занятости регион располагается на 66 месте, это нельзя трактовать как негативный момент. Это вызвано тем, что в основном значения данного показателя находятся в диапазоне 60–70% и их разброс относительно невелик. Похожая ситуация складывается и с обеспеченностью больничными койками, поскольку сокращение их числа наблюдается повсеместно с 2010 года, с начала процессов оптимизации в системе здравоохранения. Достаточно высокие позиции в рейтинге принадлежат Вологодской области по обеспеченности жильем и легковыми автомобилями (11 и 25 места соответственно).

В отношении экономических и инфраструктурных показателей позиции региона весьма разнородны. Например, по душевому обороту розничной торговли, доле автодорог с твердым покрытием и благоустройству жилищного фонда область занимает места в пятом – седьмом десятке. Качество дорог в области является одной из самых острых проблем: доля автодорог регионального, межмуниципального и местного значения, отвечающих нормативным требованиям, составляет 31,9%⁴³.

Более благоприятные позиции у Вологодской области по таким индикаторам, как: инвестиции; ВРП и поступления в бюджетную систему на душу населения; обеспеченность населения персональными компьютерами; основные фонды в экономике (16, 26, 33, 14 и 32 места соответственно). Что касается динамики, то за период 2010–2021 гг. значительные позитивные изменения продемонстрировали показатели среднедушевых инвестиций (+13 мест), ожидаемой продолжительности жизни (+17 мест), жилищного благоустройства (13 мест). Напротив, ухудшение позиций было зафиксировано по уровню занятости (-44 места), доле автодорог с твердым покрытием (-35 мест). Однако данные тенденции не говорят о фактическом ухуд-

⁴³ Рейтинг российских регионов по качеству дорог // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220704/630225315.html>

шении ситуации. В отношении занятости причины были указаны выше, а снижение показателя качества автодорог обусловлено изменением методики его расчета⁴⁴.

Объемы *валового регионального продукта и инвестиций* как одних из ключевых показателей, отражающих состояние экономики, в 2000–2020 гг. как в России, так и Вологодской области имеют тенденцию к росту (рис. 3.1). Некоторое снижение значений наблюдается в кризисные периоды, что свидетельствует о спаде экономики после макроэкономических шоков 2008–2009 и 2013–2014 годов. Пандемия COVID-19 также оказала негативное воздействие на данные процессы, обусловленное отрицательным приростом производства в большинстве отраслей.

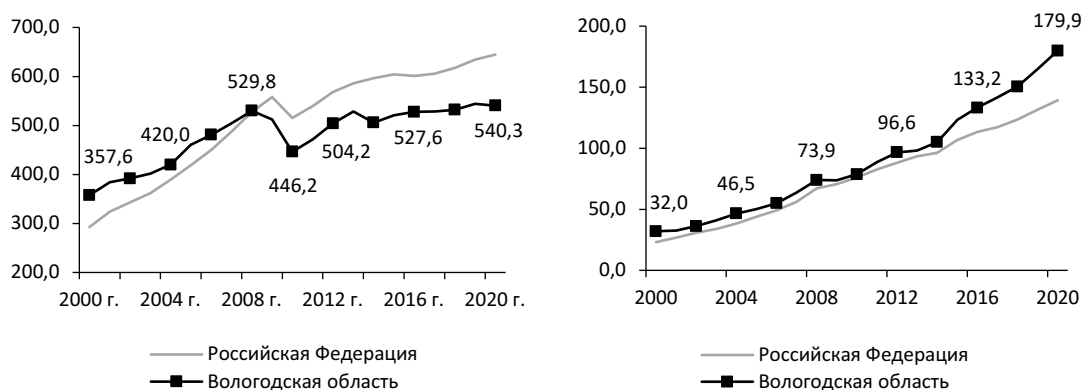

Рисунок 3.1. **Динамика (а) валового внутреннего / регионального продукта и (б) инвестиций в основной капитал на душу населения в ценах 2020 г., тыс. руб.**

Примечание. Перевод в сопоставимые цены осуществлялся по индексу физического объема ВРП и инвестиций.

В целом по России в динамике *численности населения* в 2000–2021 гг. можно выделить три фазы: снижения (2000–2008 гг.), роста (2008–2017 гг.) и снижения (2017–2021 гг.). В результате в 2021 г. численность населения достигла уровня 2000 года. В Вологодской области она демонстрирует плавную тенденцию к снижению (рис. 3.2). При этом большая убыль характерна для населения сельской местности (23% против 9% в городах). Пандемия COVID-19 усилила данный тренд: с 2020 года численность населения региона сократилась почти на 21 тысячу человек.

⁴⁴ После изменения методики расчета показателя стала учитываться протяженность улиц в населенных пунктах, что увеличило общую протяженность автомобильных дорог общего пользования (пояснения Росстата в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 год»).

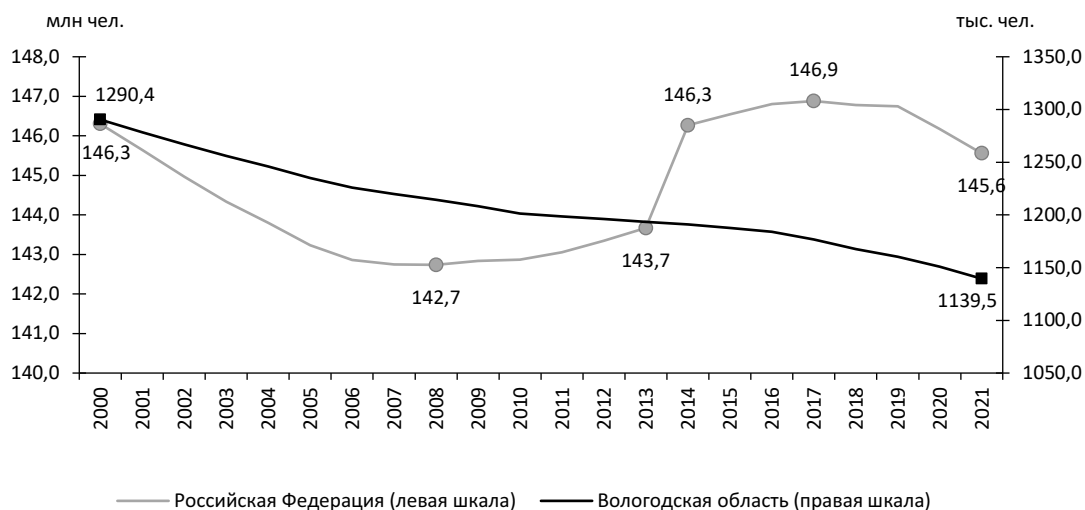

Рисунок 3.2. Численность населения РФ и Вологодской области (на конец года)

Возрастная структура населения является фактором, напрямую определяющим состав рабочей силы. За последнее двадцатилетие она претерпела трансформации как на страновом, так и на региональном уровне: доля жителей моложе трудоспособного возраста имеет тенденцию к сокращению, а удельный вес населения старше трудоспособного возраста, напротив, возрастает (рис. 3.3). При этом в долгосрочной перспективе данный тренд сохранится. С учетом повышения пенсионного возраста и того обстоятельства, что в ближайшие годы в активный трудоспособный возраст будут вступать относительно немногочисленные когорты родившихся в конце 90-х – начале 2000-х гг., можно констатировать, что это приведет к общему старению рабочей силы и росту нагрузки на системы социального обеспечения.

Здоровье также выступает значимой детерминантой процессов старения населения, поскольку во многом определяет физические и психические возможности человека реализовывать свой трудовой потенциал. В данном отношении одним из ключевых показателей представляется ожидаемая продолжительность жизни населения. В период 2004–2022 гг. в России и Вологодской области наблюдался ее плавный рост, прерванный в пандемийный период (рис. 3.4). В связи с этим увеличивается и длительность пребывания на рынке труда. Так, расчеты показывают, что продолжительность трудовой жизни в России только за последние десять лет возросла на 2,8 года: до 35,4 года у мужчин и до 33,7 года у женщин [Проворова, 2023: 133].

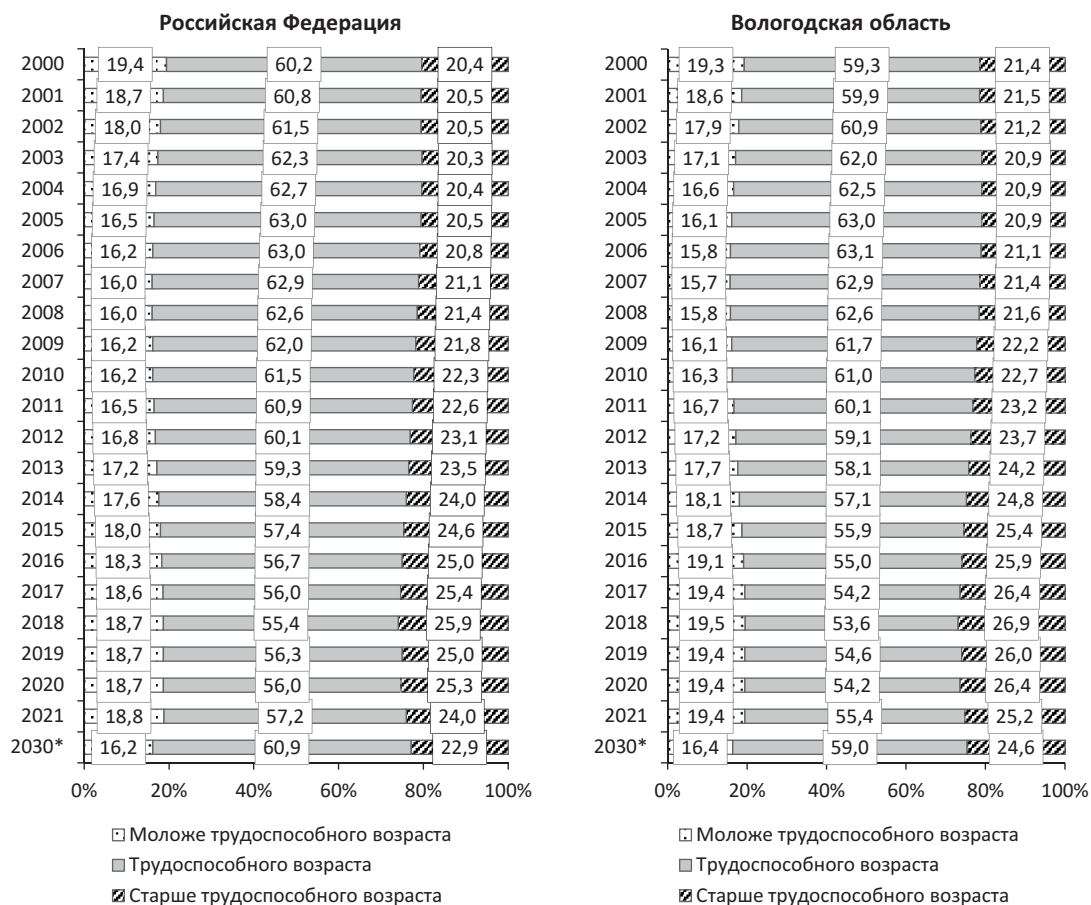

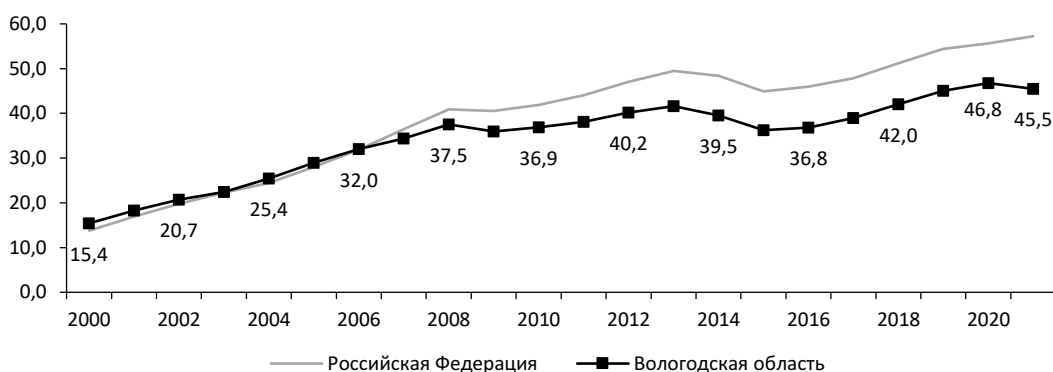
Рисунок 3.3. **Возрастной состав населения РФ и Вологодской области**

* Прогноз Росстата.

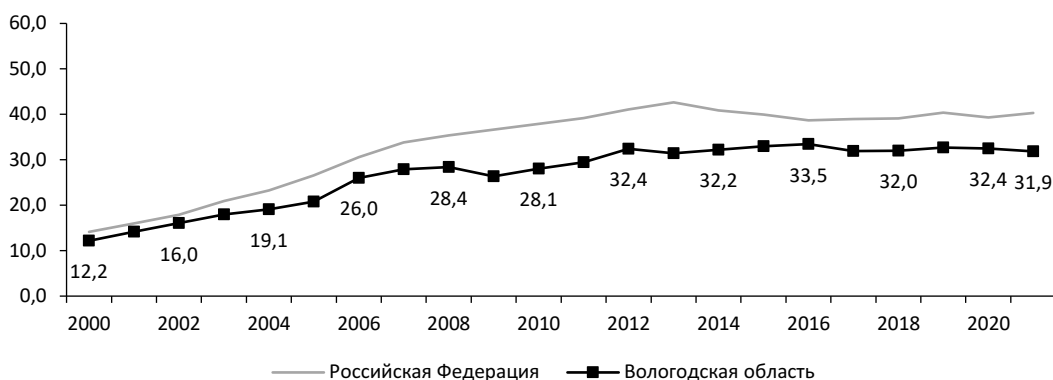

Рисунок 3.4. **Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет**

Показатели *заработной платы* и *уровня доходов* населения представляют собой важные показатели, значения которых во многом обусловлены качественными характеристиками занятости и определяют ресурсные возможности индивидов и домохозяйств. За последние двадцать лет отмечается позитивная динамика как среднедушевой заработной платы, так и среднедушевых денежных доходов населения (рис. 3.5). Однако на региональном уровне темпы прироста были ниже общероссийских (3 и 4,2 раза; 2,6 и 2,8 раза соответственно). Необходимо также подчеркнуть, что значения показателя среднедушевых денежных доходов, начиная с 2012 г., стагнируют на уровне 32–33%. В связи с этим большую роль играет реализация политики в части поддержки доходов, особенно адресных социальных программ.

а)

б)

Рисунок 3.5. Среднемесячная начисленная заработная плата (а) и среднедушевые денежные доходы населения (б) в месяц (в ценах 2021 г.), тыс. руб.

Обеспеченность жильем и его качественные параметры являются не только индикатором качества жизни, но и фактором, оказывающим значимое влияние на миграционные установки населения. Так, в стране и регионе в период 2013–2022 гг. доля полностью благоустроенного жилищного фонда имела тенденцию к росту (рис. 3.6). В то же время на селе, в отличие от ситуации в городской местности, темпы благоустройства отстают от среднероссийских.

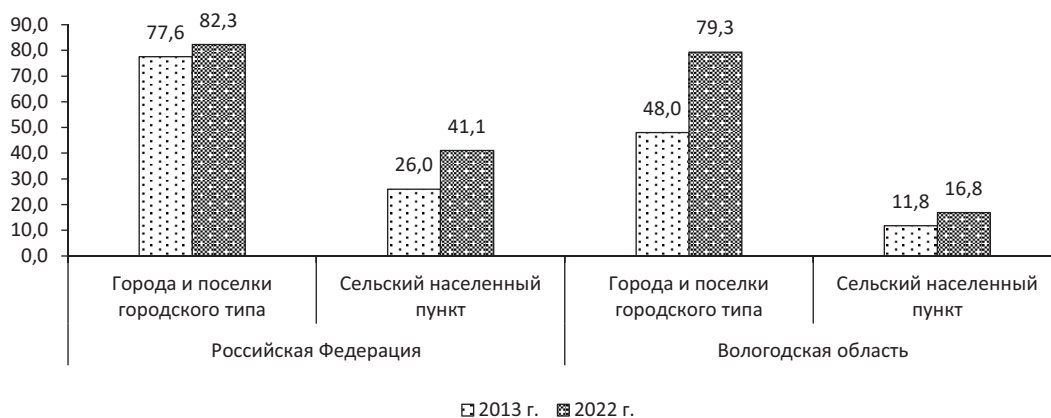

Рисунок 3.6. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, %

Показатели развития системы профессионального образования напрямую связаны с изменениями на рынке труда, определяя предложение рабочей силы и структуру занятости [Варшавская, 2020]⁴⁵. Последние пятнадцать лет, вследствие негативных демографических процессов и трансформаций образовательной системы Вологодской области, численность студентов вузов сократилась почти в три раза, что согласуется и с общероссийской тенденцией (рис. 3.7). Наряду с этим наблюдается прирост численности обучающихся в среднем звене профессионального образования, которая в регионе с 2014 г. увеличилась практически в полтора раза. Это обусловлено тем, что для многих студентов данный этап является трамплином для поступления в университет, поскольку сдача ЕГЭ выступает барьером для реализации образовательной траектории «школа – вуз» напрямую [Выпускники среднего профессионального..., 2023: 29].

⁴⁵ Влияние изменений в системе образования на занятость населения // ВНИИ Труда Минтруда России. URL: <https://vcot.info/blog/vlianie-izmenenij-v-sisteme-obrazovania-na-zanatnost-naselenia>

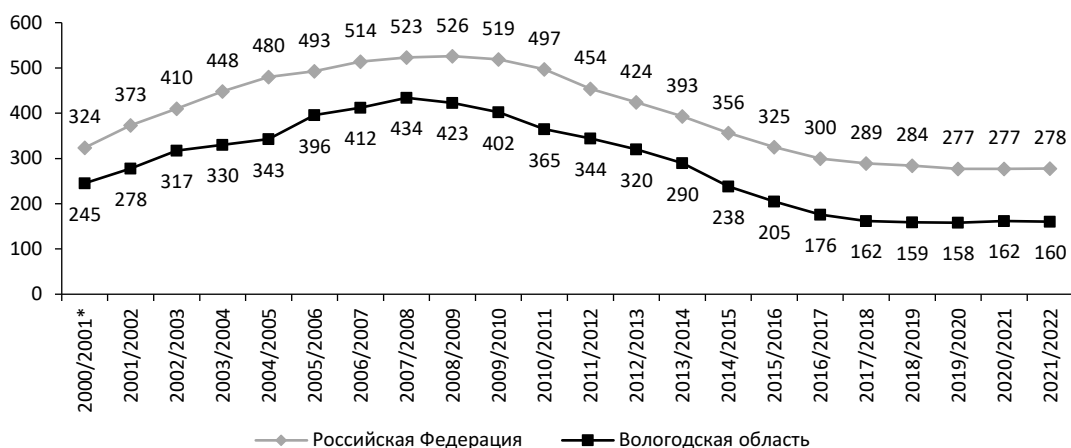

Рисунок 3.7. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения*

* Ранее показатель назывался «Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 000 человек населения», «Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения».

Таким образом, рассмотрев социально-экономический контекст, в котором происходит протекание трансформационных процессов в социально-трудовой сфере Вологодской области, можно заключить следующее. В целом большинство показателей региона находятся в пределах общероссийских значений. Исключение составляет ряд индикаторов развития социальной и инфраструктурной сферы (численность студентов вузов, обеспеченность больничными койками, доля автодорог с твердым покрытием и др.). В динамике на фоне негативных демографических изменений наблюдается стагнация ряда показателей (к примеру, среднедушевых денежных доходов). При этом многие из них продемонстрировали некоторый спад в кризисные периоды (финансово-экономические шоки, пандемия коронавируса). Данные тенденции формируют вызовы для региональных и локальных рынков труда, вкпе с глобальными трендами оказывая влияние на протекание процесса трансформации занятости (спрос и предложение рабочей силы, отношения между работниками и работодателями и т.д.).

3.2. Трансформация системы расселения и ее демографические проявления

Устойчивость системы расселения во многом зависит от наличия опорного каркаса территорий, образованного крупными центрами и транспортными магистралями. Но влияние таких городов на социально-экономиче-

ское развитие постепенно снижается в направлении «центр–периферия», что приводит к формированию сильных пространственных разрывов как между регионами, так и внутри них [Соболев, 2015: 144]. По мере стягивания населения в крупные населенные пункты и в зоны их влияния на периферийных территориях происходит значительное снижение демографического и трудового потенциала, социально-экономического благополучия. В регионах Нечерноземья проблема поляризации расселения, особенно сельского, стоит наиболее остро вследствие существенных внутрирегиональных контрастов [Егоров, 2020: 33]. Данный факт обуславливает востребованность исследований, углубляющих представления о природе и последствиях трансформации расселения на внутрирегиональном уровне.

Несмотря на изученность вопросов трансформации расселения на национальном и региональном уровнях, сохраняется потребность в углублении исследования ее внутрирегиональных трендов и закономерностей. Особое значение при этом приобретает исследование долговременных тенденций изменения систем городского и сельского расселения во взаимосвязи с характеристиками демографического развития территорий, что позволяет оценить не только освоенность территорий, но и их демографический потенциал, перспективы динамики населения. Актуальность изучения отмеченной проблематики возрастает в связи с обнародованием данных Всероссийской переписи населения 2020 г., позволяющих учитывать современную ситуацию.

Необходимость понимания природы, демографических и социально-экономических последствий трансформаций расселения, наблюдаемых на территории региона, обуславливает их рассмотрение с точки зрения *нормативного подхода*, согласно которому все населенные пункты, находящиеся в границах рассматриваемой территории, автоматически включаются в соответствующую систему расселения. Преимуществом этого подхода является неотделимость системы расселения от административно-территориального деления региона и доступность необходимой для анализа информации.

В качестве *информационной базы исследования* выступили данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., текущего статистического учета Росстата и его территориального органа по Вологодской области. Для характеристики расселения использовались его ключевые показатели: плотность населения, средняя людность, количество и численность населенных пунктов по людности. Демографические проявления трансформации расселения оценивались по показателям изменения численности населения и ее компонентам (естественное движение и миграция), возрастной состав населения. В данном исследовании помимо

структурно-динамического и картографического методов применялась типология муниципальных образований по соотношению компонентов изменения численности населения, а также по соотношению основных показателей демографической ситуации. Преимущество последнего метода заключается в демографической классификации муниципалитетов: в первом случае – по вкладу показателей естественного движения и миграции в динамику численности городского и сельского населения, во втором случае – по характеру демографической ситуации и, в том числе, потенциалу ее улучшения в городской и сельской местности. Перед картированием и типологией муниципальных образований осуществлялась их группировка по значениям показателей (плотности, людности, возрастного состава населения). Выделялись три группы муниципалитетов: с низкими, средними и высокими значениями показателей. В среднюю группу отбирались муниципалитеты со значениями показателей в диапазоне «среднее арифметическое \pm стандартное отклонение»; муниципалитеты со значениями ниже или выше этого диапазона относились в группы с низкими и высокими их уровнями соответственно.

Трансформация систем городского и сельского расселения в модельном регионе. Показатель плотности населения по муниципальным образованиям Вологодской области, демонстрирующий большой разброс, свидетельствует о неравномерности распределения жителей по её территории (рис. 3.8).

Рисунок 3.8. Плотность населения муниципальных образований Вологодской области, 2021 г., чел. на 1 км²

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. / Вологдастат, 2022. 94 с.

Повышенная концентрация населения характерна, помимо территорий крупных городов – Вологды и Череповца, для близлежащих муниципальных образований – Шекснинского района, Вологодского и Сокольского округов. Муниципалитеты со средней и высокой плотностью населения (за исключением Великоустюгского округа) расположены в агломерационной зоне Вологодской и Череповецкой моноцентрических агломераций. К первой относят Вологодский, Грязовецкий и Сокольский округа, ко второй – Череповецкий, Шекснинский районы и Кадуйский округ [Кожевников, 2018: 726]. Наблюдаемые особенности распределения населения по территории региона могут быть обусловлены действием агломерационного фактора.

Как видно из *таблицы 3.2*, в Вологодской области насчитывается 15 городов и 8 поселков городского типа (пгт). При этом 13 из 15 городов относятся к малым (с численностью до 50 тыс. человек), а семь из них – города с численностью населения от 5 до 10 тыс. чел. (Белозерск, Красавино, Кириллов, Никольск, Тотьма, Устюжна, Харовск). В регионе есть два крупных города (от 250 до 500 тыс. человек) – Вологда и Череповец. Среди восьми поселков городского типа три имеют численность до 5 тыс. человек (Кузино, Хохлово, Сазоново), три – от 5 до 10 тыс. человек (Вожега, Вохтога, Чагода) и два – от 10 до 20 тыс. чел. (Кадуй, Шексна). При этом 80% городского населения сконцентрировано на территории крупных городов, 55% жителей поселков городского типа проживают в пгт с численностью от 10 до 20 тыс. человек.

В системе городского расселения Вологодской области за период между переписями 2002 и 2020 гг. произошли следующие трансформации: выросли число самых малых городов (с численностью до 10 тыс. чел.) и численность их населения при одновременном сокращении количества малых городов с численностью от 10 до 50 тыс. чел. и численности их населения; выросла концентрация городского населения в крупных городах и в крупных поселках городского типа. Наблюдаемые изменения свидетельствуют об усилении поляризации системы городского расселения и ослаблении ее опорного каркаса (системы малых городов).

Таблица 3.2. Группировка городских населенных пунктов Вологодской области по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 г.		2010 г.		2020 г.		2020 г. к 2002 г., +/-		2020 г. к 2010 г., +/-	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число населенных пунктов, ед.										
<i>Города</i>										
Всего	15	100,0	15	100,0	15	100,0	0	-	0	-
До 5000	-	-	1	6,7	1	6,7	+1	+6,7	0	0,0
5000–9999	4	26,7	6	40,0	7	46,7	+3	+20,0	+1	+6,7
10000–19999	7	46,7	4	26,7	3	20,0	-4	-26,7	-1	-6,7
20000–49999	2	13,3	2	13,3	2	13,3	0	0,0	0	0,0
50000–99999	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
100000–249999	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
250000–499999	2	13,3	2	13,3	2	13,3	0	0,0	0	0,0
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	12	100,0	9	100,0	8	100,0	-4	-	0	-
До 5000	6	50,0	4	44,4	3	37,5	-3	-12,5	-1	-6,9
5000–9999	4	33,3	3	33,3	3	37,5	-1	+4,2	0	+4,2
10000–19999	1	8,3	1	11,1	2	25,0	+1	+16,7	+1	+13,9
20000–49999	1	8,3	1	11,1	0	0,0	-1	-8,3	-1	-11,1
Численность населения, чел.										
<i>Города</i>										
Всего	795476	100,0	789290	100,0	776964	100,0	-18512	-	0	-
До 5000	-	-	4796	0,6	4106	0,5	+4106	+0,5	-690	-0,1
5000–9999	30451	3,8	52144	6,6	53687	6,9	+23236	+3,1	+1543	+0,3
10000–19999	83649	10,5	48168	6,1	36630	4,7	-47019	-5,8	-11538	-1,4
20000–49999	76461	9,6	70117	8,9	63412	8,2	-13049	-1,4	-6705	-0,7
50000–99999	-	-	0	0,0	-	-	-	-	-	-
100000–249999	-	-	0	0,0	-	-	-	-	-	-
250000–499999	604915	76,0	614065	77,8	619129	79,7	+14214	+3,7	+5064	+1,9
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	81096	100,0	60563	100,0	50613	100,0	-30483	-	0	-
До 5000	17582	21,7	8306	13,7	5699	11,3	-11883	-10,4	-2607	-2,4
5000–9999	30101	37,1	20020	33,1	17325	34,2	-12776	-2,9	-2695	+1,1
10000–19999	11798	14,5	11284	18,6	27589	54,5	+15791	+40,0	+16305	+35,9
20000–49999	21615	26,7	20953	34,6	0	0,0	-21615	-26,7	-20953	-34,6
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года / Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020										

За период с 2000 г. более чем на 30% сократилась численность населения поселков городского типа Кузино (Великоустюгский округ), Вохтога (Грязовецкий округ), Сазоново (Чагодощенский округ), малых городов Красавино (Великоустюгский округ) и Харовск, более чем на четверть – пгт

Чагода и города Белозерска (рис. 3.9). Наименьшему сокращению (менее 10%) городского населения подверглись город Грязовец и пгт Кадуй. Прирост численности населения за этот период отмечался только в пгт Шексна (на 16%) и в г. Вологде (на 3%). Численность жителей города Череповца сократилась незначительно (на 4%). Пять поселков городского типа (Устье, Тоншалово, Чебсара, им. Желябова и Молочное) в 2000-е гг. были административно преобразованы в сельские населенные пункты.

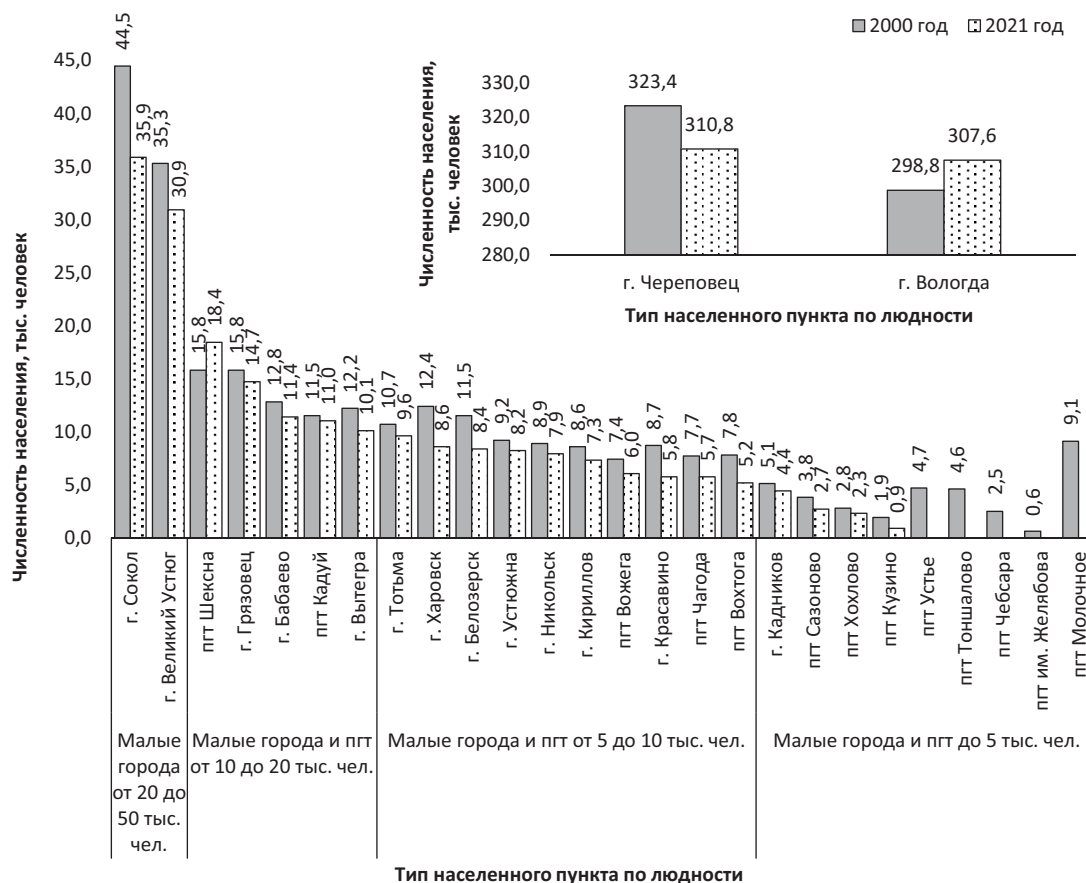

Рисунок 3.9. Города и поселки городского типа Вологодской области по численности городского населения в 2000 и 2021 годах*, тыс. чел.

* Города и пгт ранжированы по численности городского населения в 2021 г.

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. // Вологдаоблкомстат, 2001. 46 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. // Вологдастат, 2022. 94 с.

По данным переписи 2020 г. самым распространенным типом сельских поселений по людности в Вологодской области стали населенные пункты с

численностью жителей до 10 человек, или т.н. «одnodворки» (40% в общем числе сельских поселений; табл. 3.3). Вторые по распространенности – безлюдные сельские поселения, составляющие 30% общего числа сельских поселений. Примечательно, что Вологодская область входит в число регионов с максимальной долей сельских поселений без населения, сохраняя свои позиции с 2002 года [Короленко, 2023а: 52]. Мелкие поселения с числом жителей от 11 до 200 человек составляют 27% в общем числе сельских населенных пунктов. Доля средних и крупных населенных пунктов не превышает 5% общего числа сельских поселений. Наибольший вклад в общую численность сельских жителей региона вносят мелкие населенные пункты с численностью до 200 человек (28% общей численности сельского населения). В свою очередь каждый четвертый сельский житель проживает в крупном сельском поселении с численностью от 2000 человек и более.

Таблица 3.3. Группировка сельских населенных пунктов Вологодской области по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 г.		2010 г.		2020 г.		2020 г. к 2002 г., +/-		2020 г. к 2010 г., +/-	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
<i>Число населенных пунктов, ед.</i>										
Всего	8041	100,0	8006	100,0	7844	100,0	-197	-	-162	-
Безлюдные	1625	20,2	2131	26,6	2313	29,5	+688	+9,3	+182	+2,9
До 10	3046	37,9	3228	40,3	3160	40,3	+114	+2,4	-68	0,0
11–200	2971	36,9	2300	28,7	2079	26,5	-892	-10,4	-221	-2,2
201–500	266	3,3	229	2,9	186	2,4	-80	-0,9	-43	-0,5
501–1000	81	1,0	69	0,9	62	0,8	-19	-0,2	-7	-0,1
1001–2000	31	0,4	26	0,3	22	0,3	-9	-0,1	-4	0,0
2001–5000	17	0,2	17	0,2	19	0,2	+2	0,0	+2	0,0
Более 5000	4	0,0	6	0,1	3	0,0	-1	0,0	-3	-0,1
<i>Численность населения, чел.</i>										
Всего	392996	100,0	352591	100,0	315250	100,0	-77746	-	-37341	-
До 10	14288	3,6	14207	4,0	12995	4,1	-1293	+0,5	-1212	+0,1
11–200	124590	31,7	99208	28,1	89207	28,3	-35383	-3,4	-10001	+0,2
201–500	84072	21,4	70266	19,9	57878	18,4	-26194	-3,0	-12388	-1,5
501–1000	56905	14,5	48446	13,7	44306	14,1	-12599	-0,4	-4140	+0,4
1001–2000	40014	10,2	34454	9,8	31025	9,8	-8989	-0,4	-3429	0,0
2001–5000	49936	12,7	50473	14,3	61518	19,5	+11582	+6,8	+11045	+5,2
Более 5000	23191	5,9	35537	10,1	18321	5,8	-4870	-0,1	-17216	-4,3
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 ; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020										

В системе сельского расселения Вологодской области в межпереписной период прослеживались тенденции обезлюдения территорий, увеличения доли поселений-одnodворок в общем числе сельских поселений, нарастания концентрации сельских жителей либо в мелких поселениях, либо в крупных населенных пунктах. Таким образом, для сельского пространства региона характерно нарастание поляризации и усиление «очаговости» расселения.

В 2021 г. средняя людность сельских населенных пунктов в Вологодской области составила 40 человек. Высокий уровень людности наблюдается в Бабушкинском, Нюксенском, Вологодском и Тотемском районах, Череповецком и Вытегорском округах. В то же время самый низкий показатель характерен для Харовского, Белозерского, Сокольского, Кадуйского округов и Кирилловского района. В остальных муниципалитетах отмечается среднее значение людности. Очевидно, что восточной части региона в меньшей степени свойственна проблема низкой людности сельских населенных пунктов и мелкоселенности, что связано с более поздним освоением этих территорий и с долинным характером расселения на них [Солдатова, 2016: 353].

По сравнению с 2000-м в 2021 г. в большинстве муниципальных районов области произошло сокращение людности сельских населенных пунктов, при этом наиболее интенсивно данный процесс шел в западных районах и округах – Белозерском, Харовском, Бабаевском, Вашкинском и Чагодощенском (рис. 3.10 и 3.11). Увеличение людности за этот период зафиксировано лишь в четырех муниципалитетах: Усть-Кубинском, Шекснинском, Вологодском и Череповецком, однако оно было обусловлено исключительно административным фактором, а именно преобразованием пгт в сельские населенные пункты в отдельных районах и округах (Устье в Усть-Кубинском, Чебсара в Шекснинском, Тоншалово в Череповецком, Молочное в Вологодском).

В целом наблюдаемая ситуация позволяет говорить о существовании «очагов» сельского расселения: с одной стороны, в муниципалитетах, находящихся в зоне социально-экономического влияния крупных городов (Вологды и Череповца), с другой стороны, в восточных районах области с исторически сложившимися «кустами» расселения, но их роль в концентрации сельских жителей снижается.

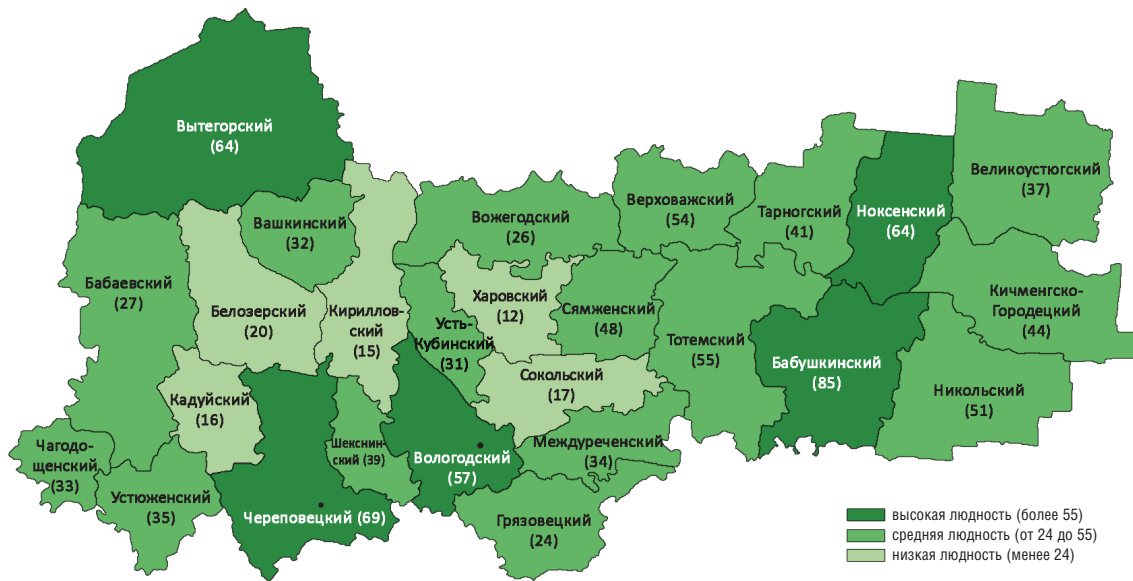

Рисунок 3.10. Средняя плотность сельских населенных пунктов в муниципальных районах/округах Вологодской области в 2021 г., чел. на населенный пункт

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. // Вологдастат, 2022. 94 с.

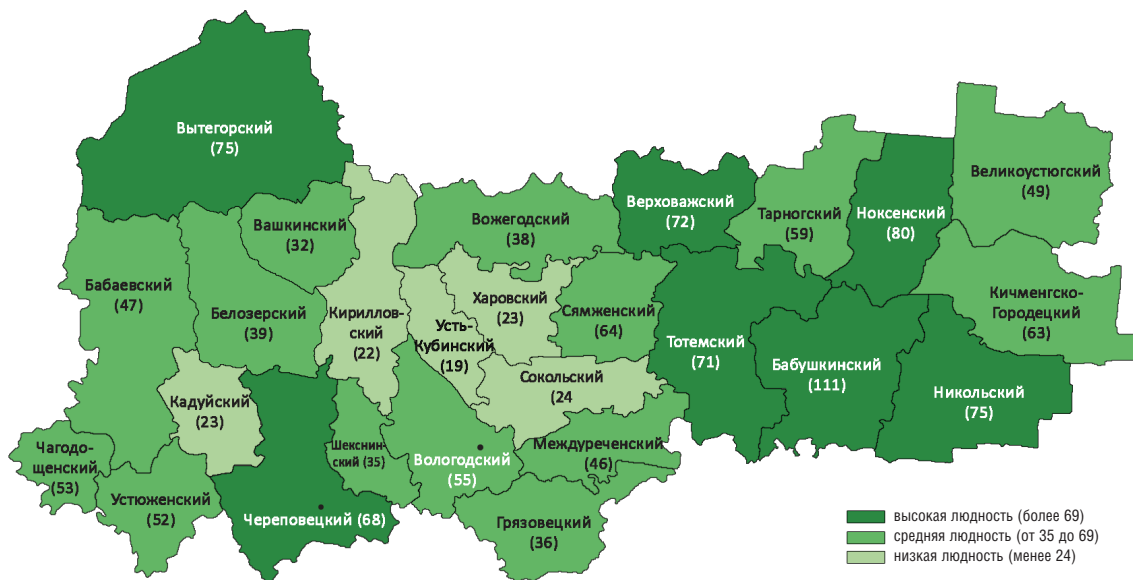

Рисунок 3.11. Средняя плотность сельских населенных пунктов в муниципальных районах/округах Вологодской области в 2000 г., чел. на населенный пункт

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. // Вологдаоблкомстат, 2001. 46 с.

Демографические проявления трансформации систем расселения модельного региона. В 2000–2009 и 2015–2021 гг. в Вологодской области отмечалась общая убыль городского населения: в 2000–2002, 2005–2009 гг. – за счет превышения его естественной убыли над миграционным приростом, в 2016 г. – за счет превышения миграционной убыли над естественным приростом, в 2003, 2017–2021 гг. – за счет двойного действия естественной и миграционной убыли (рис. 3.12). В отдельные годы общая убыль городского населения региона была обусловлена преимущественно административным преобразованием городских населенных пунктов в сельские: в 2004 г. – преобразованием пгт Устье и Тоншалово в поселки, а пгт Молочное – в село, в 2012 г. – преобразованием пгт Чебсара в поселок, в 2015 г. – передачей части городского населения пгт Шексна в сельское поселение. В 2010–2011, 2013–2014 гг. наблюдался прирост численности городских жителей региона: в 2010–2011 гг. – за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью, в 2013–2014 гг. – за счет двойного действия миграционного и естественного прироста. В 2021 г. общая убыль городского населения региона достигла значения -6826 человек. При этом на 88% она обеспечивалась естественной убылью населения (-6035 чел.).

Рисунок 3.12. **Компоненты изменения численности городского населения Вологодской области в 2000–2021 гг., чел.**

* Изменения в численности городского (сельского) населения, произошедшие в результате преобразования сельских населенных пунктов в городские (или городских – в сельские) по решению органов власти: в 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в поселок; в 2004 г. пгт Молочное – в село, пгт Тоншалово и Устье – в поселки; в 2012 г. пгт Чебсара – в поселок; в 2015 г. часть городского населения пгт Шексна передана в Угольское сельское поселение.

Источник: данные Вологдастата.

На протяжении практически всего рассматриваемого периода (за исключением 2004 года) в Вологодской области фиксировалась общая убыль сельского населения (рис. 3.13). В отдельные годы она обеспечивалась превышением естественной убыли над миграционным приростом (2000, 2003, 2019–2020 гг.), однако в остальное время – двойным действием и естественной, и миграционной убыли. Только в 2004 г. перевод части городских населенных пунктов в сельские (пгт Устье, Тоншалово и Молочное) покрыл естественную убыль и обеспечил максимальный общий прирост сельского населения в регионе (на 12 069 чел.). В 2001, 2012 и 2015 гг. административное преобразование не смогло компенсировать вклад естественной и/или миграционной убыли в сокращение численности сельского населения. Максимального значения общая убыль численности сельских жителей достигла в 2010 году (-6699 чел.). В 2021 г. ее размер, составивший -4717 чел., на 98% обеспечивался естественной убылью (-4623 чел.).

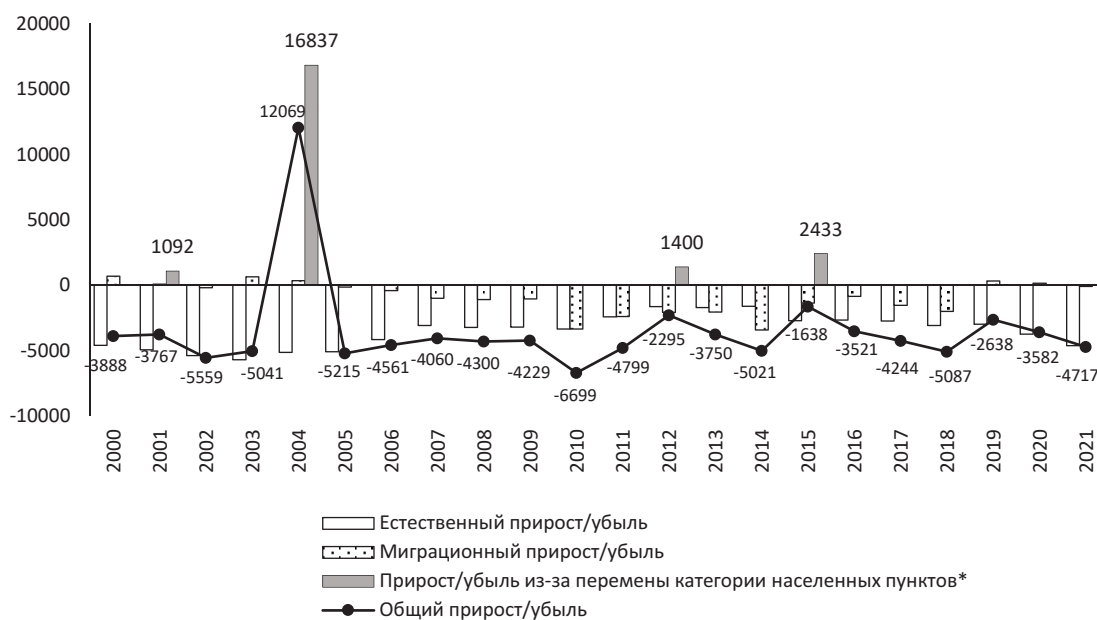

Рисунок 3.13. Компоненты изменения численности сельского населения Вологодской области в 2000–2021 гг., чел.

* Изменения в численности городского (сельского) населения, произошедшие в результате преобразования сельских населенных пунктов в городские (или городских – в сельские) по решению органов власти: в 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в поселок; в 2004 г. пгт Молочное – в село, пгт Тоншалово и Устье – в поселки; в 2012 г. пгт Чибсара – в поселок; в 2015 г. часть городского населения пгт Шексна передана в Угольское сельское поселение.

Источник: данные Вологдастата.

Группировка муниципальных образований по соотношению компонентов изменения численности городского населения показала, что в 2021 г. в 65% городских муниципалитетов (в 15 из 23) наблюдалась самая неблагоприятная ситуация, характеризующаяся общей убылью населения вследствие двойного действия естественной и миграционной убыли (табл. 3.4).

Таблица 3.4. Группировка муниципальных образований Вологодской области по влиянию показателей естественного движения и миграции на изменение численности городского населения, с 2000 по 2021 г.

Группа	2000 г.		2010 г.		2021 г.	
	Число	Муницип. образования (города и пгт)	Число	Муницип. образования (города и пгт)	Число	Муницип. образования (города и пгт)
ЕУ, МУ, ОУ	10 (36%)	Вологда, Великий Устюг, Сокол, Белозерск, Вытегра, Никольск, Устюжна, Кадуй, Молочное ² , Хохлово	13 (54%)	Сокол, Бабаево, Белозерск, Вытегра, Устюжна, Харовск, Вожега, Вохтога, Кузино, Сазоново, Чагода, Чибсара ³ , Шексна	15 (65%)	Вологда, Великий Устюг, Череповец, Белозерск, Грязовец, Кадников, Кириллов, Красавино, Никольск, Тотьма, Устюжна, Харовск, Вохтога, Кузино, Шексна
ЕУ, МП, ОУ	15 (54%)	Череповец, Бабаево, Грязовец, Кадников, Кириллов, Красавино, Тотьма, Харовск, им. Желябова ¹ , Кузино, Сазоново, Устье ² , Чагода, Чибсара ³ , Шексна	3 (12%)	Красавино, Кадуй, Хохлово	6 (26%)	Сокол, Бабаево, Вытегра, Вожега, Сазоново, Чагода
ЕП, МУ, ОУ	-	-	4 (17%)	Грязовец, Кадников, Кириллов, Никольск	-	-
ЕУ, МП, ОП	2 (7%)	Вожега, Вохтога	4 (17%)	Вологда, Великий Устюг, Череповец, Тотьма	2 (9%)	Кадуй, Хохлово
ЕП, МУ, ОП	-	-	-	-	-	-
ЕП, МП, ОП	1 (3%)	Тоншалово ²	-	-	-	-
Итого		28		24		23

Примечание. ЕУ, МУ, ОУ – естественная, миграционная, общая убыль населения; ЕП, МП, ОП – естественный, миграционный, общий прирост населения. Зеленым цветом обозначены МО, улучшившие свое положение в 2021 г. по сравнению с 2000 г., красным цветом – ухудшившие положение, черным цветом – не изменившие положения.

¹ В 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в поселок.

² В 2004 г. пгт Молочное преобразован в село, пгт Тоншалово и Устье – в поселки.

³ В 2012 г. пгт Чибсара преобразован в поселок.

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдастат, 2001. 46 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат, 2011. 90 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. / Вологдастат, 2022. 94 с.

Среди таких муниципалитетов оказались крупные города – Вологда и Череповец. В шести городских муниципальных образованиях (города Сокол, Бабаево, Вытегра, пгт Вожега, Сазоново, Чагода) миграционный прирост не компенсировал естественную убыль населения, в результате чего отмечалась его общая убыль. Лишь в двух муниципалитетах – поселках городского типа Кадуй и Хохлово Кадуйского округа – зафиксировано увеличение численности населения, обусловленное миграционным приростом.

По сравнению с 2000 годом в 2021 г. в группировке городских муниципалитетов по соотношению компонентов изменения численности населения наблюдались негативные тенденции: доля самых неблагополучных городов и пгт возросла с 36 до 65%, а городов и пгт с общей убылью, но миграционным приростом – сократилась с 54 до 26%. За период наблюдения десять городских поселений ухудшили свое положение в части соотношения компонентов численности населения, наиболее существенно – пгт Вожега (Вожегодский округ) и Вохтога (Грязовецкий округ); девять – не изменили его и лишь четыре – улучшили позиции (наиболее существенно – пгт Кадуй и Хохлово). Положительная динамика в поселках городского типа Кадуй и Хохлово может объясняться функционированием в них развитых промышленных предприятий, создающих рабочие места. Так, Кадуйский округ занимает ведущие позиции в области по производству электроэнергии (Череповецкая ГРЭС) и производству пищевой икры осетровых рыб (рыботоварная фирма «Диана»), а также входит в число лидеров по производству клееной фанеры и мебельных компонентов (ООО «Кадуйский фанерный комбинат», ОАО «Сивец» и др.)⁴⁶.

В 2021 г. в 59% муниципальных образований (в 16 из 27) сельское население сокращалось за счет и естественной, и миграционной убыли, в 41% (11 из 27) – за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом (табл. 3.5). Общий прирост численности сельского населения не был зафиксирован ни в одном муниципалитете. В период с 2000 по 2021 г. доля муниципальных районов с самым неблагоприятным соотношением компонентов изменения численности сельского населения выросла почти в 2 раза, что подтверждает тенденцию ухудшения демографической ситуации в сельской местности региона.

⁴⁶ Стратегия социально-экономического развития Кадуйского муниципального района Вологодской области на период до 2030 года // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/iblock/8fb/11.%20Стратегия%20Кадуйского%20муниципального%20района.pdf>

Таблица 3.5. Группировка муниципальных образований Вологодской области по влиянию показателей естественного движения и миграции на изменение численности сельского населения, с 2000 по 2021 г.

Тип	2000 г.		2010 г.		2021 г.	
	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)
ЕУ, МУ, ОУ	8 (31%)	Бабушкинский, Вологодский, Грязовецкий, Кадуйский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сокольский, Тарногский	24 (89%)	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Великоустюгский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Грязовецкий, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Сокольский, Сямженский, Тарногский, Тотемский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий, Шекснинский	16 (59%)	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Грязовецкий, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Сокольский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Шекснинский
ЕУ, МП, ОУ	16 (61%)	Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Кирилловский, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий, Шекснинский	2 (7%)	Вологодский, Кадуйский	11 (41%)	Великоустюгский, Вологодский, Кадуйский, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Сямженский, Тарногский, Тотемский, Усть-Кубинский, Череповецкий, с. Молочное (гор. округ Вологда)*
ЕП, МУ, ОУ	-	-	-	-	-	-
ЕУ, МП, ОП	2 (8%)	Великоустюгский, Тотемский	1 (4%)	с. Молочное (гор. округ Вологда)*	-	-
ЕП, МУ, ОП	-	-	-	-	-	-
ЕП, МП, ОП	-	-	-	-	-	-
Итого	26		27		27	

Примечание. ЕУ, МУ, ОУ – естественная, миграционная, общая убыль населения; ЕП, МП, ОП – естественный, миграционный, общий прирост населения. Зеленым цветом обозначены МО, улучшившие свое положение в 2021 г. по сравнению с 2000 г., красным цветом – ухудшившие положение, черным цветом – не изменившие положения.
* В 2004 г. пгт Молочное преобразован в село.
Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдастат, 2001. 46 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат, 2011. 90 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат, 2022. 94 с.

За рассматриваемый период 14 муниципалитетов ухудшили позиции в части соотношения компонентов изменения численности сельского населения, наиболее существенно – Великоустюгский и Тотемский округа, переместившиеся из категории муниципалитетов с приростом числа сельских жителей за счет миграционного притока в группу муниципалитетов с убылью сельского населения под двойным прессом естественной и миграционной убыли. В свою очередь четыре округа Вологодской области (Вологодский, Кадуйский, Кичменгско-Городецкий, Тарногский), напротив, улучшили положение за счет смены миграционного оттока приростом населения, который, тем не менее, не смог покрыть его естественную убыль. Позитивные тенденции в Вологодском и Кадуйском муниципальных округах могут быть связаны с высоким социально-экономическим потенциалом развития их сельских территорий вследствие близости к крупным городам [Ворошилов, 2022: 103]. В восьми муниципальных образованиях региона соотношение вклада естественного движения и миграции в динамику численности населения сохранилось на прежнем уровне (стабильно неблагоприятная ситуация).

В *таблице 3.6* представлены муниципалитеты Вологодской области по основным демографическим показателям в разрезе городского и сельского населения. Самая неблагоприятная ситуация наблюдается в Белозерском и Харовском округах, в которых происходит сокращение численности и городского, и сельского населения под двойным влиянием естественной и миграционной убыли, а также отмечаются маркеры старения населения: высокая доля населения 65 лет и старше; низкий удельный вес населения 15–64 лет и детей до 14 лет (в сельской местности). В десяти муниципальных образованиях (Бабушкинском, Вашкинском, Верховажском, Грязовецком, Междуреченском, Никольском, Нюксенском, Устюженском, Шекснинском районах/округах и городе Череповце) снижение численности городских и/или сельских жителей также происходит вследствие естественной и миграционной убыли.

Таблица 3.6. Муниципальные образования Вологодской области по основным демографическим показателям в разрезе городского и сельского населения, 2021 г.

МО	Число МО	Городское население						Сельское население						Все население
		ЕПУ	МПУ	ОПУ	Возр. состав*			ЕПУ	МПУ	ОПУ	Возр. состав**			ОПУ
					0-14	15-64	65+				0-14	15-64	65+	
Кадуйский окр.	1	ЕУ	МП	ОП	Низ	Ср	Выс	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Низ	Выс	ОП
Бабаевский окр.	1	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Низ	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Вытегорский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Низ	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Выс	Низ	ОУ
Сокольский окр.	1	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Чагодощенский окр.	1	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Выс	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Вожегодский окр.	1	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Ср	Ср	ОУ
Кирилловский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Великоустюгский окр.	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Гор. округ Вологда	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Низ	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Выс	Низ	ОУ
Тотемский окр.	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Низ	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Вологодский окр.	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Выс	Низ	ОУ
Кичм.-Городецкий и Тарногский окр.	2	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Сямженский и Усть-Кубинский окр., Череповецкий р-н	3	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Никольский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Низ	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Выс	Низ	ОУ
Шекснинский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Выс	Низ	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Бабушкинский окр.	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Низ	ОУ
Верховажский и Нюксенский окр.	2	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Устюженский окр.	1	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Выс	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Грязовецкий окр.	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
г. Череповец	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	-	-	-	-	-	-	ОУ
Междуреченский окр.	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Вашкинский р-н	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Ср	ОУ
Белозерский и Харовский окр.	2	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Низ	Выс	ОУ

МО	Число МО	Городское население						Сельское население						Все население
		ЕПУ	МПУ	ОПУ	Возр. состав*			ЕПУ	МПУ	ОПУ	Возр. состав**			
					0-14	15-64	65+				0-14	15-64	65+	
Примечание. ЕУ, МУ, ОУ – естественная, миграционная, общая убыль населения; ЕП, МП, ОП – естественный, миграционный, общий прирост населения. ■ – МО с самой неблагоприятной дем. ситуацией (естественная и миграционная убыль, неблагоприятные параметры возрастной структуры), ■ – МО с неблагоприятной дем. ситуацией (естественная и миграционная убыль или неблагоприятные параметры возрастной структуры), ■ – МО с благоприятной дем. ситуацией (естественный или миграционный прирост и/или благоприятные параметры возрастной структуры), ■ – МО с самой благоприятной дем. ситуацией (естественный или миграционный прирост, общий прирост населения и/или благоприятные параметры возрастной структуры). * Доля населения 0–14 лет: низкая (Низ) – 17,6% и меньше, средняя (Ср) – 17,7–20,1%, высокая (Выс) – 20,2% и больше; 15–64 лет: низкая (Низ) – 63,1% и меньше, средняя (Ср) – 63,2–67,0%, высокая (Выс) – 67,1% и больше; 65 лет и старше: низкая (Низ) – 14,4% и меньше, средняя (Ср) – 14,5–17,5%, высокая (Выс) – 17,6% и больше. ** Доля населения 0–14 лет: низкая (Низ) – 13,9% и меньше, средняя (Ср) – 14,0–18,2%, высокая (Выс) – 18,3% и больше; 15–64 лет: низкая (Низ) – 59,3% и меньше, средняя (Ср) – 59,4–65,8%, высокая (Выс) – 65,9% и больше; 65 лет и старше: низкая (Низ) – 17,1% и меньше, средняя (Ср) – 17,2–25,4%, высокая (Выс) – 25,5% и больше. Источник: составлено авторами.														

Часть муниципалитетов (16 из 28) располагают потенциалом для улучшения демографической ситуации, связанным с миграционным приростом населения. В шести районах/округах отмечается миграционный приток городского населения (Чагодощенский, Бабаевский, Вожегодский, Сокольский, Кадуйский, Вытегорский), однако только в одном из них – Кадуйском округе – он компенсирует естественную убыль и приводит к увеличению численности городских жителей. В 11 муниципалитетах происходит миграционный прирост сельского населения, но ни в одном из них он не компенсирует естественную убыль.

Примечательно, что в части муниципалитетов миграционная убыль городского населения сопровождается приростом сельского (Кирилловский район, Великоустюгский и Тотемский округа, городской округ Вологда, Вологодский округ и Череповецкий район – за счет городов Вологды и Череповца), что косвенно может говорить о дезурбанизационных процессах внутри них. В других же муниципалитетах (Бабаевский, Сокольский, Чагодощенский и Вожегодский округа, Вытегорский район), напротив, на фоне миграционного оттока сельских жителей наблюдается миграционный прирост городского населения, что свидетельствует о тенденции урбанизации.

Наиболее благоприятные параметры возрастного состава городских жителей за счет высокой доли детей имеют Бабаевский округ, Никольский и Вытегорский районы, за счет высокой доли населения 15–64 лет – Шекснинский район и Устюженский округ. Самые благоприятные возрастные характеристики сельского населения наблюдаются в Никольском районе (высокая доля детей и населения 15–64 лет и низкая доля пожилых). Для сельского населения Вытегорского района и Вологодского округа, а также городского округа Вологда характерны высокая доля населения средней возрастной группы и низкий удельный вес пожилых. Высокая доля детского населения свойственна сельской местности Бабаевского, Кичменгско-Городецкого, Тарногского, Бабушкинского, Верховажского и Нюксенского округов, Никольского района.

Маркеры старения населения (высокая доля пожилых и низкая доля детей) отмечаются в городской и сельской местности Кадуйского, Чагодощенского, Белозерского и Харовского округов, в сельской местности Кирилловского района и Устюженского округа. В ряде муниципалитетов зафиксирован низкий удельный вес населения 15–64 лет: в городской местности Бабаевского, Белозерского и Харовского округов, Вытегорского района, сельской местности Кадуйского, Чагодощенского, Устюженского, Белозерского, Харовского округов, Кирилловского и Вашкинского районов.

Таким образом, в ходе исследования на примере модельного региона выявлены следующие тенденции трансформации систем расселения: нарастание поляризации городского и сельского расселения, выражающейся в концентрации жителей либо в крупных, либо в мелких населенных пунктах; обезлюдение сельских территорий; ослабление опорного каркаса городского расселения (системы малых городов); усиление «очаговости» сельского расселения. Региональные тренды изменения систем расселения и их демографические последствия во многом повторяют общероссийские, особенно в Нечерноземье. Особую роль в наблюдаемых трансформациях расселения играют крупные города – Вологда и Череповец, стягивающие население в зону их влияния, что приводит к снижению людности сельских поселений удаленных муниципальных районов и сокращению городского населения районных центров. Роль восточных районов области в концентрации сельских жителей в поселениях-«кустах» постепенно снижается.

Более чем в половине муниципальных образований Вологодской области сокращение численности городского и сельского населения обусловлено двойным действием естественной и миграционной убыли. При этом количество и доля таких муниципалитетов существенно выросли за

последние 20 лет. Самая неблагоприятная ситуация отмечается в Белозерском и Харовском районах, в которых сокращение численности населения под «двойным прессом» естественной и миграционной убыли сопровождается неблагоприятными параметрами возрастного состава (старением населения). В этих муниципалитетах на протяжении 2000–2021 гг. происходило существенное сокращение людности сельских поселений и численности жителей районных центров (Белозерск и Харовск). Аналогичные тенденции в трансформации расселения наложили отпечаток на демографическую ситуацию и в других 10 муниципальных образованиях с «двойной» убылью населения.

Часть муниципалитетов области имеют потенциал миграционного прироста, тем не менее естественная убыль компенсируется миграционным приростом в настоящее время только в городской местности Кадуйского округа. Очевидно, что большую роль в данном процессе играют поселки городского типа Кадуй и Хохлово, активно притягивающие население, вследствие чего, однако, сокращается людность сельских поселений муниципального района.

В ряде муниципалитетов фиксируются благоприятные параметры возрастного состава населения (высокий удельный вес детей и/или населения 15–64 лет, низкая доля пожилого населения), что может вызвать позитивные последствия для рынка труда в виде расширения предложения рабочей силы, например, в сельской и городской местности Никольского района, в городской местности Шекснинского района, в сельской местности городского округа Вологда, Вологодского, Бабушкинского округов и Вытегорского района. Однако отмечаемый в некоторых из этих муниципалитетов миграционный отток «перечеркивает» преимущества возрастной структуры, поскольку «вымывает» с этих территорий молодое и трудоспособное население.

Пространственные трансформации городского и сельского расселения неизбежно приводят к изменениям в демографической ситуации в регионе и его муниципалитетах – к миграционной убыли с территорий-доноров и миграционному притоку на территории-акцепторы, трансформации возрастного состава населения, изменению характеристик воспроизводства. Возникающие социально-демографические диспропорции влекут за собой снижение трудового потенциала малых городов и малых сельских поселений, концентрацию трудовых ресурсов в крупных населенных пунктах. В результате этого усиливается внутрорегиональное социально-экономическое неравенство, положение населения периферии становится уязви-

мым как в части доступности социальных объектов и цифровых технологий, так и в части реализации возможностей на рынке труда.

3.3. Основные векторы развития рынка труда

Для анализа ситуации на региональном рынке труда существует большое количество показателей, характеризующих занятость и безработицу, заработную плату работников, потребность в кадрах и т.д. Однако на муниципальном уровне возможности официальной статистики весьма ограничены, в результате чего многие исследователи расширяют информационную базу исследования, в т.ч. посредством социологических методов. В этой связи в данном параграфе мы затронем только внешнюю сторону рынка труда Вологодской области и выделим основные тенденции его развития, а уже в следующей главе более детально погрузимся в пространственную специфику трансформации занятости по оси «центр–периферия».

Как показывает практика, рынок труда в России характеризуется достаточно высокой гибкостью и устойчивостью к вызовам различного рода. Ярким примером последних лет выступает адаптация отечественного рынка труда к последствиям пандемии коронавируса и введения санкционных ограничений [Капелюшников, 2022; Былков, 2022]. Несмотря на некоторый рост уровня общей и регистрируемой безработицы в 2020 г., уже в следующем году ситуация стабилизировалась и показатели достигли прежних значений. В региональном и муниципальном разрезе наблюдаются схожие тенденции, однако территориальная дифференциация рынков труда сохраняется и различия устойчивы [Гимпельсон, Капелюшников, Роцин, 2017: 137–140]. В Вологодской области, как типичном субъекте РФ, ситуация остается довольно стабильной, хотя на уровне муниципалитетов текущее положение вещей заметно меняется.

Несмотря на кризисы последних десятилетий, уровень общей безработицы в регионе не поднимался выше 9%, а в период активных коронавирусных ограничений был еще ниже (рис. 3.14). С началом специальной военной операции безработица достигла абсолютного минимума в истории современной России – 3,4% за 2022 г. (3,9% по стране в целом). Причины этого кроются не только в поддержании стабильности национальной экономики в условиях беспрецедентного санкционного давления, но и в уже ставшей хронической проблеме нехватки кадров. Не случайно относительно низкий уровень безработицы выступает отличительной чертой российского рынка труда [Капелюшников, 2009].

Рисунок 3.14. **Уровень общей безработицы в Вологодской области, %**

Источник: данные Росстата.

Не претерпевает серьезных изменений в регионе и уровень регистрируемой безработицы (рис. 3.15). Исключение составляет 2020 год, когда значения показателя продемонстрировали рост до 4,5% (3,2% в среднем по РФ), что обусловлено не только снижением деловой активности вследствие введения ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением коронавирусной инфекции, но и упрощением доступа к пособию и повышением его размера до величины МРОТ [Плаксина и др., 2021]. В дальнейшем ситуация стабилизировалась на прежнем уровне.

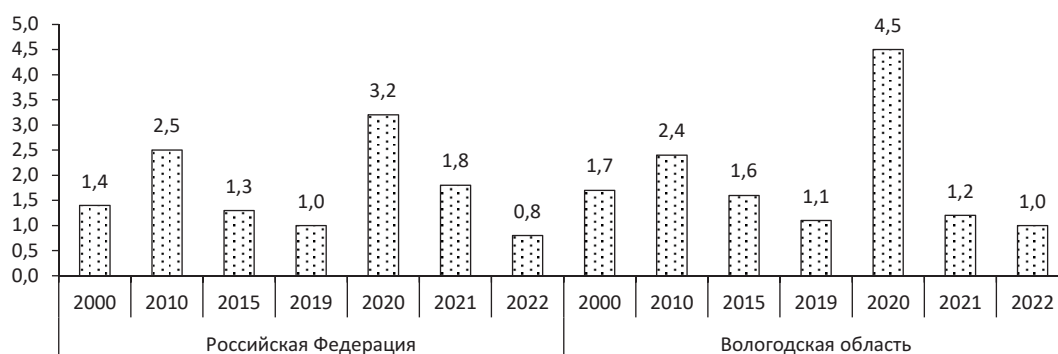

Рисунок 3.15. **Уровень регистрируемой безработицы в Вологодской области в 2000–2022 гг., %**

Источник: данные Росстата.

Различия в уровне регистрируемой безработицы между муниципальными образованиями Вологодской области не существенны, хотя найти работу на периферии бывает куда сложнее, чем в крупном городе [Попов, 2023]. Так, по итогам 2022 г. значения показателя варьировались от 0,5% в Вологодском до 2,1% в Устюженском округе (рис. 3.16). Причины выравнивания безработицы в территориальном разрезе могут быть связаны как с поступательным сокращением численности сельского населения, так и с его более активной позицией в поиске работы. При этом нельзя не отметить, что качество вакансий, предлагаемых службой занятости, как правило, невысокое, а самостоятельный поиск работы позволяет трудоустроиться на более высокие позиции [Гильтман и др., 2022: 210].

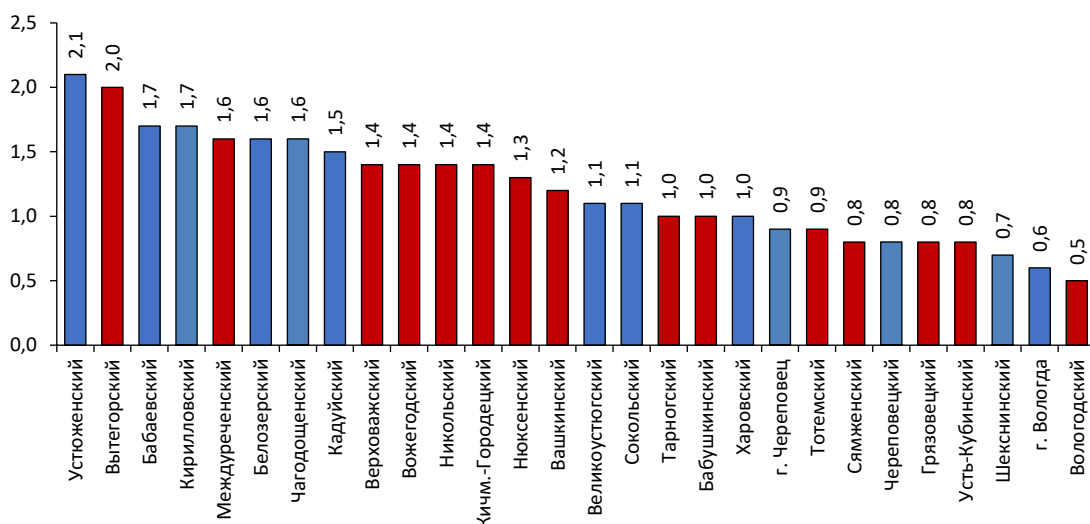

Рисунок 3.16. **Уровень регистрируемой безработицы в муниципальных образованиях Вологодской области, 2022 г., %**

Примечание. Красным и синим цветом обозначены территории с преобладанием сельского и городского населения соответственно.

Источник: данные Вологдастата.

На фоне стабильно низкого уровня безработицы увеличивается доля работников неформального сектора (рис. 3.17). В период 2001–2021 гг. на территории Вологодской области произошло увеличение значений показателя с 14,1 до 25,5%, которые вплотную приблизились к максимуму 2016 г. (26,8%). Аналогичный тренд мы видим и на общероссийском уровне. В 2022 г. масштабы некорпоративного сектора экономики несколько сократились. Эксперты связывают это с перераспределением работников между

различными секторами рынка труда, снижением платежеспособного спроса населения и потребности работодателей в «серых» кадрах, оттоком трудовых мигрантов⁴⁷ и т.д.

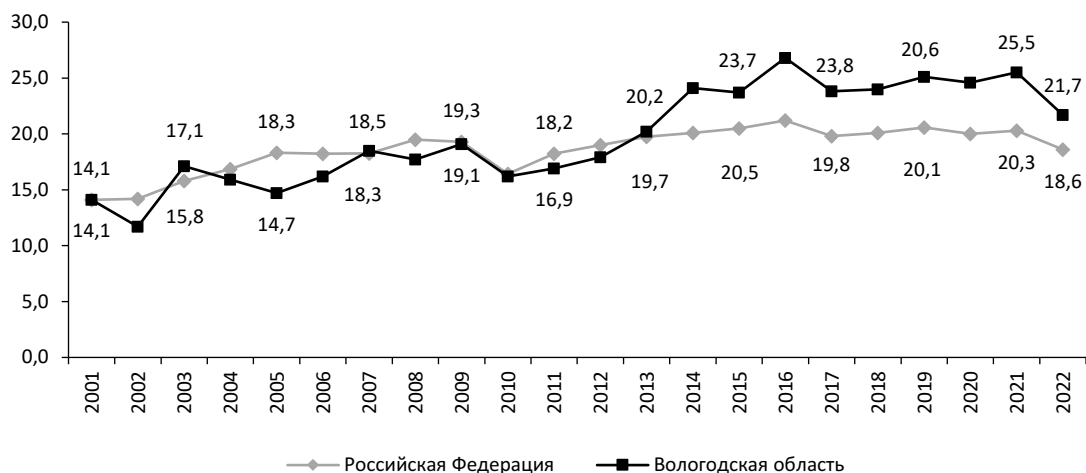

Рисунок 3.17. **Удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых в 2000–2022 гг., %**

Источник: данные Росстата.

Распространенность занятости в неформальном секторе не позволяет однозначно утверждать о развитии «теневого» рынка труда, однако сами по себе такие практики являются менее устойчивыми по сравнению со стандартной моделью занятости. Как правило, несколько чаще к ним прибегают мужчины⁴⁸, что может быть объяснено как отраслевой структурой занятости (в т.ч. по формам собственности), так и большим их тяготением к рискованной, но высокооплачиваемой работе [Шабунова и др., 2017]. Впрочем, данные аспекты во многом взаимно обуславливают друг друга. Как бы то ни было, на территории Вологодской области предпринимаются активные действия по борьбе с неформальной занятостью (выявление фактов нарушения трудового законодательства и устранение нарушений, проведение профилактических мероприятий, мониторинг общей ситуации и др.). В частности, только с начала 2023 г. более 42 тыс. вологжан из числа индивидуальных предпринимателей, самозанятых, работников крестьян-

⁴⁷ В России резко сократилась занятость в неформальном секторе // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2022/632989989a79471c92e0fd96>

⁴⁸ Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx

ско-фермерских хозяйств и т.д. легализовали свои доходы⁴⁹. Этому способствует также и введение в 2020 г. специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», облегчающего осуществление хозяйственной деятельности для самозанятых граждан.

Под влиянием демографических процессов происходит сокращение численности населения России в трудоспособном возрасте (табл. 3.7). И если на федеральном уровне потери трудовых ресурсов в размере 4 млн чел. компенсируются притоком иностранных мигрантов и вовлечением в трудовую деятельность граждан старших возрастов (2,4 и 2,7 млн чел. соответственно), то в Вологодской области замещающие процессы выражены слабо. В результате за последние 20 лет совокупный объем «живого труда» в регионе уменьшился с 800,3 до 657,3 тыс. чел. или на 18%.

Таблица 3.7. Среднегодовая численность и структура трудовых ресурсов, 2000 и 2021 гг.

Показатель	Российская Федерация		Вологодская область	
	2000 г.	2021 г.	2000 г.	2021 г.
<i>Тысяч человек</i>				
Всего	89532,3	90520,4	800,3	657,3
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте	84260,5	80240,1	759,8	604,5
Иностранные трудовые мигранты	701,7	3126,8	1,5	10,3
Лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике, в т.ч.:	4570,1	7153,5	40,5	42,5
- лица старше трудоспособного возраста	4450,4	7119,5	40,0	42,2
- подростки	119,7	34,0	0,5	0,2
<i>В процентах</i>				
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте	94,1	88,6	94,9	92,0
Иностранные трудовые мигранты	0,8	3,5	0,2	1,6
Лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике, в т.ч.:	5,1	7,9	5,1	6,5
- лица старше трудоспособного возраста	5,0	7,9	5,0	6,4
- подростки	0,1	0,0	0,1	0,0
Источник: данные Росстата.				

Для анализа ситуации на муниципальном уровне обратимся к динамике среднесписочной численности работников по полному кругу организаций за аналогичный период (рис. 3.18). Полученные данные свидетельствуют о снижении значений показателя на всей территории Вологодской

⁴⁹ В рамках работы, проводимой Правительством Вологодской области по снижению теневой занятости, с начала года легализованы доходы в отношении более 42 тысяч человек // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/v_ramkakh_raboty_provodimoy_pravitelstvom_vologodskoy_oblasti_po_snizheniyu_tenevoy_zanyatosti_s_nachala_goda_legalizovany_dokhody_v_otnoshenii_bolee_42_tysyach_chelovek/

области без исключений: от -3,8% в г. Вологде до -63,6% в Череповецком районе. Здесь важно подчеркнуть, что в зоне *особого риска оказались именно сельские территории, лишившиеся более половины среднесписочной численности работников*. В абсолютном выражении наибольшие потери характерны для г. Череповца (-31,8 тыс. чел.), а также Великоустюгского (-11,7 тыс. чел.) и Сокольского (-10,8 тыс. чел.) округов.

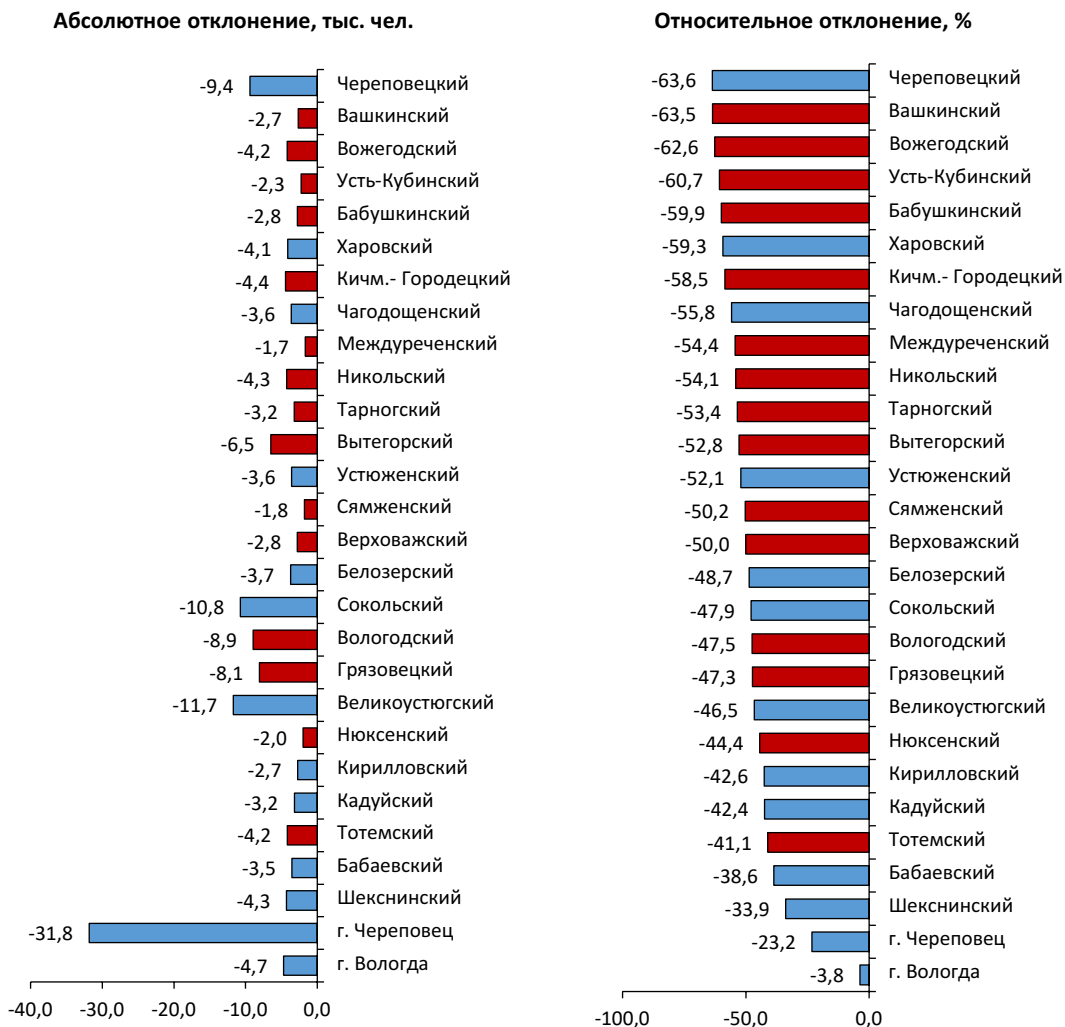

Рисунок 3.18. **Динамика среднесписочной численности работников по полному кругу организаций в муниципальных образованиях Вологодской области в 2000–2021 гг.**

Примечание. Красным и синим цветом обозначены территории с преобладанием сельского и городского населения соответственно; в связи с отсутствием данных по муниципальным образованиям с 2017 г. расчет недостающих значений осуществлялся следующим образом: 1) нахождение доли каждой территории в общей численности работников в регионе в 2016 г.; 2) расчет недостающих значений на основе известных данных о среднесписочной численности работников по региону в целом.

Источник: данные Вологдастата.

Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в современной России имеет несколько ярко выраженных стадий: 1) заметный рост в начале и середине 2000-х гг.; 2) стагнация под влиянием глобального финансового кризиса 2008 г. и дальнейший рост; 3) падение в 2014–2015 гг. после введения странами Запада первичных санкций и последующее восстановление; 4) очередной этап стагнации на фоне последствий пандемии COVID-19 и усиления санкционного давления (рис. 3.19). И хотя за это время реальный размер заработка вологжан увеличился более чем в 3 раза, с 2013 г. совокупный рост составил всего 13,9%. На протяжении последних лет ситуация практически не меняется и значения показателя «застыли» в коридоре 51–53 тыс. рублей. Однако несколько иную картину дает показатель медианной заработной платы, который демонстрирует не только отрицательную динамику с начала пандемии, но и меньшие значения в целом (44,9 тыс. руб. в 2019 г. против 39,0 тыс. руб. в 2021 г.) [Попов, 2023].

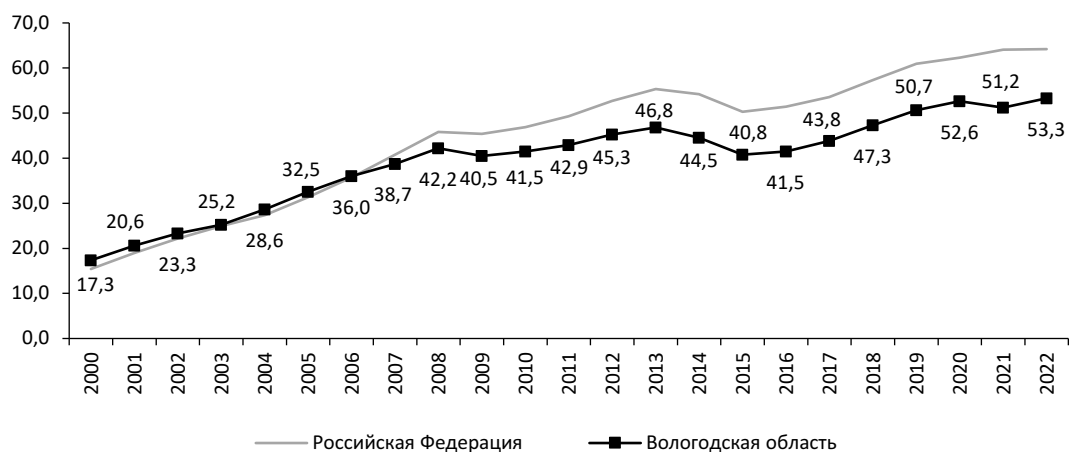

Рисунок 3.19. **Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (в сопоставимых ценах 2022 г.) в 2000–2022 гг., тыс. руб.**

Источник: данные Росстата.

Уровень оплаты труда в муниципальных образованиях Вологодской области имеет существенные различия, которые достигают почти двух раз (рис. 3.20). По состоянию на 2022 г. максимальный размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы был отмечен в Череповце (70,2 тыс. руб.), а минимальный – в Никольском районе (37,2 тыс. руб.). В территориальном разрезе достаточно сложно выявить какие-либо закономерности. Впрочем, среди 10 районов-аутсайдеров шесть являются пре-

имущественно сельскими, если посмотреть на долю городского населения. Данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2022 г. показывают, что различия в средних зарплатах городского и сельского населения составляют порядка 11,9 тыс. рублей (35,7 тыс. руб. против 23,8 тыс. руб.).

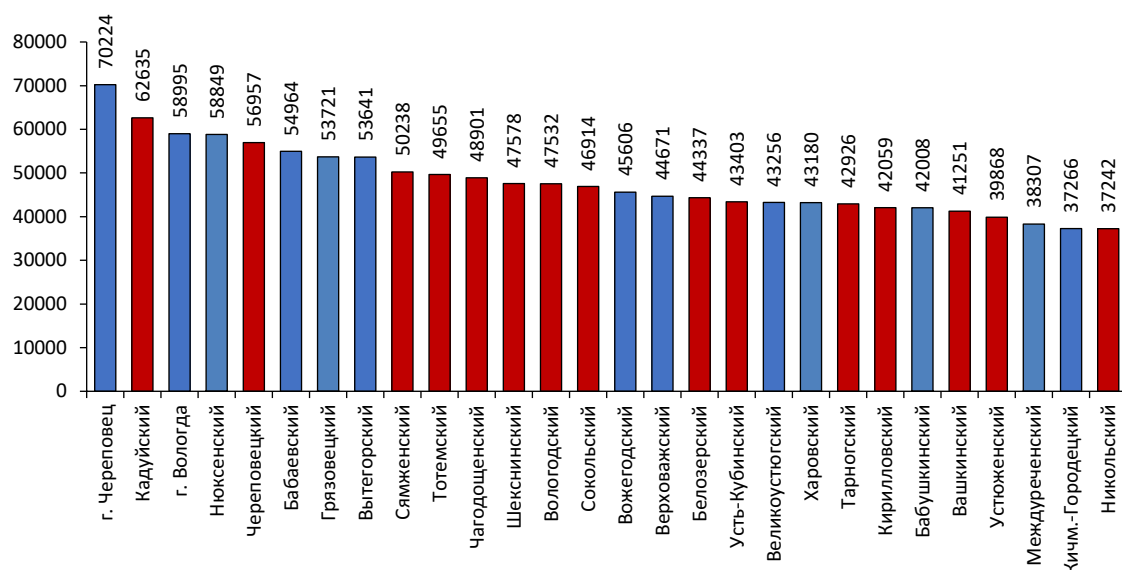

Рисунок 3.20. **Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в муниципальных образованиях Вологодской области, 2022 г., руб.**

Примечание. Красным и синим цветом обозначены территории с преобладанием сельского и городского населения соответственно.

Источник: данные Вологдастата.

Согласно полученным данным, пространственный аспект играет заметную роль в развитии регионального рынка труда. Одним из перспективных направлений при этом является формирование агломераций, способствующих взаимовыгодному использованию трудовых ресурсов, что в условиях сокращения численности населения и изменения его возрастной структуры позитивно отражается на кадровой обеспеченности отраслей экономики [Попов, 2018: 10]. На территории Вологодской области формируются две моноцентрические агломерации с центрами в городах Вологде и Череповце, которые стягивают население и ресурсы с периферийных территорий региона. Население интенсивно концентрируется и в муниципалитетах, входящих в агломерационную зону [Короленко, 2023b: 132]. Более развитой при этом является Череповецкая агломерация, кото-

рая превалирует по объему отгрузки товаров и инвестиций, уровню жизни населения [Ворошилов, 2021: 61-65]. Ее «болевые точки» – относительно высокая смертность населения, невысокий уровень развития торговли и бюджетные проблемы. В то время как Вологодская агломерация отстает по показателям инвестиций, бюджетных доходов и уровня жизни. Специализацией первой агломерации выступает промышленное производство, второй – сельское хозяйство и торговля.

Одним из векторов пространственной модернизации, напрямую связанным с развитием агломерационных процессов, по мнению специалистов, является повышение мобильности населения [Зубаревич, 2017b: 55-57]. Пространственная трудовая мобильность имеет большое значение в процессах перераспределения рабочей силы, смягчая напряженность на региональных и муниципальных рынках труда. Для работников она служит также способом адаптироваться к кризисным явлениям и поддержать приемлемый уровень жизни. Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. свидетельствуют о том, что порядка 85% занятого населения Вологодской области работает в населенном пункте своего проживания и 95% – на территории региона проживания (табл. 3.8). Доля работающих в другом субъекте РФ или другой стране невелика и составляет менее 1,5%.

Таблица 3.8. **Занятое население Вологодской области в зависимости от места нахождения работы**

Место нахождения работы	Всего, чел.	Указавшие статус занятости	
		чел.	%
Всего	386 750	375 953	100,0
В том числе работающие:			
- на территории своего субъекта	367 761	365 930	97,3
из них на территории своего населенного пункта	328 725	327 041	87,0
- на территории другого субъекта	5 099	5 080	1,4
- на территории иностранного государства	98	97	0,0
- не указавшие территорию нахождения места работы	13 792	4 846	1,3
Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Росстат. URL: https://35.rosstat.gov.ru/folder/58468			

Данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области подтверждают результаты переписи: большинство населения региона работает там же, где и проживает [Соловьева, 2023: 72]. При этом в городах представительство таких жителей на 11 п.п. выше. Таким образом, воложане, проживающие в сельской местности, являются более

мобильными в плане поиска работы за пределами своего населенного пункта. С одной стороны, это может быть связано с отсутствием работы, отвечающей их требованиям, по месту жительства, неудовлетворительным состоянием социальной инфраструктуры. С другой стороны, переезд на постоянной основе может быть затруднительным в силу высокой стоимости жилья по месту работы и значительных затрат на миграцию для населения, имеющего семью.

Готовность к переезду в другой населенный пункт с более привлекательными условиями труда, демонстрирует четверть вологжан, однако на практике переезд осуществляется лишь 3–6% населения (рис. 3.21). Это подтверждается и данными статистики, согласно которым переезд в связи с работой не служит ключевым поводом для смены места жительства: данная причина характерна для 5–10% населения области (для сравнения: возвращение после временного отсутствия – 25–37%; личные семейные мотивы – 33–35%; учеба – 6–10%)⁵⁰. Основными факторами, определяющими возможность трудовой миграции, для жителей региона являются уровень оплаты труда, возможность регулярно возвращаться домой и предоставление социальных гарантий по месту работы.

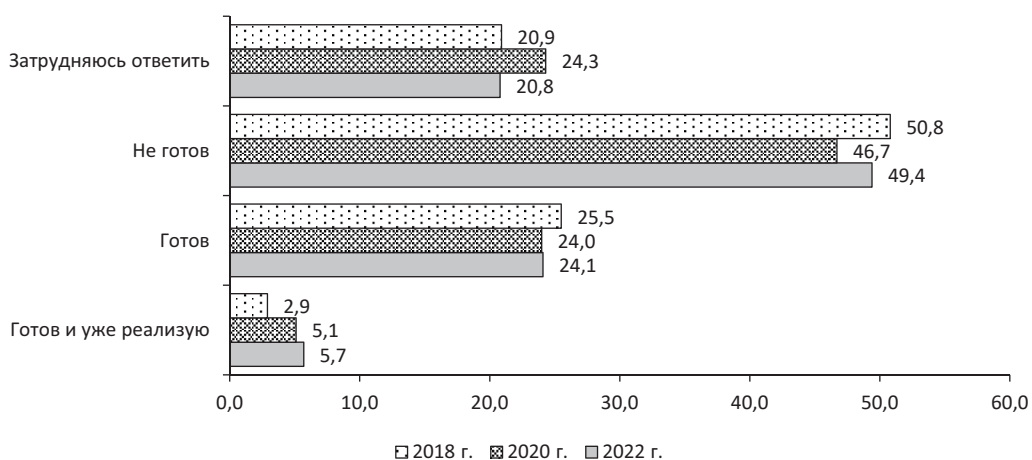

Рисунок 3.21. **Готовность вологжан к переезду в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда, 2018–2022 гг., %**

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.

⁵⁰ Демографический ежегодник Вологодской области. 2018–2021 гг. Вологда: Вологдастат, 2019–2022 гг. С. 82–93.

Вместе с тем моделирование с применением алгоритма «случайный лес»⁵¹ показало, что ключевым фактором, оказывающим влияние на готовность переехать в другой населенный пункт, является неполная занятость (рис. 3.22). За ней идут привычные социально-демографические характеристики (возраст, среднемесячный доход и наличие высшего образования). Углубление полученных результатов, в т.ч. прогнозирование поведенческих стратегий населения, будет осуществлено в дальнейших исследованиях.

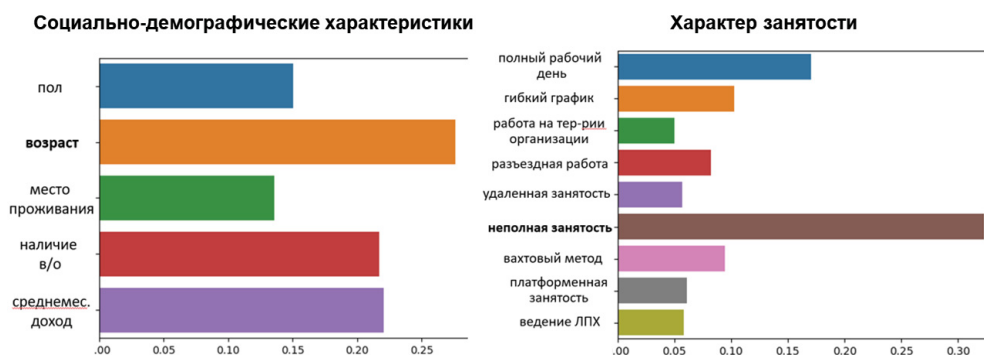

Рисунок 3.22. Оценка важности факторов, оказывающих влияние на миграционные настроения, по алгоритму случайного леса, 2022 г.

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.

Таким образом, из данных проведенного нами анализа следует, что динамика качества занятости в Вологодской области имеет положительный тренд, хотя и сопряжена с рядом нерешенных проблем, которые не только носят «застойный» характер, но и становятся все более заметными в кризисных условиях последних лет. С одной стороны, несмотря на давление макроэкономических факторов, региональный рынок труда является достаточно устойчивым. В частности, серьезного всплеска безработицы не произошло даже в период первых волн пандемии коронавируса COVID-19. Впоследствии всё быстро нормализовалось, и в 2022 г. безработица достигла минимальных отметок в истории современной России.

⁵¹ Все действия осуществлялись в среде Python на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2022 год. Алгоритм построения модели включал следующие этапы: 1) отбор и унификация переменных, устранение дисбалансов в классах; 2) разделение выборки с обучающим и целевым набором на тренировочную и тестовую; 3) подбор наилучших гиперпараметров для модели случайного леса; обучение модели на тренировочной выборке и апробация – на тестовой с применением процедуры кросс-валидации; оценка точности модели (accuracy score на тестовой выборке составил 0,82).

На этом фоне происходит рост неформального сектора экономики, которым охвачено до четверти населения. Как правило, мелкие хозяйственные единицы (в том числе самозанятые) функционируют в рамках действующего правового поля, однако чаще других подвержены рискам неопределенности, что негативно сказывается на качестве такой занятости.

На первый взгляд весьма позитивно выглядит и ситуация с материальным благополучием населения. В период 2005–2022 гг. на Вологодчине произошел трехкратный рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников (в сопоставимых ценах). Вместе с тем тенденции последних лет свидетельствуют о том, что долгосрочные и даже среднесрочные прогнозы трудно назвать оптимистичными. Это прослеживается как в динамике медианной заработной платы, так и в сохранении относительно высокого разрыва в средних заработках на муниципальном уровне, в т.ч. в разрезе городской и сельской местности.

В конечном счете в наиболее уязвимом положении находятся территории, периферийные по отношению к социально-экономическим центрам области, что провоцирует отток населения и усугубляет проблему дефицита кадров. Только за последние 20 лет в сельской местности произошло двукратное сокращение среднесписочной численности работников (например, на 53,4 и 54,1% в Тарногском округе и Никольском районе соответственно). Учитывая двукратный разрыв в заработной плате между муниципальными образованиями, можно сказать, что перспективы развития сферы занятости за пределами крупных городов носят весьма тревожный характер.

ГЛАВА 4

СПЕЦИФИКА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОДЕЛЬНОГО РЕГИОНА (ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) ПО ОСИ «ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ»

Глобальные трансформационные процессы приносят качественные изменения во все формы экономической и социальной деятельности. Скорость этих перемен стремительно возрастает, в результате чего современный мир становится все более неопределенным, сложным, нестабильным, неоднозначным, хрупким, нелинейным⁵² и т.д. Данные тенденции проявляются не только на глобальном, но и на национальном, региональном и локальном уровнях, где темпы адаптации экономики и общества к трансформациям существенно различаются. Это приводит к усилению пространственной неравномерности развития, прежде всего межрегиональной. В России проблемам региональной дифференциации уделяется значительное внимание со стороны как управленческого⁵³, так и академического сообществ [Коломак, 2010; Локосов и др., 2015]. Не менее значим внутрирегиональный уровень, где различия могут быть еще более заметными. И хотя на практике акценты чаще смещаются в сторону регионов, поскольку муниципальная статистика весьма скудна и не всегда адекватна

⁵² Данная тенденция нашла отражение в появлении концепций VUCA- и BANI-мира, подчеркивающих трудности прогнозирования и долгосрочного планирования развития событий, а также необходимость постоянной адаптации человека к происходящим изменениям [Костенко, 2022: 96-97; Holley et al., 2022].

⁵³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распор. Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463>; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>

[Зубаревич, 2019: 58], приближенность локальных социально-экономических процессов к населению только повышает востребованность подобного рода исследований.

В данном контексте важная роль отводится вопросам занятости, которые не только имеют региональную специфику, но и подвержены всем современным трендам, в числе которых старение населения, цифровизация экономики или глобализация⁵⁴. С одной стороны, возникают все новые возможности для осуществления трудовой деятельности, а с другой – множатся риски, связанные с поиском достойной работы и профессиональным становлением в целом. Территориальный фактор играет здесь далеко не последнюю роль. Так, сельская местность в силу удаленности от ресурсов, технологий и населения традиционно характеризуется менее благоприятными условиями для занятости, а также весьма ограниченным количеством вакантных предложений⁵⁵. Это касается и других населенных пунктов, лишенных влияния крупных городов. В результате проблема сжатия освоенного пространства и поляризации системы расселения становится все более актуальной [Короленко, 2023а], что требует поиска источников притяжения населения и, как следствие, изучения особенностей занятости в зависимости от близости места проживания к региональным центрам.

Обозначенный ракурс исследования довольно редко встречается в отечественной научной литературе: как правило, основной водораздел проводится между городом и селом, либо в центре внимания находятся населенные пункты определенного размера / свойства (например, моногорода). Этим объясняется фрагментарность знаний о занятости населения локальных территорий, объединенных общим региональным контекстом, что затрудняет представления об их дальнейшем развитии. Восполнение пробелов в этой области позволит внести ясность в пространственные аспекты развития социально-трудовых отношений в России. В свою очередь в зарубежной науке гораздо больше исследований, проливающих свет на эффекты экономики агломераций для занятости населения, однако и там субъективные оценки жителей зачастую уходят на второй план [Dauth, 2013; Baumont et al., 2014].

⁵⁴ The Future of Work: OECD Employment Outlook 2019 // OECD. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf>

⁵⁵ Содействие занятости в сельских районах в целях сокращения масштабов бедности // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_092198.pdf

В рамках монографии анализ сосредоточивается на ситуации в Вологодской области, что обусловлено не только наличием обширного эмпирического материала для детального изучения тенденций социально-экономического развития региона, но и его типичностью как субъекта РФ, обеспечивающей схожесть наблюдаемых процессов со всероссийской динамикой [Горшков, Ильин, 2015: 129]. Кроме того, сужение исследовательского фокуса до конкретной территории способствует более глубокому погружению в специфику занятости по оси «центр-периферия».

Для анализа ситуации на муниципальном уровне мы воспользовались агломерационным подходом, зарекомендовавшим себя в качестве широко обсуждаемого способа построения опорного каркаса территориальной организации пространства в России. Так, Вологодская область имеет два ярко выраженных полюса развития: г. Вологда как административная столица региона и г. Череповец как индустриальный центр. Вокруг этих точек происходит формирование двух моноцентрических городских агломераций, в которых концентрируются население и производственная деятельность [Ворошилов, 2021: 64]. Соответственно при удалении от них социально-экономическая и иная активность снижается, что оказывает существенное воздействие на занятость населения.

В рамках исследования, принимая в расчет агломерационные процессы и специфику проведения *массового и экспертного опросов*, о которых будет сказано далее, мы выделили четыре группы муниципальных образований по оси «центр–периферия» (рис. 4.1). *Первая группа* включает крупные города Вологодской области (Вологда и Череповец), являющиеся ядрами формирующихся агломераций. *Ко второй группе* были отнесены муниципальные образования, непосредственно входящие в агломерационную зону, *в третью* – имеющие общую границу с агломерационной зоной или расположенные от нее через одно муниципальное образование (соседи I и II порядка), *в четвертую* – находящиеся на периферии региона, наиболее удаленные от ядер (соседи III и IV порядка).

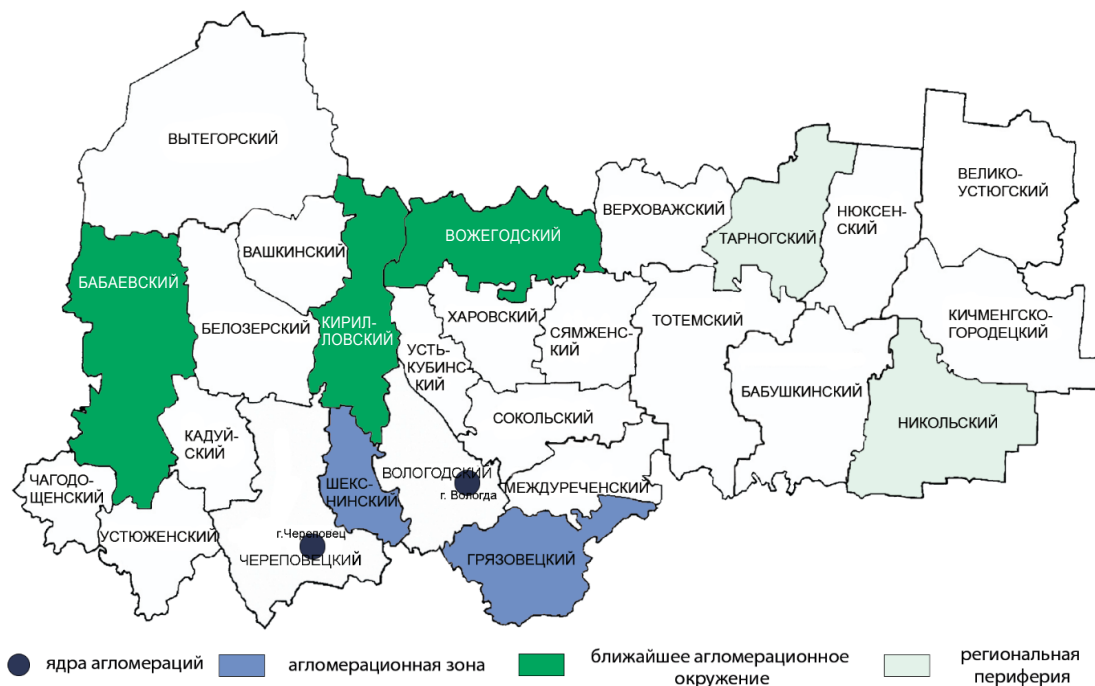

Рисунок 4.1. Карта территориального охвата исследования

Примечание. При проведении углубленных интервью с главами сельских и городских поселений нами также затронута территория Великоустюгского муниципального округа в силу возникновения сложностей на этапе сбора первичной информации.

Источник: составлено авторами.

Вместе с тем важно понимать, что за пределами крупных городов и агломерационной зоны наблюдаются схожие процессы агломерирования, когда население и производство сосредотачиваются в его центральном поселении (малом городе, поселке городского типа, селе), а территория становится все менее «сельской» по своей сути [Катанандов и др., 2021: 13]. В этой связи помимо административного (г. Вологда) и экономического (г. Череповец) центров, стягивающих на себя финансовые, трудовые и иные ресурсы, большое значение в пространственном размещении населения и демографических процессах придается районным центрам. Именно поэтому в основе подхода к анализу данных углубленных интервью с главами сельских и городских поселений были выбраны критерии принадлежности к центрам муниципальных районов (округов) и расстояния до районных центров. Исходя из этого выделены три группы территорий: *районные центры*; *окружение районных центров (расстояние до райцентра до 50 км)*; *районная периферия (расстояние до райцентра 50 км и более)*.

Применение агломерационного подхода позволяет провести прямые параллели между перспективами занятости и близостью места проживания от регионального центра, что служит связующим звеном на пути к выявлению источников притяжения людей и формированию конкретных предложений по повышению привлекательности локальных территорий. В нашем случае это означает простор для изучения специфики занятости периферийных жителей, лучшего понимания трудовых стратегий населения, проживающего вблизи зон деловой активности и т.д. Кроме того, отпадает необходимость сплошного наблюдения за каждым муниципальным образованием по отдельности за счет укрупнения объекта исследования, что, впрочем, не отменяет важности такого анализа после выявления определенных закономерностей.

4.1. Взгляд населения на особенности своей занятости

Помимо официальной статистики, массовые опросы населения относятся к числу наиболее распространенных способов получения актуальной информации о социально-экономическом развитии территорий. Не стали исключением и вопросы занятости, изучение которых весьма затруднительно без учета общественного мнения. Особенно заметно это проявляется на муниципальном уровне, лишенном внимания традиционных обследований рабочей силы, в которых на первый план выдвигается региональный срез. В этом случае на помощь приходят инициативные социологические исследования.

В рамках нашего исследования использовались данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН с 1997 года. Объектом исследования выступают лица трудоспособного возраста, проживающие в городах Вологде и Череповце, а также в восьми муниципальных образованиях (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Всего опрашивается 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3–4%.

Очередной этап мониторинга (август–октябрь 2022 г.) позволил расширить представления о трудовой жизни населения в зависимости от места проживания за счет апробации нового инструментария исследования. Затрагивались и более ранние периоды, чтобы проследить за изменениями в характере занятости, произошедшими с момента обострения внешних вызовов (2020 г. – пандемия коронавируса, 2022 г. – специальная военная операция). В этом плане 2018 год рассматривался нами в качестве времени относительной стабильности. Поскольку опрос проводится один раз в два года, всего использовались 3 волны мониторинга (2018, 2020 и 2022 гг.), при этом основное внимание уделялось именно последней. Распределение наблюдений по оси «центр–периферия» представлено в *таблице 4.1*.

Таблица 4.1. Распределение выборки массового опроса населения по группам муниципальных образований в соответствии с принятым подходом

Группировка муниципальных образований	Количество наблюдений (n)		
	2018 г.	2020 г.	2022 г.
<i>Ядра агломераций</i> (гг. Вологда и Череповец)	821	834	847
<i>Агломерационная зона</i> (Шекснинский район и Грязовецкий округ)	228	229	225
<i>Ближнее агломерационное окружение</i> (Бабаевский и Вожегодский округа, Кирилловский район)	161	153	151
<i>Региональная периферия</i> (Тарногский округ и Никольский район)	107	102	98
Источник: составлено авторами с использованием данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.			

Особенности занятости в разрезе «центр–периферия». Данные регионального мониторинга подтверждают тезис об устойчивости положения работников, что выражается в преобладании признаков стандартной модели занятости (*табл. 4.2*). Большинство населения имеет только основную работу, причем по линии «центр–периферия» доля таковых лишь возрастает: с 80 до 92%. Это может быть связано с тем, что при удалении от крупных центров региона возможности локальных рынков труда по обеспечению спроса на дополнительную постоянную занятость существенно сокращаются.

Таблица 4.2. **Распространенность отдельных признаков стандартной занятости в разрезе «центр–периферия», %**

Группировка МО	2018 г.	2020 г.	2022 г.	Группировка МО	2018 г.	2020 г.	2022 г.
<i>Работа только на основной работе</i>				<i>Работа полный рабочий день</i>			
Ядра агломераций	75,2	57,6	79,8	Ядра агломераций	-	54,8	78,3
Агломерационная зона	90,6	63,3	86,2	Агломерационная зона	-	62,9	89,1
Ближнее агломерационное окружение	81,3	69,3	84,7	Ближнее агломерационное окружение	-	61,4	75,4
Региональная периферия	75,0	72,5	92,3	Региональная периферия	-	56,9	84,6
<i>Постоянная (регулярная) занятость</i>				<i>Наличие бессрочного трудового договора</i>			
Ядра агломераций	-	87,4	93,5	Ядра агломераций	59,6	68,3	69,9
Агломерационная зона	-	98,2	92,5	Агломерационная зона	87,7	76,2	82,2
Ближнее агломерационное окружение	-	84,1	92,4	Ближнее агломерационное окружение	67,2	54,0	72,0
Региональная периферия	-	75,9	91,0	Региональная периферия	63,1	64,6	70,5
Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 г.							

Повсеместно распространены постоянная (регулярная) занятость и использование бессрочных трудовых договоров, а работа неполный рабочий день на практике встречается редко. По большей части это объясняется тем, что решение работать временно или периодически принимается в основном в связи с необходимостью высвобождения времени для личных нужд или невозможностью устроиться на постоянную работу⁵⁶. Что касается динамики, то в целом по всем показателям наблюдаются позитивные изменения с существенным спадом в период пандемии. В данном случае выделяется зона региональной периферии, где значительного снижения не произошло.

Исходя из этого, можно заключить, что нестабильность последних лет и внутрирегиональные диспропорции не оказывают серьезного влияния на рынок труда, довольно быстро адаптирующийся к внешним шокам. Однако эпидемиологический фактор вынудил многих людей находить дополнительные возможности для заработка, особенно там, где для этого есть благоприятные локальные условия (крупные города и зона агломерации). Помимо этого, несмотря на относительную стабильность занятости, при детальном погружении раскрываются более глубокие проблемы, определяющие перспективы трудовой и повседневной жизни по оси «центр–периферия».

⁵⁶ Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика // ВНИИ Труда Минтруда России. URL: <https://vcot.info/blog/nestandartnaa-zanatost-v-sovremennoj-rossii-vidy-masstaby-dinamika>

Сама по себе удаленность от крупных развитых центров уже является причиной ухудшения отношения населения к месту своего проживания, поскольку здесь зачастую имеют место быть неразвитость социальной инфраструктуры и снижение возможностей для культурного отдыха и досуга, на что обращают внимание жители периферии и ближайшего агломерационного окружения (рис. 4.2).

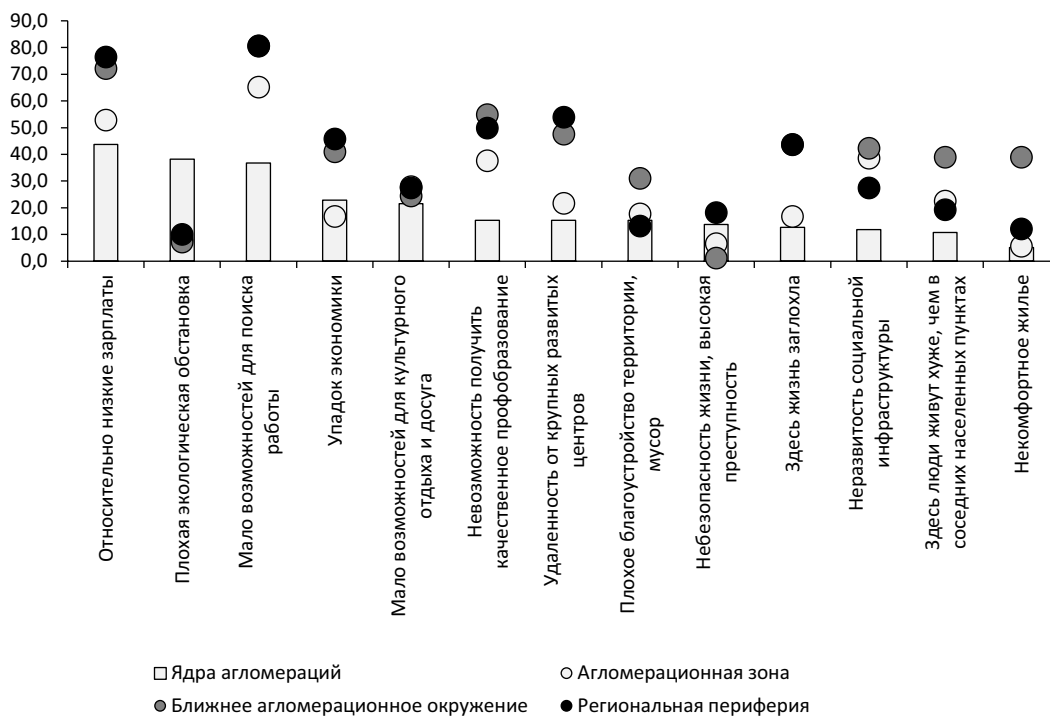

Рисунок 4.2. Распределение ответов респондентов о непривлекательных чертах места проживания в зависимости от его удаленности от агломерационных центров Вологодской области, 2022 г., %

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолнЦ РАН, 2022 г.

В то же время одними из ключевых факторов, формирующих привлекательность территории, выступают отсутствие возможностей поиска работы и получения качественного образования, низкий размер заработных плат. Более того, при движении от ядер агломерации к периферии значимость вопросов занятости заметно возрастает, что свидетельствует о серьезных ограничениях не только для профессиональной самореализации, но и обеспечения жизнедеятельности. Это подтверждается мнением почти половины жителей отдаленных районов, высказавшихся об упадке местной экономики и «угасании» жизни в целом в этих районах.

Возможности реализации профессиональных и жизненных планов в центр-периферийном измерении. Самореализация в трудовой деятельности, весьма значимая в жизни любого человека, зависит как от внутренних установок, так и от внешних условий. Одной из экзогенных причин, обуславливающих возможности профессиональной самореализации, является расположение места проживания, существенно влияющее на конъюнктуру рынка труда, шансы на повышение уровня образования и квалификации, карьерные планы [Fernandez, Su, 2004] и т.д.

Концентрация социально-экономических ресурсов в крупных городах приводит к тому, что за пределами агломераций население достаточно низко оценивает свои профессиональные перспективы (табл. 4.3). Это касается востребованности и самореализации в профессии, повышения квалификации, достойной оплаты труда и карьерного роста. Примечательно, что жители периферии позитивнее смотрят в будущее, чем представители ближайшего агломерационного окружения, что может быть связано с относительной неоднородностью входящих в эти группы территорий с точки зрения степени урбанизации и обеспечения возможностей для саморазвития. Тем не менее сложившаяся ситуация может служить поводом для переезда из отдаленных районов ближе к региональным центрам в поисках более благоприятных условий, поскольку субъективное восприятие работы выступает ключевым фактором удовлетворенности жизнью на селе [Сарайкин и др., 2023: 90-91].

Таблица 4.3. **Самооценки населением Вологодской области собственных профессиональных перспектив, 2022 г., %**

Вариант ответа	Ядра агломераций	Агломерационная зона	Ближнее агломерационное окружение	Региональная периферия
Востребованность в профессии	69,4	60,0	30,5	39,8
Повышение профессиональной квалификации	54,7	48,0	14,6	37,8
Самореализация в профессии	52,4	44,9	16,6	33,7
Достойная оплата труда	50,4	53,3	11,3	36,7
Карьерный рост	42,4	46,7	7,9	34,7
Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.				

Кроме того, в России само по себе проживание в сельской местности «способствует» повышению риска попадания в состояние хронической низкооплачиваемой занятости [Гимпельсон и др., 2018: 506-507]. Малые города по отношению к крупным также находятся в менее благоприятном положении. В результате этого разрыв в уровне среднемесячной заработной платы и среднедушевого дохода между ядрами агломераций и отдаленными от них территориями довольно велик и составляет 1,7–1,8 и 1,5–1,9 раза соответственно (рис. 4.3). Ситуация существенно не изменилась и в кризисные годы, поскольку темпы роста значений показателей также заметно ниже за пределами крупных городов. Хотя материальное благополучие жителей агломерационной зоны не сильно отличается от положения тех, кто проживает на периферии, они демонстрируют большую уверенность в собственных профессиональных перспективах.

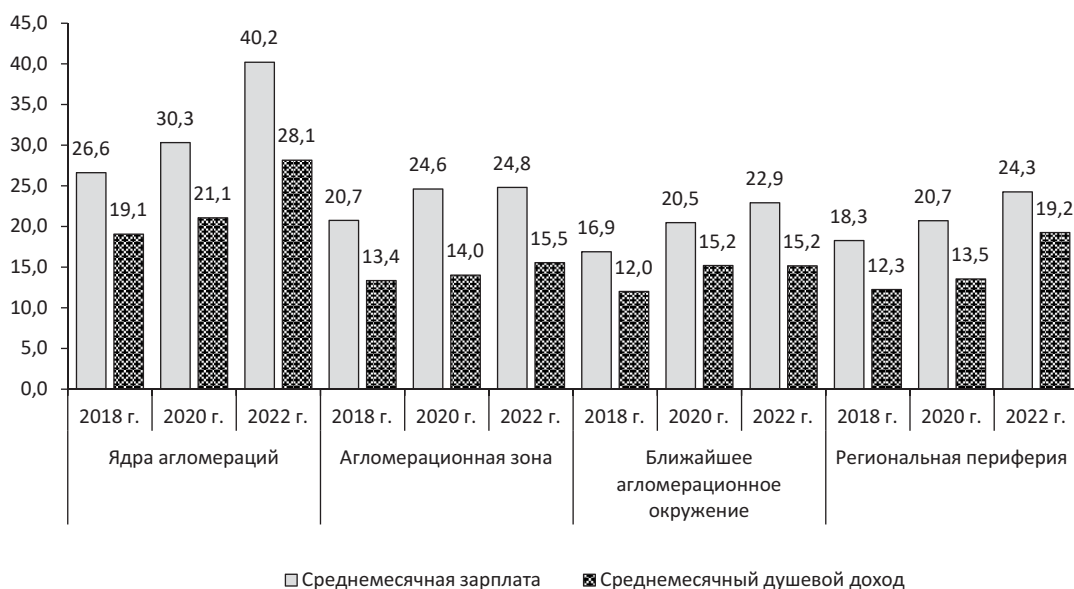

Рисунок 4.3. **Среднемесячная заработная плата и душевой доход населения по оси «центр-периферия» в 2018–2022 г., тыс. руб.**

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 г.

На самооценку возможностей реализации трудового потенциала оказывает влияние и удовлетворенность трудом. В данном контексте практически по всем ее компонентам лидирует зона агломерации (табл. 4.4), что обусловлено кумулятивными преимуществами локального рынка труда

двух крупнейших городов региона (доля позитивных оценок стабильно превышает 50%). Таким образом, удовлетворенность трудовой жизнью в целом снижается в направлении «центр–периферия». И в том, и в другом случае исключение составляет только позиция в отношении деятельности профсоюзов, которые стремительно теряют свою популярность [Попов, Соловьева, 2023: 116]. Более высокие значения показателей на периферии по сравнению с ближайшим агломерационным окружением, возможно, обусловлены также тем, что уровень притязаний их жителей несколько ниже.

Таблица 4.4. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?» (варианты ответа «вполне удовлетворен(а)» и «скорее удовлетворен(а), чем нет»), 2022 г., %

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
Взаимоотношения в трудовом коллективе	79,3	82,8	56,8	61,5
Возможность сочетать трудовые и семейные / личные обязанности	75,7	76,4	54,2	56,4
Содержание выполняемой работы	75,4	70,7	47,5	59,0
Значимость организации для территории	73,2	72,4	43,2	47,4
Отношения с руководством организации	72,5	70,1	53,4	52,6
Техническая оснащенность рабочего места	69,8	78,7	44,1	65,4
Надежность Вашего положения в организации	69,5	73,0	39,0	47,4
Соответствие квалификации выполняемой работе	68,2	63,2	39,0	47,4
Безопасность труда	67,1	77,6	36,4	66,7
Соблюдение трудового законодательства в организации	63,8	73,0	33,9	53,8
Полнота социального пакета	60,7	64,9	26,3	52,6
Возможность проявления новаторства и изобретательства	58,5	51,1	11,9	42,3
Возможность обучения, повышения квалификации	57,3	58,0	14,4	44,9
Внедрение инноваций в рабочий процесс / на рабочем месте	57,0	64,4	10,2	46,2
Размер заработной платы	56,5	53,4	19,5	57,7
Возможность участия в принятии управленческих решений	55,1	54,6	28,0	42,3
Возможности для карьерного роста	53,4	55,7	12,7	42,3
Работа профсоюзной либо иной рабочей организации	42,4	47,7	21,2	43,6
Примечание: ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия. Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.				

По мнению жителей отдаленных районов, их возможности проявления новаторства и изобретательства, внедрения инноваций в рабочий процесс, техническая оснащенность рабочего места более ограничены, что в совокупности может сдерживать рост производительности труда. Ощутимый

разрыв наблюдается и по ряду компонентов, отражающих устойчивость положения работников (надежность положения в организации, соблюдение трудового законодательства, полнота социального пакета и др.), которые, по всей видимости, вынуждены мириться с окружающей действительностью из-за отсутствия иных альтернатив безработице.

Сложившиеся условия во многом заставляют людей адаптироваться к реалиям повседневности и предпринимать определенные действия по улучшению своего положения как в трудовой, так и в повседневной жизни. При этом в зависимости от места проживания степень выраженности этих намерений различна (табл. 4.5). Жители крупных городов и прилегающих к ним территорий демонстрируют большую готовность к освоению новых знаний и навыков, изучению и использованию новых технологий на работе, повышению квалификации. При удалении от них ее уровень заметно снижается. Однако в отношении стремления организовать собственное дело жители региональной периферии более активны, что, вероятно, обусловлено их готовностью брать инициативу на себя в условиях наличия высокой доли «плохих» рабочих мест и в целом проблем с поиском работы.

Таблица 4.5. **Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы готовы...?» (варианты ответа «готов и уже реализую» и «готов»), 2022 г., %**

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
<i>Трудовая жизнь</i>				
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	72,0	59,6	50,3	51,0
Стать высококлассным специалистом	68,2	52,9	47,7	49,0
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	64,8	61,8	47,0	33,7
Организовать собственное дело, семейный бизнес	39,9	34,2	30,5	45,9
<i>Повседневная жизнь</i>				
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	57,5	52,4	44,4	34,7
Изучить иностранный язык	36,0	24,4	28,5	25,5
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями	28,0	31,6	23,2	30,6
Заняться общественной деятельностью	24,1	30,2	34,4	24,5
Заняться политической деятельностью	18,5	22,7	24,5	23,5
Примечание: ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия. Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.				

В оценках повседневной жизни различия по линии «центр–периферия» не столь существенны, за исключением желания усвоить новые ценности и образцы поведения, характерные для современного образа жизни, что в первую очередь присуще населению городских агломераций. Наме­рение переехать в другой населенный пункт с более привлекательными условиями или заняться общественной и политической деятельностью не входит в круг первоочередных задач большинства жителей. И здесь возникает закономерный вопрос о том, почему миграционные настроения включают схожие показатели как в городских агломерациях, так и за их пределами. На текущем этапе исследования можно предположить, что взрослое население, несмотря на все бытовые трудности, остается преданным привычному для них укладу жизни и не спешит покидать родные места. Такая инертность в меньшей степени свойственна молодому поколению, отток которого – одна из ключевых причин поляризации регионального пространства.

Таким образом, на основе положений агломерационного подхода, получившего широкое признание как в науке, так и на практике, были рассмотрены специфика и перспективы занятости, плохо поддающиеся изучению в силу ограниченности муниципальной статистики. Подобного рода ракурс не является типичным для тематики социально-трудовых отношений, однако способствует лучшему пониманию процессов, происходящих на периферии, развитие которой сопряжено с множеством вызовов и противоречий.

Результаты анализа свидетельствуют об устойчивости регионального рынка труда, что, помимо конъюнктурных изменений, выражается в преобладании признаков стандартной модели занятости (полный рабочий день, наличие бессрочного трудового договора, отсутствие вторичной занятости и т.д.). В свою очередь обеспокоенность вызывает усиление барьеров, ограничивающих возможности осуществления трудовых и жизненных планов жителей отдаленных районов. Весьма закономерно, что вопросы занятости остаются ключевым фактором, определяющим привлекательность территорий, роль которого только возрастает при движении по оси «центр–периферия». Следствием этого являются центростремительная миграция населения и деградация трудового потенциала за пределами крупных городов. Это касается не только периферии, но и агломерационной зоны, а также ближайшего агломерационного окружения, которые, по сути, представляют собой «буферную» зону, или полупериферию, сочетающую черты обоих

полюсов. В первом случае наблюдается тяготение к ядрам агломераций, а во втором – превалирование периферийных признаков.

Необходимо отметить, что при некоторых ограничениях исследования (неполный охват районов области и трудности со сбором информации на отдаленных территориях, особенно сельских) [Лушникова, 2023: 131], полученные результаты красноречиво свидетельствуют об ухудшении восприятия населением перспектив занятости и о снижении готовности к изменениям в трудовой и повседневной жизни по оси «центр–периферия». О поиске более глубоких причин занятости и ее особенностях, сложившихся на локальных рынках труда, поговорим далее, представив результаты анализа данных экспертного опроса специалистов отделений занятости и углубленных интервью с главами городских и сельских поселений в Вологодской области.

4.2. Взгляд специалистов отделений занятости на развитие сферы занятости

В отечественной научной литературе не так много работ, посвященных специфике развития муниципальных образований, в частности, когда речь заходит о занятости населения. Этому «способствует» скудность официальной статистики, «восполнение» которой требует поиска дополнительных источников информации (проведение опросов и интервью, парсинг данных из социальных сетей и т.д.), что не всегда удается сделать из-за дороговизны или трудоемкости процесса. В этой связи локальные территории остаются привлекательным объектом для исследований, содержащим в себе множество острых вопросов, разрешение которых напрямую определяет возможность преодоления существующих диспропорций. Для выявления особенностей и перспектив развития сферы занятости на внутрирегиональном уровне мы воспользовались методом экспертного опроса и обратились к мнению представителей отделений занятости населения (ОЗН) на заданную тему.

Стоит отметить, что, несмотря на относительно небольшое количество опубликованных работ, экспертные опросы все чаще применяются в научных исследованиях⁵⁷. К ним прибегают для решения самых разных задач, будь то реформирование железнодорожного транспорта [Кибалов, 2018]

⁵⁷ Согласно данным научной электронной библиотеки eLibrary.Ru по состоянию на 29 мая 2023 г., ежегодное количество опубликованных работ, в ключевых словах которых содержится словосочетание «экспертный опрос», постоянно увеличивается (20 в 2010 г., 47 – в 2015 г., 115 – в 2020 г.).

или введение безусловного базового дохода [Бобков, Одинцова, 2021]. Полученные оценки позволяют собрать воедино ряд авторитетных точек зрения и на этой основе сформировать целостное видение изучаемого предмета. В этом плане специалисты отделений занятости выступают носителем ценной информации о тенденциях, наблюдающихся на муниципальных рынках труда. Однако найти исследования, отражающие позицию данной группы экспертов на этот счет, весьма затруднительно. Как правило, акцент делается на профилировании безработных [Галынис, 2014], содействии в трудоустройстве уязвимых слоев населения [Нефедьева, Седых, Тарабан, 2021; Щепетков, 2016], функционировании службы занятости в целом [Горина, 2010; Лежнева, 2012].

Похожим образом обстоят дела и в зарубежных исследованиях. Зачастую в них подчеркивается важность повышения охвата населения услугами государственной службы занятости, а также совершенствования ее деятельности для преодоления несоответствия между спросом и предложением на рынке труда [Stephens, Hamblin, 2006; Andersen et al., 2015]. Принимается во внимание и мнение представителей частных кадровых агентств для получения более объемной информации [Boreham et al., 1994]. В свою очередь использование экспертных оценок для изучения пространственных аспектов социально-трудовых отношений встречается лишь в отдельных работах, например, когда речь идет о последствиях трансграничных перемещений людей с целью трудоустройства [Wiesböck, 2016]. В данном контексте изучение внутрирегионального уровня не получило широкого развития.

Основу настоящего параграфа монографии составляют результаты экспертного опроса сотрудников отделений занятости в Вологодской области. Сбор исходных данных осуществлялся нами в апреле 2023 г. при поддержке Департамента труда и занятости населения региона. Для этого в адрес подведомственных организаций направлялись электронные письма со ссылкой на анкету. Процедура отбора и количество респондентов не оговаривались, однако одним из условий было заполнение анкеты руководителем. В опросе приняли участие 68 человек из всех отделений занятости населения Вологодской области (кроме ОЗН по Харовскому муниципальному округу). При этом мы сделали акцент только на отдельных муниципальных образованиях (рис. 4.4). Их перечень соответствует территориям, на которых ранее проводился массовый опрос населения, что позволило нам сравнить результаты двух полевых исследований.

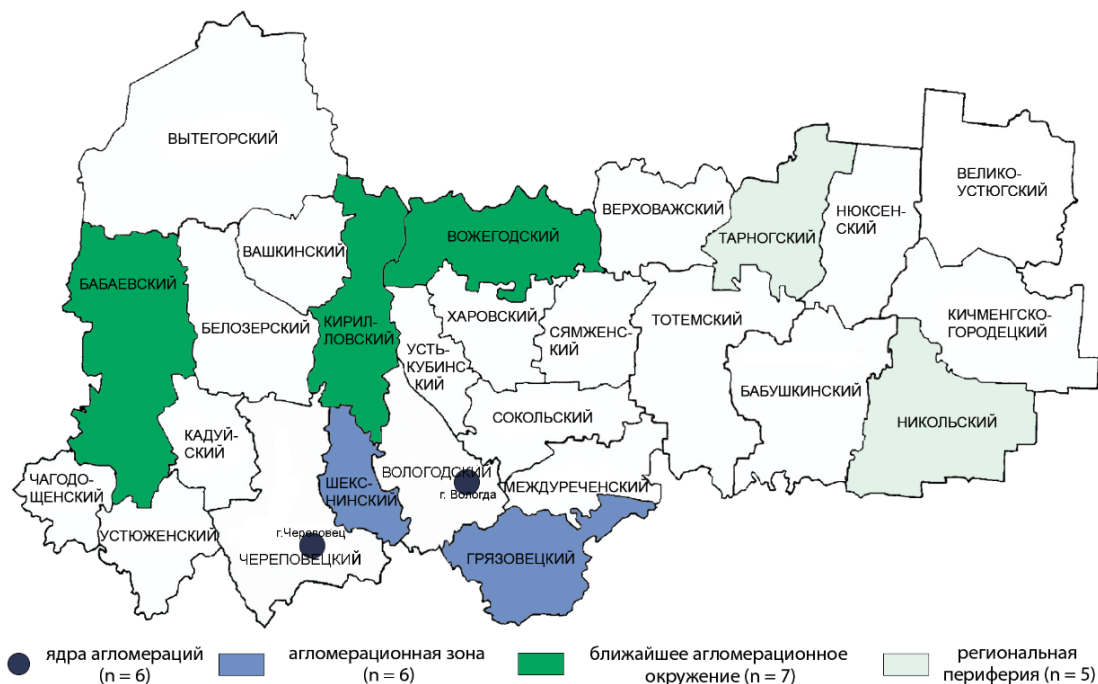

Рисунок 4.4. Карта территориального охвата исследования

Источник: составлено авторами с использованием данных экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Общая характеристика занятости. Оценки экспертов свидетельствуют о том, что при движении от ядер агломераций к периферии спектр признаков, определяющих привлекательность места проживания, существенно сужается (табл. 4.6). Если в крупных городах Вологодской области было отмечено наличие всех предложенных критериев с разной степенью их выраженности, то в периферийных территориях их количество сокращается в два раза. При этом наиболее привлекательными чертами региональной периферии, по мнению экспертов, являются благоприятная экологическая обстановка (80%), безопасность жизни и низкий уровень преступности (60%). В то же время такие значимые для сферы занятости аспекты, как широкие возможности для поиска работы и получения качественного образования, не получили положительной оценки.

Таблица 4.6. Распределение ответов экспертов на вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями, характеризующими привлекательность Вашего муниципального образования?» (варианты ответа «согласен» и «совершенно согласен»), 2023 г., %

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
Хорошее благоустройство территории, чистота	83,3	16,7	57,1	40,0
Развитая ИКТ-инфраструктура (доступность интернета, качество связи и др.)	83,3	83,3	42,9	0,0
Развитая транспортная инфраструктура (качество дорог, наличие регулярных маршрутов общественного транспорта и т.д.)	83,3	16,7	28,6	0,0
Широкие возможности для поиска работы	83,3	50,0	42,9	0,0
Возможность получить качественное профессиональное образование	83,3	33,3	42,9	0,0
Комфортное жилье (коммуникации, парковка и т.д.)	83,3	16,7	28,6	0,0
Близость к крупным развитым центрам	66,7	66,7	42,9	0,0
Развитая социальная инфраструктура (больницы, детские сады, школы, кинотеатры и т.д.)	66,7	33,3	14,3	20,0
Перспективность для жизни	50,0	33,3	28,6	0,0
Много возможностей для культурного отдыха и досуга	50,0	16,7	28,6	20,0
Безопасность жизни, низкий уровень преступности	50,0	50,0	57,1	60,0
Хорошо развитая экономика	50,0	16,7	14,3	0,0
Здесь люди живут лучше, чем в соседних муниципальных образованиях	33,3	50,0	28,6	40,0
Благоприятная экологическая обстановка	33,3	16,7	71,4	80,0
Относительно высокие зарплаты	33,3	0,0	14,3	20,0
Примечание: ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия. Источник: здесь и далее – рассчитано на данных экспертного опроса специалистов отделений занятости Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.				

В целом необходимо отметить, что с точки зрения экспертов развитость различной инфраструктуры, возможности получения качественного образования и поиска работы более привлекательны в ядрах агломераций и муниципальных образованиях, входящих в агломерационную зону. В сторону крупных региональных центров также смещены позитивные суждения относительно комфортности жилья, состояния экономики и транспортной системы, возможностей для культурного отдыха. Примечательно, что такой фактор, как относительно высокие заработные платы, не получил высоких оценок ни в одной из выделенных групп территорий.

Переходя непосредственно к вопросам развития социально-трудовых отношений, можно увидеть, что характерной чертой экономики Вологод-

ской области является дефицит кадров (табл. 4.7). Сильнее всего эта проблема, по мнению экспертов, проявляется в агломерационной зоне и региональной периферии, что может быть связано с интенсивностью оттока трудовых ресурсов в крупные города и ближайшее агломерационное окружение.

Таблица 4.7. Экспертная оценка распространенности различных явлений в сфере занятости муниципальных образований (варианты ответа «распространены» и «скорее распространены»), 2023 г., %

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
Дефицит кадров	66,7	83,3	57,1	80,0
Неформальная занятость (получение зарплаты «в конверте», работа без трудового договора и т.д.)	66,7	16,7	42,9	80,0
Легальная самозанятость	66,7	33,3	42,9	60,0
Занятость во вредных и(или) опасных условиях труда	50,0	16,7	14,3	20,0
Сезонная занятость	50,0	33,3	57,1	80,0
Работа по специальности	33,3	0,0	14,3	0,0
Маятниковая трудовая миграция	33,3	66,7	14,3	80,0
Вахтовый метод работы	16,7	50,0	14,3	60,0
Удаленная занятость (на основе использования современных средств связи)	16,7	0,0	0,0	20,0
Ведение личного подсобного хозяйства с целью продажи продукции	16,7	33,3	14,3	60,0
Участие в профсоюзном движении	16,7	16,7	28,6	40,0
Высокая безработица	0,0	0,0	0,0	20,0
Неполная занятость (сокращенный день/неделя)	0,0	0,0	0,0	0,0
Примечание: ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия.				

Учитывая масштабы некорпоративного сектора в России, отметим, что достаточно закономерными выглядят оценки распространенности неформальной занятости как на периферии, так и в региональных центрах. При этом легальная самозанятость также получила широкое развитие на этих территориях (67 и 60% экспертных оценок соответственно). Согласно исследованиям, в городах этому способствует рост сектора услуг, на селе – отсутствие работы в реальном секторе или необходимость поиска дополнительного источника дохода [Пациорковский, 2020: 94]. Не случайно только на периферии обозначена проблема высокой безработицы (20% экспертов отметили ее наличие). Закономерными представляются и феномены сезонной занятости и ведения личного подсобного хозяйства (ЛПХ) на перифе-

рии. Зачастую данные виды занятости практикуются одновременно, причем занятость и самозанятость в ЛПХ во многом является вынужденной и рассматривается как мера для обеспечения нормальной жизни для себя и своей семьи [Воловская, Плюснина, Иноземцева, 2019: 249].

Распространенность занятости во вредных и (или) опасных условиях труда в большей степени характерна для крупных городов области: 50% экспертов указали на наличие такой проблемы. Это обусловлено тем, что именно в г. Вологде и г. Череповце расположены наиболее крупные промышленные предприятия (Череповецкий металлургический комбинат – ПАО «Северсталь», АО «Апатит», АО ВОМЗ и др.). Различные формы временной трудовой мобильности (вахта, маятниковая трудовая миграция) в первую очередь присущи населению агломерационной зоны и региональной периферии (50 и 60%; 67 и 80% экспертных оценок соответственно). В случае маятниковой миграции происходит стягивание трудовых ресурсов из агломерационной зоны и периферии в ядра городских агломераций и формирующихся сельских агломерационных образований [Ворошилов, 2022: 55]. Ограниченные возможности для профессиональной самореализации в малых городах и сельской местности провоцируют явление вахтовой миграции. Таким образом, косвенно подтверждается общероссийская тенденция зависимости масштабов временной трудовой миграции от размера населенного пункта [Мкртчян, Флоринская, 2019: 81].

Расширение использования удаленной занятости как характеристики муниципального рынка труда отметили эксперты из крупных городов и региональной периферии (17 и 20% оценок соответственно). И если для ядер агломерации это является закономерным, поскольку данный вид занятости более характерен для населения крупных городов⁵⁸, то, учитывая низкие оценки развитости ИКТ-инфраструктуры в отдаленных муниципальных образованиях, подчеркнем, что его значимость для периферии не совсем очевидна. Вместе с тем при условии сохранения дифференциации в заработной плате по муниципалитетам существует потенциал использования удаленного режима работы для снижения уровня внутрирегиональной миграции.

⁵⁸ Ходыкин М. Дома работники: число россиян на удаленке выросло за год в 110 раз // Известия. URL: <https://iz.ru/1091278/maksim-khodykin/doma-rabotniki-chislo-rossiian-na-udalenke-vyroslo-za-god-v-110-raz>

Представляют интерес и данные экспертного опроса относительно работы по специальности. В основном на наличие этого феномена обратили внимание специалисты служб занятости из крупных городов и ближайшего агломерационного окружения (33 и 14% позитивных суждений соответственно). Населению агломерационной зоны и периферии региона, по оценкам экспертов, работа по специальности несвойственна. В последнем случае это может быть связано с тем, что зачастую в небольших населенных пунктах люди просто не могут найти работу по полученной специальности и вынуждены трудоустроиваться на имеющиеся вакантные места. А это в свою очередь может оборачиваться сокращением заработка на 7–14% [Rudakov et al., 2022].

Снижение степени участия в профсоюзном движении является общемировым трендом [Попов, Соловьева, 2023: 116]. Результаты экспертного опроса свидетельствуют о возрастании распространенности данного явления при удалении от ядер агломерации (от 17 до 40% экспертных оценок на периферии). Отчасти подобная ситуация может быть обусловлена тем, что на многих предприятиях в настоящее время профсоюзы отсутствуют, а доверие к их деятельности снижается, поскольку они не могут решить те или иные проблемы⁵⁹. Необходимо также отметить, что мнение экспертов в отношении неполной занятости было однозначным: ни один из них не указал на значительность ее масштабов, что весьма закономерно в условиях нехватки трудовых ресурсов.

Перспективы развития сферы занятости. Относительно благоприятности различных условий для развития сферы занятости в муниципальных образованиях экспертные оценки распределились следующим образом (рис. 4.5). Во-первых, необходимо отметить ярко выраженное отставание региональной периферии от других групп территорий по всем параметрам. При этом особенно выделяется блок демографических факторов (только 20% экспертов сделали на них акцент), причиной чего выступают усиление поляризации и «очаговости» расселения, миграционная убыль населения [Короленко, 2023b: 136–142].

⁵⁹ Труд и май: россияне о трудовых правах и празднике труда // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-i-mai-rossijane-o-trudovykh-pravakh-i-prazdnike-truda>.

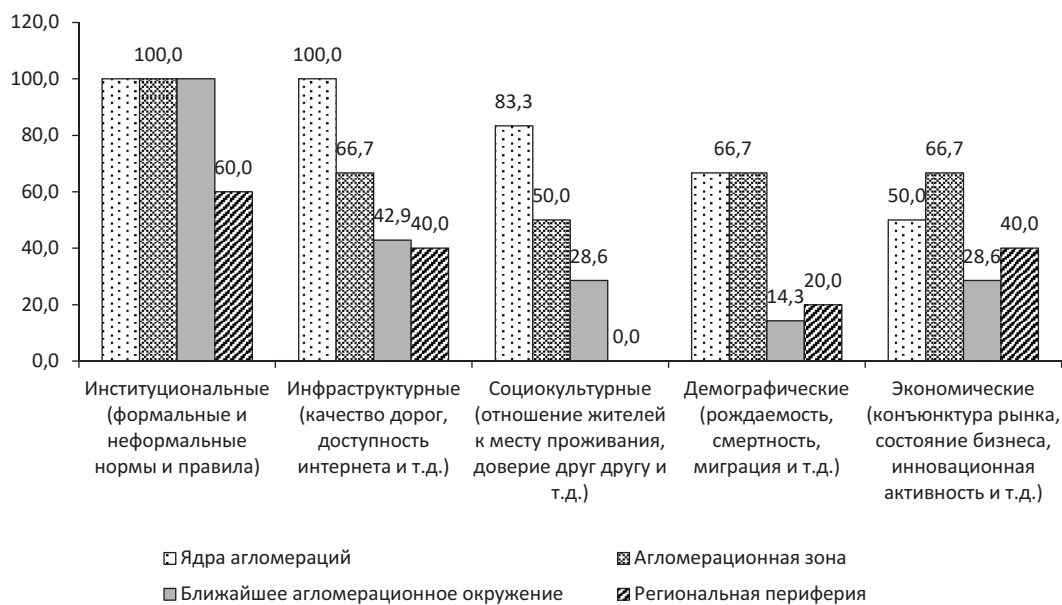

Рисунок 4.5. Экспертная оценка благоприятности различных условий для развития сферы занятости в муниципальных образованиях (варианты ответа «благоприятные» и «скорее благоприятные»), 2023 г., %

Во-вторых, благоприятность институциональных, инфраструктурных и социокультурных условий снижается при движении от крупных региональных центров к периферии. И если в части первых двух это представляется закономерным, то касательно социокультурных факторов – достаточно труднообъяснимо, так как, к примеру, уровень поселенческой идентификации и доверия друг к другу, по данным исследований, возрастает по линии «центр–периферия» [Кученкова, 2016: 33; Модернизация экономики региона..., 2012: 41-42]. Оценки экспертами благоприятности экономической среды значительно варьируются: от 27% в ближайшем агломерационном окружении до 67% в агломерационной зоне. Но в целом в крупных городах и прилегающих к ним территориях рыночная конъюнктура, состояние бизнеса, инновационная активность и т.д. характеризуются как более выигршные в плане развития сферы занятости.

Экспертам было предложено также оценить вероятность наступления различных событий для муниципального рынка труда (табл. 4.8). В контексте расширения масштабов удаленной занятости более позитивные перспективы были обозначены для ядер агломерации (50% позитивных суждений). Менее благоприятная картина наблюдается на периферии и в ближайшем агломерационном окружении (20 и 14% экспертных оценок соответственно). В агломерационной зоне, несмотря на довольно

высокое мнение о развитости её ИКТ-инфраструктуры, прогноз экспертов относительно распространения удаленной занятости весьма негативный. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест в большей степени вероятно для крупных городов региона (33% экспертов согласны с данным утверждением), для периферии и агломерационной зоны возможности оцениваются ниже (20 и 17% экспертных оценок соответственно).

Таблица 4.8. **Экспертная оценка перспектив наступления различных событий для муниципальных рынков труда (варианты ответа «очень вероятно» и «достаточно вероятно»), 2023 г., %**

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
<i>Позитивные события</i>				
Распространение удаленной занятости	50,0	0,0	14,3	20,0
Создание новых высокопроизводительных рабочих мест	33,3	16,7	0,0	20,0
Рост предпринимательской активности	16,7	33,3	42,9	60,0
Повышение реального заработка	16,7	0,0	14,3	20,0
<i>Негативные события</i>				
Увеличение оттока молодого населения	83,3	33,3	85,7	80,0
Рост неформальной занятости	83,3	66,7	42,9	40,0
Увеличение дисбаланса спроса и предложения на рынке труда	33,3	16,7	42,9	40,0
Усиление поляризации рынка труда	33,3	0,0	28,6	20,0
Рост безработицы	0,0	0,0	0,0	60,0
Примечание: ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия.				

Предпринимательская активность является важным фактором развития сферы занятости. Перспективы ее роста наиболее позитивно оцениваются экспертами из региональной периферии (60% оценок) и ближайшего агломерационного окружения (43%). В сельской местности сектор частного предпринимательства играет значимую роль, обеспечивая возможности для заработка активным жителям, которые развивают бизнес сельскохозяйственного и несельскохозяйственного направления [Сагдиева, 2021: 147]. Наименьшей вероятностью характеризуется повышение реальной заработной платы: от нулевой в агломерационной зоне до относительно невысокой (20% экспертных оценок) на периферии региона.

Среди негативных явлений эксперты из всех групп территорий отметили существенные риски увеличения оттока молодежи (повсеместно, за исключением агломерационной зоны, более 80% положительных ответов) и роста неформальной занятости (при этом вероятность этого снижается при движении от крупных городов к периферии). Степень обострения про-

блемы дисбаланса спроса и предложения на муниципальных рынках труда возрастает по линии «центр–периферия»: наиболее негативные оценки (43 и 40%) зафиксированы в зоне ближайшего агломерационного окружения и региональной периферии. Усиление поляризации рынка труда ожидается по большей части в ядрах агломераций и ближайшем агломерационном окружении, в меньшей степени – на периферии. Это в целом согласуется и с оценками экспертов из академического сообщества: при отсутствии явных признаков поляризации в настоящее время сценарий ее роста представляется более чем вероятным, учитывая адаптацию рынка труда к происходящим трансформациям (например, к автоматизации) через сокращение заработных плат и рабочего времени [Ляшок и др., 2020: 79–80]. Вероятность увеличения безработицы наблюдается только на периферии области, однако это отметили 60% экспертов. Это говорит о необходимости развития альтернативной занятости и предпринимательской активности, использования потенциала удаленной работы [Соловьева, 2022: 1157].

Таким образом, результаты экспертного опроса позволили углубиться в специфику развития сферы занятости в крупных городах и за их пределами. Как и в случае с массовым опросом населения, мы видим, как при удалении от ядер формирующихся агломераций происходит заметное сокращение возможностей для профессиональной самореализации, а проблема экономического застоя становится все более насущной. Согласно мнению экспертов, ближайшее агломерационное окружение и периферия характеризуются весьма ограниченными перспективами для жизни, что усугубляется неразвитостью социальной и иной инфраструктуры. Хронический дефицит кадров, как правило, не останавливает жителей периферии участвовать в маятниковой и вахтовой миграции в поисках лучших условий труда (что, в том числе, наблюдается и в округах, приближенных к региональным центрам). В этой связи кажется закономерным, что опрошенные нами эксперты единогласно высказались об отсутствии у местного населения должного отношения к месту проживания и доверия друг к другу.

В качестве общих для всех групп территорий трендов можно отметить увеличение оттока молодежи и рост неформальной занятости. И если в крупных городах эксперты считают наиболее вероятным дальнейшую популяризацию удаленного режима работы, то за их пределами – повышение предпринимательской активности и рассогласованности между спросом и предложением на рынке труда. В пользу последнего свидетельствует высокая распространенность практик трудоустройства не по специальности и занятости в личном подсобном хозяйстве на периферии. В свою оче-

редь перспективы роста реального заработка и создания высокопроизводительных рабочих мест оцениваются достаточно низко.

Во всем многообразии происходящих процессов большая роль отводится государственной службе занятости. В ее районных отделениях проводится постоянная работа по взаимодействию с местными жителями, которое, как правило, ограничивается вопросами получения статуса безработного и трудоустройства [Попов, 2023]. При этом поиск работы таким путем выбирают далеко не многие из-за отсутствия желаемых вакансий и их невысокого качества. Другие причины обращений в ОЗН встречаются гораздо реже, хотя в агломерационной зоне популярностью также пользуются программы профессионального обучения. Вместе с тем деловые отношения с работодателями раскрываются по широкому спектру направлений, где на первый план выходят услуги по подбору кандидатов на имеющиеся вакансии и оказания консультационной помощи. В крупных городах и прилегающих к ним районах находят отклик организация мероприятий по актуальным проблемам, ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, информирование о положении на рынке труда. В этом случае показатели по периферии ниже, но не сильно. Эффективному взаимодействию, по мнению опрошенных, препятствуют незаинтересованность со стороны бизнеса и, в меньшей степени, наличие конкурентных преимуществ у рекрутинговых сайтов. Здесь нельзя не отметить сложности в работе с Единой цифровой платформой «Работа в России».

4.3. Взгляд глав городских и сельских поселений на развитие сферы занятости

В рамках исследования развития сферы занятости также использовался центр-периферийный подход с детализацией на поселенческом уровне. В соответствии с критериями принадлежности к центрам муниципальных районов (округов) и расстояния до районных центров городские и сельские поселения модельного региона были подразделены на районные центры, их окружение и районную периферию. В качестве информационной базы исследования выступили глубинные интервью с главами городских и сельских поселений⁶⁰ как носителями ценной информации о соци-

⁶⁰ С 1 января 2022 г. в ходе реформы территориальной организации местного самоуправления 20 муниципальных районов Вологодской области были преобразованы в муниципальные округа, а должности глав поселений изменены на руководителей (начальников) территориальных отделов. В данном исследовании применяется старый формат формулировки должности «глава поселения».

ально-экономическом развитии территорий, их проблемах и конкурентных преимуществах, в том числе как опытными специалистами в сфере муниципального управления. В ходе серии интервью было опрошено 12 человек из ранее определенных муниципальных образований Вологодской области (табл. 4.9). Общение с информантами проходило удаленно посредством телефонной или видео-конференц-связи. Средняя продолжительность интервью составила 39 минут.

Таблица 4.9. **Распределение выборки глубинных интервью с главами поселений по группам муниципальных образований в соответствии с принятым подходом**

Группировка муниципальных образований	Количество наблюдений (n)
<i>Ядра агломераций</i> (гг. Вологда и Череповец)*	-
<i>Агломерационная зона</i> (Шекснинский район и Грязовецкий округ)	3
<i>Ближнее агломерационное окружение</i> (Бабаевский округ и Кирилловский район)	4
<i>Региональная периферия</i> (Никольский район и Великоустюгский округ)	5
* Крупные города области не были включены в выборку, поскольку не позволяют применить центр-периферийный подход на поселенческом уровне, а именно выделить центр, его окружение и периферию. Примечание. При проведении углубленных интервью с главами сельских и городских поселений нами также затронута территория Великоустюгского муниципального округа в силу возникновения сложностей на этапе сбора первичной информации. Источник: составлено авторами с использованием данных глубинных интервью с главами городских и сельских поселений Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.	

Гайд глубинного интервью содержал общие вопросы о поселении и муниципальном районе (округе), вопросы о ситуации на рынке труда поселения и перспективах развития сферы занятости. Далее анализ мнений глав поселений представлен по трем тематическим блокам: первый блок посвящен условиям и предпосылкам развития сферы занятости в поселениях, второй блок касается непосредственно ситуации в сфере занятости, а третий затрагивает регулирование сферы занятости.

4.3.1. Условия и предпосылки развития сферы занятости в поселениях

Социально-экономическая ситуация как фактор развития занятости: проблемы и конкурентные преимущества. Районные центры характеризуются в целом благополучной социально-экономической ситуацией, что получило отражение и в высоких оценках их положения в рейтинге поселений округа (района). Обращает на себя внимание тот факт, что эко-

номика районных центров отличается более диверсифицированным производственным сектором: помимо предприятий лесозаготовки и деревообработки, учреждений социальной сферы (здравоохранения, образования) на их территории функционируют предприятия пищевой промышленности, торговли, транспорта (железнодорожной), распределения газа (компрессорные станции) и прочие. С другой стороны, обнаруживаются ключевые проблемы, свойственные малым городам и поселениям; сокращение производств; отток населения, в том числе молодежи, с целью получения образования и поиска работы; нехватка рабочих мест и учреждений профессионального образования.

«Это малый город, по сути, сельская местность. Все производство концентрируется у нас в крупных городах. В таких округах, как наш, когда мы находимся немного в отдалении от трассы, такого дикого промышленного развития нет. У нас в структуре железная дорога, Газпром и заготовка леса. <...> Пока мы больше ищем точки развития, какой-то особой привлекательности здесь не будет. Пока не будет. Как и все малые города, у нас общая тенденция по всей России – сокращается население таких городов, как наш, небольших. <...> У нас нет производств. Будь у нас рабочие места и строительство жилья, то город развивался бы по другим направлениям. <...> Учебных заведений нет. У нас здесь все заканчивается на школе... Если бы здесь были какие-то учебные заведения, то такого оттока не было бы. А так у нас уезжают учиться студенты. И они остаются там, где проходили практику, мало кто идет к нам обратно» (глава районного центра №1).

«...ключевая проблема – отток населения. Он существует. В 70-е, 80-е годы у нас в городе было более 500 предприятий, в т. ч. серьезных градообразующих – авторемзавод, кирпичный завод, завод точных измерительных приборов, большой хлебокомбинат, молочный завод. Он <молочный завод> и сейчас существует. Наверное, единственное самое большое предприятие в городе осталось. Проблема оттока населения как раз из-за этого есть. Предприятия в 90-е годы, в период развала Советского Союза, утратили свою работоспособность, сейчас они если не функционируют, то уже разобраны, все ресурсы, цеха и т. д.» (глава районного центра №2).

Социально-экономическая ситуация в поселениях окружения районных центров оценивается по-разному. Главы одних, наиболее приближенных к райцентрам, характеризуют ее как благополучную и во многом связывают это с выгодным пространственным расположением, а также с наличием на территории поселения предприятий-работодателей широкого профиля (в животноводстве, по производству оборудования, в обрабатывающей промышленности, учреждения культуры и туризма и пр.) и крупных

культурно-туристических объектов, а также с развитой социальной инфраструктурой (школы, детские сады, больницы). Это обуславливает и достаточно благоприятную демографическую ситуацию: численность населения таких поселений либо сохраняется на одном уровне, либо даже несколько увеличивается.

«Наверное, мы выгодно расположены, потому что у нас тут находится река рядом и железная дорога... Поселение у нас компактное. У некоторых поселений деревни раскиданы, а у нас все вместе. <...> Само расположение хорошее. На нашей территории находятся самые крупные вологодские предприятия. <...> У нас есть многоквартирка – благоустроенные дома и сама деревня. Очень большое строительство идёт. Выделяется очень много участков для многодетных и стали уже строить на поле много частных домов. <...> У нас хороший детский сад, места есть. Школа хорошая, 340 человек сейчас обучаются, но еще есть места. Все в шаговой доступности» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Больница районная пока есть у нас, есть даже стационар. Пожарное отделение стоит, школа небольшая отремонтирована, с новой техникой, со всем новым. Плюс дорога. Все организовано, автобус ходит. <...> На территории дом культуры есть, все рядом. У нас, можно сказать, автономный поселок, есть теплосеть» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«... близость города <районного центра> накладывает свой отпечаток: население даже не в основном, а, наверное, в 99% случаев работает в городе. <...> Ну, и, конечно же, наличие памятника культуры, это тоже свой особый отпечаток накладывает. <...> Это такой знак, бренд всего поселения» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Несмотря на в целом позитивные оценки положения поселений окружения райцентров, их главами обозначаются такие проблемы, как естественная убыль и миграционный отток жителей, неудовлетворительное состояние дорожной инфраструктуры, кадровый «голод», нехватка объектов социальной инфраструктуры (например, дома культуры), отсутствие жилья для приезжих специалистов.

«Конечно же демография – это первая проблема не только на сельской территории, но и на городской. Но есть и какие-то особенности. Где-то есть жилищный фонд для привлечения молодых специалистов в образование и медицину, но у нас так сложилось, что такого жилого фонда вообще нет. Даже если будет желающий поработать – медик, преподаватель, жилья для него нет. Дороги тоже. Думаю, что они везде проблемные... Но в целом в поселении это очень существенная проблема, особенно дороги к маленьким населенным пунктам. Ну, и, конечно же, кадры поселения» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Другие представители районного окружения характеризуют социально-экономическую ситуацию в поселении более критично, оценивая ее как «ухудшающуюся». В качестве причин такого положения назывались демографическая проблема (естественная и миграционная убыль населения) и, как следствие, оптимизация бюджетных учреждений (школ, детских садов), транспортная труднодоступность поселения из-за наличия водной преграды (реки) и отсутствия устойчивой переправы, кадровый «голод». При этом проблема нехватки кадров остро проявляется в учреждениях здравоохранения и органах муниципального управления, недоукомплектованных нужными специалистами.

«Во-первых, у нас демографические проблемы – естественная убыль населения, пожилые умирают, молодежи практически нет, она уезжает, т. к. нет рабочих мест. <...> Численность управленцев – это одна из самых больших проблем. Кадровый «голод». Специалистов найти очень сложно... в каждом крупном населенном пункте, где был центр поселения, оставили одного специалиста. <...> ... экономических преимуществ у нас тоже нет, потому что мы расположены за рекой. <...> У нас нет устойчивой транспортной переправы, нет ни моста, ни понтонов» (глава поселения №4 окружения райцентров).

Социально-экономическая ситуация в поселениях районной периферии описывается их главами как «средняя» или «неудовлетворительная», что отражается и в оценке их положения – в середине или нижней половине рейтинга поселений района (округа). Спектр направлений хозяйственной деятельности в периферийных поселениях заметно уже и представлен преимущественно предприятиями лесной и сельскохозяйственной отраслей, а также учреждениями социальной сферы, сферы услуг и торговли. Перечень проблем, определяющих оценки положения этих поселений, также значительно шире. В первую очередь, это факторы удаленного расположения, транспортной труднодоступности поселения и плохого качества дорожной инфраструктуры.

«Проблемы, наверное, в общем срезе, в областном, сильно не отличаются. Естественно, это дороги, т. е. дорожная инфраструктура. Много сделано, но еще больше предстоит сделать. Это именно асфальтирование улиц» (глава поселения №2 районной периферии).

«Ситуация сложная по одной простой причине, потому что населенный пункт и весь территориальный отдел находятся за двумя реками, т. е. весна и осень – трудности с переправой» (глава поселения №4 районной периферии).

Главы поселений районной периферии отдельно акцентировали внимание на проблеме оттока молодежи вследствие ее нежелания жить и работать в сельской местности, а также на сопутствующих проблемах: неразвитости культурно-досуговой инфраструктуры (фитнес-центров, бассейнов, театров, учреждений дополнительного образования и пр.), отсутствия благоустроенного жилья для молодых специалистов в муниципальном фонде.

«Приехала врач после обучения, она местная, получила подъемные 500 тысяч, квартиру с печным отоплением, теплый душ, туалет, вроде все есть, но ей не нравится. Молодежи нужно благоустроенное жилье. Они не готовы тратить время, отвлекаться на решение бытовых вопросов. <...> Молодые не хотят сюда ехать, в глушь. Ну, и, получается, у нас скучно, в городе можно сходить в фитнес-центр, театр, бассейн. У нас таких возможностей нет» (глава поселения №1 районной периферии).

«Одна из самых больших проблем – это, конечно же, жилье. В муниципальном жилом фонде я не могу назвать даже 10–15 квартир, домов, которые бы прямо соответствовали требованиям, в которые было бы не стыдно пригласить нового работника для проживания, потому что полно здесь такого, где нет ремонта, непригодное состояние, где-то по полу аварийное, где-то износ большой. Из муниципального фонда мы можем позволить себе максимум 200–300 тысяч в год тратить на ремонт современный. Это финансирование совершенно не соответствует тяжести проблемы. <...> Еще какая вскрывается проблема – приезжают молодые семьи в колхоз или просто в школу, когда у них подрастают дети, у них отсутствует возможность для предоставления своим детям досуговой деятельности, которая бы их развивала. То есть у их детей по сравнению с детьми из городов и пригородов отсутствует возможность заниматься по интересам. Зачастую это становится причиной того, что при достижении определенного возраста детьми родители осознают, что хотелось бы развивать ребенка, дать ему какой-то выбор и т. д. Мы теряем эти семьи, они уезжают в город, потому что хотят для своих детей самых лучших условий. К сожалению, мы этих условий для развития предоставить просто не в состоянии, потому что все возвращается на круги своя: для того, чтобы выделить специалиста какого-то из города, чтобы он здесь обосновался, нет жилья, кто ему будет ему платить и т. д.» (глава поселения №2 районной периферии).

«Молодых семей не очень много – порядка десятка, многие, конечно, уезжают» (глава поселения №4 районной периферии).

«Отток молодежи у нас, конечно, есть, потому что работать негде, не строится жилье, хотя возможности неплохие» (глава поселения №5 районной периферии).

Вызовами социально-экономического развития поселений районной периферии, непосредственно связанными с рынком труда и занятости, выступают приостановка деятельности лесозаготовителей (преимущественно мелких) вследствие нарушения рынков сбыта из-за ухудшения геополитической ситуации, упадок сельского хозяйства, кадровый «голод» в разных сферах, низкий уровень заработной платы, сокращения в бюджетной сфере, распространенность асоциального образа жизни среди местного населения.

«... у нас мелкие лесозаготовители сейчас стоят без работы, потому что не могут найти рынки сбыта. Людей они уволили. <...> Проблема, соответственно, с кадрами. У нас и лесозаготовители, которые пилорамы здесь держат на территории, и на ферме привлекают труд мигрантов <из стран Средней Азии>. То есть вроде бы и есть кое-кто, кто еще мог бы работать. Кто-то ведет асоциальный образ жизни, кто-то почему-то не хочет работать. Проблемы у нас и с продавцами есть, с почтовыми работниками, учителями. Все уже в возрасте учителя (глава поселения №5 районной периферии).

«... есть такие проблемы, как нехватка кадров и скудные варианты трудоустройства. Вот, например, есть женщины, которым вообще некуда трудоустроиться» (глава поселения №1 районной периферии).

Глава одного из поселений районной периферии заявил о существовании проблемы нехватки инициативных людей среди руководителей предприятий, а также о проблеме неиспользования потенциала земель сельхозназначения.

«У нас на территории числятся три колхоза, но из них реально содержит скот и обрабатывает землю только один. На данный момент у них осталась только одна ферма. <...> У нас нет инициативных людей. Сами руководители не хотят учиться, не хотят развивать сельское хозяйство. Ведь в области у нас неплохие учебы проходят. Есть очень хорошая программа, но не хотят участвовать в ней те же председатели колхозов. <...> Дело в том, что они <арендаторы> на земле ничего не делают. Крестьянско-фермерское хозяйство у нас тоже вроде аренду платит, но ничего не производит. Грустно смотреть на эти необработанные земли, хотя они оформлены. Отдачи нет» (глава поселения №5 районной периферии).

Несмотря на наличие серьезных проблем в социально-экономическом развитии, по мнению опрошенных глав, поселения районной периферии обладают рядом конкурентных преимуществ: благоприятная экологическая ситуация и богатые природные ресурсы, наличие необходимой для

жизни социальной инфраструктуры, большое количество пригодных для ведения сельского хозяйства земель, человеческий потенциал жителей.

«Самое главное достоинство – это люди, которые остались здесь. <...> Остались пенсионеры, которые до сих пор трудятся и верны своей земле, пытаются развивать сельское хозяйство. А так здесь реки, природа. <...> У нас есть школа-девятилетка, детский сад, 2 ФАПа, 3 пилорамы, 2 магазина, 2 дома культуры, почта» (глава поселения №4 районной периферии).

«У нас есть большая лесосека, есть леса, озера, реки, грибы, ягоды, есть малая народность. У нас на территории 2 музея, в одном из которых проходит капитальный ремонт. <...> Есть 2 школы, 2 дома культуры. У нас очень много земель. Земли мы сдаем сейчас в аренду, и мы уже пятый год межуем землю. Те земли, которые заброшены. Для развития и туризма, и сельского хозяйства у нас есть все предпосылки. <...> Дороги не скажешь, что совсем плохие, я имею в виду центральные. А вот наше месторасположение хорошее, если бы, конечно, были дороги. То есть месторасположение у нас очень неплохое. Если бы, например, развивать тот же туризм и связать поселение дорогами, то было бы просто замечательно» (глава поселения №5 районной периферии).

Роль пространственного расположения поселения в развитии сферы занятости. Исследования доказывают влияние расположения поселений относительно крупных городов (региональных центров) на их демографическое развитие: чем дальше от них, тем хуже соотношение количества растущих и депопулирующих городов, тем ниже темпы роста или выше темпы спада, ниже миграционная привлекательность [Карачурина, 2013: 29, 34]. Тем не менее близость районных центров к крупным транспортным магистралям, позволяющая добираться до крупных городов Вологодской области, неоднозначно оценивается их главами. С одной стороны, наличие развязок автомобильных и железных дорог напрямую определяет развитие данных поселений, поскольку обеспечивает связанность территорий и перемещения населения, транспорта и товаров. С другой стороны, удобное расположение способствует оттоку жителей в крупные города, в которых условия жизни более привлекательны, в том числе и с позиции перспектив трудоустройства. Кроме того, возможность свободной циркуляции населения между районными центрами и ближайшими крупными городами негативно сказывается на местных предприятиях торговли и сферы услуг, которые не всегда выдерживают конкуренцию с торговыми точками и сетевыми магазинами крупных городов.

«У нас всю жизнь город стоял на дороге. С этого начал развиваться, потому что тут и купцы в свое время останавливались. Сейчас мы стоим рядом с федеральной трассой. В принципе, это влияет. Железнодорожный узел у нас есть, это тоже влияет на развитие. Близость к областному центру влияет не то что бы негативно, но многие уезжают в Вологду работать и жить. Ну, и сфера услуг тоже. Например, если в Вологде очень много торговых центров, то больше половины жителей поселения туда ездят закупать все и сразу. У нас из-за этого проблемы были у местных магазинов» (глава районного центра №2).

Среди глав поселений окружения райцентров мнения относительно влияния расположения на сферу занятости разделились. Одни оценивают его как выгодное и подчеркивают его благоприятную роль в развитии занятости, что объясняют близостью поселения к автомобильным и железным дорогам, районным центрам и крупным городам, а также к предприятиям, находящимся на их территории, а следовательно, транспортной доступностью для жителей поселения как мест потенциального приложения труда, так и объектов культуры и досуга.

«У нас можно в любую сторону уехать – Москва, Питер. Мы находимся в середине. Я сейчас билеты купила онлайн, можно прийти в любое время на вокзал. <...> Автостанция тоже есть. Можно поехать и на машинах. Идет автодорога мимо центра поселения. Все тут мимо проходит, и все деревни у нас на этой основной трассе. Сейчас еще четырехполоска <четырёхполосная дорога> будет, тогда вообще будет хорошее сообщение. У нас есть водный транспорт, можно куда-то съездить на теплоходе прогулочном» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Да, федеральная дорога очень важна. <...> если взять немножко на Север, ну, буквально небольшое расстояние в 60 км, <...> там красивейшие места <другое поселение, районная периферия>. Но 60 км и всё, там жизнь совсем другая. Мы находимся на федеральной трассе, близко к районному центру (15 минут на машине), час с лишним до областного центра (Вологды), так же примерно до Череповца. Это, конечно же, влияет» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Другие главы поселений окружения райцентров, напротив, негативно оценивают влияние расположения на сферу занятости. Несмотря на относительную близость к районным центрам (менее 50 км) в этих случаях серьезным барьером выступает физическая труднодоступность поселения, в основном связанная с наличием водных преград (нахождение за рекой), которые ограничивают возможность регулярного транспортного сообщения с остальной территорией.

«Мы отделены от районной администрации, от центра. Находимся за рекой, сюда приезжаешь как на остров. <...> Расположение останавливает, отталкивает. Не каждый готов ездить на пароме каждый день» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«Экономических преимуществ у нас тоже нет, потому что мы расположены за рекой. То есть 2 раза в год – в периоды ледостава и ледохода – мы оказываемся оторванными. У нас нет устойчивой транспортной переправы, нет ни моста, ни понтонов. Летом мы ездим на паромах, а зимой, как позволяют погодные условия, – по реке ледовой переправой. Часть поселения оторвана еще одной рекой. Там мы осуществляем лодочную переправу в летний период и межсезонье, а понтоны ставим силами Вологодавтодора» (глава поселения №4 окружения райцентров).

Главы поселений районной периферии чаще отрицательно характеризуют влияние расположения на занятость, объясняя это удаленностью территории от районных центров и крупных городов, федеральных трасс, слабо развитой дорожной инфраструктурой, что влечет за собой проблемы транспортной доступности и препятствуют развитию разных сфер хозяйственной деятельности (особенно сельского хозяйства и туризма).

«Конечно влияет. Мы живем в «медвежьем углу», удаленная территория. Дороги у нас – главная проблема. Даже лесозаготовка лучше работает, когда зимой дорога накатана. Совершенно другое дело, когда люди живут на дороге, гораздо больше возможностей» (глава поселения №1 районной периферии).

«Ситуация сложная по одной простой причине, потому что населенный пункт и весь территориальный отдел находятся за двумя реками, т. е. весна и осень – трудности с переправой. Из этого следуют трудности в развитии сельского хозяйства, туризма и т. д. Приходится переправляться лодочной переправой. <...> Потом мы ждем лета и ставим понтонную переправу. И так 20 лет. Раньше была паромная переправа, когда еще были колхозы» (глава поселения №4 районной периферии).

Однако некоторые главы поселений районной периферии, напротив, называют их расположение относительно благоприятным для развития сферы занятости. В основном это объясняется оптимальным пространственным размещением поселения с позиции возможности осуществления возвратной миграции его жителями (трудовой или рекреационной). В одних случаях население с определенной периодичностью выезжает на заработки в районный центр, не меняя при этом место проживания, в других – жители выезжают в крупные города в культурно-досуговых целях, продолжая трудиться и работать на территории поселения.

«Наше расположение я особо ни к плюсам, ни к минусам относить бы не стал. Мы от федеральной трассы в 23 км, если по асфальту ехать. У нас неплохое месторасположение, которое позволяет задерживать людей, они не могут работать в крупных городах – Вологде и Череповце, в районном центре и ездить домой, как из их пригородов. То есть они все равно здесь остаются. Но, с другой стороны, люди могут в выходной день без проблем съездить в магазин, в кино и т. д. Обеспечить себе досуг выходного дня. <...> ... люди, проживая в сельской местности, могут не отказывать себе 1 раз в выходные или 2 раза в месяц выезжать спокойно в город, заниматься какими-то своими делами досуговыми» (глава поселения №2 районной периферии).

Потенциал цифровизации для развития занятости. Перспективы развития цифровизации в решении проблем занятости на территории поселений оцениваются главами районных центров по-разному. Одни признают ее перспективность, однако в качестве условия успешного осуществления называют устранение перебоев со связью и интернет-соединением, в том числе за счет строительства дополнительных вышек мобильной связи. Другие же, напротив, оценивают потенциал цифровизации как «низкий», объясняя это не столько техническими проблемами, сколько неготовностью общества, недостатком компетенций у местных специалистов, низким уровнем цифровой грамотности населения.

«... у нас со связью проблемы. Для той же удаленной занятости нужен хороший интернет. В самом районном центре все более-менее, но в селе есть проблемы. <...> Нужно устранить некоторые проблемы, т. к. перебои связи и интернета бывают. Это решаемо, нужно построить дополнительные вышки, приемники» (глава районного центра №1).

«Потенциал цифровизации в решении проблем занятости на территории поселения очень низкий. Среди причин можно отметить отсутствие глобального понимания сути, целей и технологий цифровизации и цифровой трансформации, недостаток необходимых soft и hard-компетенций у IT-специалистов, низкую культуру работы с данными, неудобство IT-систем, высокие трудозатраты на «интеграцию» в единую информационную систему и сопровождение ИТ-систем, недостаток компетенций в управлении проектами и продуктами, сопротивление персонала на среднем и техническом уровне управления, отсутствие базовой цифровой грамотности у персонала и виртуализации цифровых навыков» (глава районного центра №3).

Среди глав поселений окружения райцентров и районной периферии сложилось две точки зрения на возможности развития цифровизации на

их территории. Согласно первой, ее перспективы оцениваются высоко, поскольку для этого есть все необходимые условия. Однако отмечается важность развития необходимой инфраструктуры. Кроме того, в некоторых случаях обозначается тот факт, что несмотря на имеющиеся условия и возможности (наличие интернет-соединения), население не готово ими пользоваться, в т. ч. и для поиска вакансий.

«Потенциал есть, конечно же. Сделать нормальную оптику, сделать ее доступной для людей, а не только для организаций, которые по федеральным программам – администрация, школа, пожарная часть, больница. <...> Мы для себя измеряем <скорость интернет-соединения>, наша оптика нам подходит. Но, я думаю, что там ограничения введены теми же самыми 2–4 мегабитами скорости, для нашего города этого хватит. Поэтому потенциал в этом плане значительный» (глава поселения №2 районной периферии).

«Возможности имеются, но население ими не пользуются. Люди, которые оставили проводные стационарные телефоны в домах и квартирах, смогли подключить интернет от «Ростелекома», у них вполне хороший интернет. «Мегафон» ловит. Проблемы, конечно, есть в отдаленных деревнях. <...> Потенциал есть, ситуация улучшается. Мы выкладываем вакансии и на сайте администрации, и на сайте «Работа.ру», на страницах в социальных сетях» (глава поселения №1 районной периферии).

«У нас стекловолокно протянуто почти в каждый дом. В отдаленных деревнях его, конечно, нет. Но там вышка рядом, и модемы стоят» (глава поселения №4 районной периферии).

Другая точка зрения отражает низкий потенциал цифровизации вследствие отсутствия соответствующей инфраструктуры (в том числе интернет-соединения) на территории поселения. При этом данная проблема напрямую зависит от демографического фактора, а именно от малочисленности и недостаточной численности жителей поселения.

«Здесь еще в чем проблема, что в большей части поселения нет мобильной связи, интернета. <...> В некоторых деревнях нет интернета» (глава поселения №4 окружения райцентров).

«Я неоднократно писала обращения и в «Мегафон», и в «Билайн», и в департамент связи, чтобы приняли меры, чтобы было развитие. <...> Ответы пришли от «Мегафона», «Билайна» следующие: при улучшении демографической ситуации» (глава поселения №5 районной периферии).

4.3.2. Ситуация в сфере занятости поселений

Рынок труда и структура занятости в контексте современных вызовов. Ситуация на рынке труда поселения главами районных центров оценивается положительно, однако признается влияние на нее событий последних лет – пандемии коронавирусной инфекции и ухудшения геополитической ситуации (введения санкций, проведения СВО). Пандемия в 2020 году вызвала приостановку деятельности предприятий, особенно в сфере торговли, и, как следствие, рост безработицы, однако в последующие годы ситуация стабилизировалась, показатели вернулись к допандемийному уровню. Ухудшение геополитической ситуации «ударил» прежде всего по лесной отрасли (лесозаготовка, лесопереработка), у предприятий которой возникли проблемы со сбытом продукции, а также с ростом цен на комплектующие для техники. Как отмечают главы райцентров, мелкие предприятия лесной промышленности не смогли приспособиться к резким изменениям и закрылись, в то время как крупным удалось переориентировать рынки сбыта на Восток.

«На сегодняшний день ситуация на рынке труда более-менее стабильная. Конечно же последние события – коронавирус и неблагоприятная геополитическая обстановка – очень повлияли. Когда была пандемия, численность безработных возросла. <...> Сейчас она стабилизировалась. <...> Но все-таки геополитическая обстановка повлияла на такие отрасли, как лесное хозяйство. <...> Это экономические причины – проблемы со сбытом продукции, рост цен на запчасти. Раньше лесники к нам вообще не обращались, а сейчас они отработали сезон, зиму, на лето идут к нам. Нет работы у них» (глава районного центра №1).

«Пандемия коронавируса, естественно, сказалась. Многие предприятия не работали, многие, которые торговали с Западом (кто-то в Польшу поставлял продукцию, кто-то еще куда-то), сейчас переориентировались на Восток. Это тоже существенно повлияло на доходы, на кадровый состав. В переходный период крупные предприятия сумели переориентироваться. Если брать, например, лесозаготовку, лесопереработку, которая у нас широко развита, то мелкие предприятия закрылись в этот период» (глава районного центра №2).

Мнения глав поселений окружения районных центров о влиянии пандемии и ухудшения геополитической ситуации на рынок труда разделились. Одни признают воздействие этих факторов, особенно второго, но на отдельные отрасли хозяйственной деятельности (лесозаготовка и лесопереработка, музейное дело). Кроме того, в результате мобилизации трудо-

способных мужчин на СВО возникла нехватка работников, что негативно сказалось на работе местных предприятий.

«В целом сильного влияния эти два негативных фактора, наверное, не оказали. Но есть отрасли, по которым действительно были определенные сокращения и миграция из одной отрасли в другую. Если сначала пандемия, то сейчас очень сильно чувствуется политическая ситуация. Это лесная отрасль и музейная деятельность, которые для нас самые большие работодатели. <...> В целом, наверное, на сельских территориях это не отразилось. Все работодатели работают в прежнем режиме, спокойно, стабильно» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«Естественно, пандемия немножко сказалась, были проблемы. И сказалась, конечно же, мобилизация, нескольких ребят у нас забрали. Из-за этого в этом году в некоторых населенных пунктах зиму переживали с ужасом, было некому работать» (глава поселения №4 окружения райцентров).

Другие главы окружения райцентров заявили об отсутствии влияния событий последних лет на занятость, но отметили существование ряда проблем, не связанных с ними: большого разрыва в уровне заработной платы работников предприятий поселений; негативного воздействия сетевых магазинов на индивидуальных предпринимателей, не выдерживающих конкуренции с ними и закрывающих свои магазины; кадрового «голода».

«У нас были магазины, которыми занимались индивидуальные предприниматели. Есть те, кто занимается грузоперевозками. Но теперь на территории есть сетевые магазины. Конечно же, мелким точкам их уже не перебить. <...> Просто людей не устраивает зарплата. <...> Самая высокая зарплата на птицефабрике сейчас – 40 тысяч рублей. Люди уже хотят больше зарабатывать. Тем более это очень тяжелый труд. <...> Сейчас самая большая заработная плата, наверное, у тех, кого берут по специальности на «Северстали», но у них там хороший отбор» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Только если “голод” кадровый. Кадров нету. Была бы рабочая сила, так дальше бы больше развивалось. Тем более молодежь уезжает. <...> Как у нас было все хорошо, так и осталось все хорошо. Пандемия и не пандемия не внесли никакие изменения. Точнее, не повлияли такие факторы» (глава поселения №2 окружения райцентров).

Главами отмечались также проблемы несоответствия между запросами работодателей и ожиданиями (потребностями) потенциальных работников, что приводит к ситуации одновременной нехватки кадров при высоком предложении труда, а также к сложностям во взаимодействии работодателей и работников.

«... это нехватка кадров на сельских территориях, хотя люди есть. С одной стороны, не хватает рабочих мест, но абсолютно все работодатели говорят, что им нужны кадры. При этом люди говорят, что работы нет. Наверное, есть несоответствие запросов работодателя и работника: ожидания работника, его компетенции не соответствуют требованиям работодателя. Хотя бывало, что мы занимались сведением работника и работодателя, тоже был положительный опыт. Как ни странно, к нашему предпринимателю по деревообработке ездят работники из районного центра, и одновременно практически такие же работники, таких же профессий, наоборот, ездят в районный центр работать. Где-то произошла заминка, они не смогли найти друг друга, договориться» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Главы поселений районной периферии оценивают ситуацию в сфере занятости либо как стабильную, либо как сложную, при этом влияние пандемии на занятость чаще всего отрицается, тогда как признается значимой роль геополитической ситуации, выражающаяся в нарушении каналов сбыта продукции и потере прибыли предприятиями лесной отрасли, приостановке деятельности самых мелких из них, которые не смогли приспособиться и переориентироваться на другие страны. В результате произошли сокращения персонала мелких предприятий лесозаготовки и лесопереработки.

«... на фоне спецоперации упала закупочная цена на лесоматериалы, от этого наши производители стали терять прибыль» (глава поселения №1 районной периферии).

«Пандемия еще не так повлияла, но геополитическая ситуация, конечно. Лесозаготовки у нас сейчас стоят. <...> Нет сбыта продукции. Когда я у них спрашивала, что вроде как логистическую цепочку в Китай наладили, то они говорят, во-первых, это далеко все-таки, а, во-вторых, у них нет выхода <на эти страны>, они мелкие предприятия. И помощи им в этом нет <...> У нас через центр поселения как раз идут все лесовозы, если раньше они без перерыва и днем, и ночью ездили, то сейчас их очень мало. В этот год совсем мало везут леса. Даже по этому признаку уже можно сделать вывод, что отрасль в упадке» (глава поселения №5 районной периферии).

Несмотря на в целом благоприятные формальные показатели занятости (например, уровень безработицы), в поселениях районной периферии существует ряд других проблем, напрямую не связанных с последствиями ухудшения геополитической ситуации. В частности, речь идет о нехватке рабочих мест, сложностях с трудоустройством отдельных категорий населе-

ния, низком уровне заработной платы и об отсутствии социальных гарантий на частных предприятиях, о низкой трудовой мотивации населения, об оптимизации на предприятиях бюджетной сферы.

«Ситуация на рынке труда нормальная, по официальным цифрам безработных меньше 1%, но по факту их больше, многие не хотят работать или не могут работать. Есть вот даже женщины, которые не могут устроиться несмотря на то, что есть потребность в кадрах» (глава поселения №1 районной периферии).

«Проблем много. Это и низкая заработная плата. Эти же предприниматели, организации, они же стараются платить как можно меньше, и нет у них никакого соцпакета. И работы не так много, как хотелось бы. Выбор невелик. Но и те, которые трудоспособные, не пытаются сильно работать. Они сидят на шее родителей-пенсионеров, нет желания никакого у них работать. Много приезжих у нас работает даже с того же районного центра. <...> Для нашей территории ничего не изменилось <под влиянием пандемии и геополитической ситуации>. Какие были проблемы, так всё и осталось. Ни в худшую, ни в лучшую сторону не изменилась» (глава поселения №3 районной периферии).

«В социальной сфере идут сокращения, потому что в школах мало детей, и вообще население сокращается. Три библиотеки у нас на территории работают только 3 дня в неделю, почтовое отделение тоже переводят <на неполную рабочую неделю>. У нас 3 почтовых отделения, если раньше они работали по целому рабочему дню, то теперь переведены на сокращенный режим. Две почты работают по 3 дня, еще одну почту перевели на 4 рабочих дня, а сейчас собираются закрывать 2 почтовых отделения» (глава поселения №5 районной периферии).

Как отмечалось ранее, уровень диверсификации производственного сектора снижается от районных центров и их окружения до районной периферии. Это отражается и на структуре занятости населения. В районных центрах и поселениях их окружения основными работодателями выступает широкий спектр предприятий лесозаготовки и деревообработки, пищевой промышленности, сельского хозяйства – растениеводства и животноводства, в том числе переработки их продукции, а также предприятий торговли, транспорта (железной дороги), распределения газа (компрессорные станции), социальной сферы (здравоохранения, образования), культуры и туризма. Часть глав подтверждают изменение структуры занятости за последние пять лет, другие же, напротив, говорят о ее стабильности.

«... это железная дорога, компрессорная станция и леспромхоз. Изменения за последние 5 лет, конечно же, есть. Во-первых, у нас увеличилось количество сетевых магазинов, но в то же время это повлияло на частную торговлю в нашем

городе. Допустим, раньше было райпо <потребительское общество>, а теперь оно вообще закрылось. Сетевые магазины вытеснили частников» (глава районного центра № 1).

«Есть пилорама. <...> Есть теплосеть, пожарка, школа, больница, Дом культуры, Администрация. <...> Структура остается стабильной. Если 5 лет назад работало столько людей, столько-то рабочих мест было, так они никуда и не делись. Они так и остаются. Если только летом больше надо кому-то что-то построить» (глава поселения № 2 окружения райцентров).

В поселениях районной периферии разнообразие сфер трудовой деятельности заметно сокращается, чаще всего ограничиваясь лесной отраслью, сельским хозяйством, бюджетной сферой, сферой услуг и торговли. В некоторых случаях отмечаются изменения структуры занятости, связанные с сокращением числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых в поселении. Кроме того, главами констатируется факт приостановки строительства новых предприятий под влиянием внешнеполитической ситуации.

«Да, предприятия лесозаготовительные и социальная сфера, сфера услуг, в основном – торговля, магазины. <...> ... магазинов становится меньше, в отдаленных деревнях они закрываются, переходят на выездную торговлю» (глава поселения №1 районной периферии).

«Понятно, что мы от всех вдалеке. Это лесная и лесоперерабатывающая отрасль, более-менее 2 пилорамы есть. Сельскохозяйственная отрасль немного представлена. <...> Может, меньше частников осталось, которые работали сами на себя из-за такой ситуации. Сейчас более сложно предпринимателям работать, тем более самозанятым. Думаю, они просто отошли от дел или перешли к кому-то так работать или просто занимаются своими делами» (глава поселения №3 районной периферии).

«Рабочие места дает колхоз, у них порядка 25 человек вместе с сезонными. Потом у нас здесь работают и расширяют базу именно по углубленной переработке леса. Есть пилорамы. В районном центре леспромхоз. Они тоже завод собирались строить в районном центре. Сейчас в связи с геополитической ситуацией это пока приостановлено» (глава поселения №4 районной периферии).

Тем не менее в отдельных случаях наличие в поселениях районной периферии крупных градообразующих предприятий, в частности сельскохозяйственных, обеспечивает стабильную структуру занятости, что положительно сказывается на развитии поселения в целом.

«Все-таки у нас есть градообразующее предприятие – колхоз, который дает большую часть сельхозпродукции всего района. Это крупное предприятие на уровне области, оно практически по всем показателям входит как минимум в 20-ку по надоям. Соответственно, и много людей занято там. <...> Также во втором по величине селе есть филиал второго крупного колхоза. Там то же самое. Примерно так же они помогают трудоустроить людей. <...> у нас есть развитое сельскохозяйственное производство, где стабильно люди обеспечены рабочими местами. <...> Есть обрабатывающие производства и, естественно, т. н. бюджетники – это наши учреждения культуры, образования, здравоохранения. <...> Нет, структура занятости не менялась» (глава поселения №2 районной периферии).

Трудовая миграция и ее причины. Отечественные исследования отдельных муниципальных районов Нечерноземья показывают, что часть трудоспособного населения работает вахтовым методом в городах и других регионах, фактически не проживая на территории сельских районов. Доля такого населения варьируется в зависимости от особенностей географического положения и социально-экономической ситуации: от 1/3 до 1/2 трудоспособного населения [Аверкиева, 2013: 110]. Большинство опрошенных глав районных центров отмечают, что в их поселениях встречаются практики вахтовой трудовой миграции. Среди причин данного явления называются нехватка работы, низкая заработная плата в месте жительства и ее более высокий уровень в местах приложения труда, а также стремление населения повысить свой уровень благосостояния. Однако в ряде случаев временная трудовая миграция трансформируется в безвозвратную, когда работник «оседает» в месте приложения труда.

«Распространено <явление выезда на заработки за пределы населенного пункта>. Люди выезжают. Работают вахтой, уезжают на временные заработки. <...> На железной дороге нужно пройти медицинскую комиссию, но кто-то не может там работать, они уезжают вахтой и получают большую зарплату. На селе вообще работы сейчас нет. <...> Если уезжают, то либо снимают жилье, либо покупают, т. е. там <в месте приложения труда> остаются. Так, чтобы приезжать на выходные, где они будут там жить? Да, выезжают и живут там» (глава районного центра №1).

«Я знаю, есть такие. В основном на стройки выезжают на какие-то крупные. Работают вахтовым методом, за «длинным рублем» ездят. Есть сезонные выезды, на период летний, допустим, где-то дома рубят. Там уже мелкие такие сплоченные бригады в районе Москвы, в основном там они работают. <...> Все равно у нас здесь недостаточно высокая зарплата. Если брать, например, в сравнении с регионами Москвы и Санкт-Петербурга. И поэтому они на вахту выезжают, месяца три

работают, потом пару месяцев здесь живут. Заработают достаточно много по сравнению с месячной зарплатой у нас здесь и потом отдыхают. Это, наверное, главная причина, что сразу и много получают» (глава районного центра №2).

«Жители выезжают за пределы поселения не только на временные, но и на постоянные заработки, ключевая причина – отсутствие рабочих мест, низкий уровень заработной платы» (глава районного центра №3).

В большинстве поселений окружения районных центров широко распространена временная трудовая миграция. В одних наиболее популярны маятниковые выезды на работу в районный центр или в ближайшие крупные города, тогда как в других – более длительные вахтовые трудовые миграции. Главный фактор и маятниковых, и вахтовых трудовых миграций – более высокий уровень заработной платы в местах приложения труда.

«У нас ведь многие работают на «Северстали», зарплата там повыше. Многие ездят каждый день домой на машинах. До Череповца у нас за полчаса можно доехать. <...> За пределы, конечно, выезжают. Есть те, кто вахтовым методом ездит, но их не особо много. У нас население оседлое, все у себя дома работают» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Естественно, уровень зарплаты влияет. Где больше платят, туда люди и идут. Едут во все направления. <...> У нас районный центр рядом. В 8 утра уехали, рабочий день там и обратно» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«У нас очень сильно развит вахтовый метод. Люди, которые работоспособны, уезжают вахтовым методом. Тут на территории не заработаешь. Ездят на Север, в Москву, в Подмосковье. В зависимости от того, кто на какого работодателя выйдет. У нас, например, самый северный населенный пункт <в пределах поселения> расположен рядом с железной дорогой, поэтому там миграция есть в Кировскую, Архангельскую области. <...> Есть те, кто возвращается, у кого семья здесь. Естественно, они съездили, поработали, вернулись, немного отдохнули, уехали. Но есть семьи, которые просто уехали вообще за пределы» (глава поселения №4 окружения райцентров).

В поселениях районной периферии практики вахтовой миграции встречаются, но не массово. Основные направления приложения вахтового труда – лесозаготовка, дорожное хозяйство, нефтеперерабатывающая промышленность. Жители поселений выезжают на заработки как в пределах региона, так и в населенные пункты других регионов. Однако наиболее распространенным видом миграций, по оценкам глав поселений, оказался безвозвратный отъезд. Главной причиной как временных, так и

безвозвратных миграций выступает больший уровень оплаты труда в принимающих населенных пунктах. Кроме того, в качестве значимых миграционных мотивов главами поселений обозначались такие, как применение навыков, не востребованных на территории своего поселения, поиск более комфортных условий для жизни семьи, в т. ч. более развитой социальной инфраструктуры.

«Массово не распространены, но в летнее время уезжают – кто-то в Москву, кто-то в Вологду на заработки, к нам в лес ездят вахтой. Основная причина – это, конечно, более высокие заработки» (глава поселения №1 районной периферии).

«Есть определенный процент людей, которые действительно выезжают на заработки. Основное направление – это вахтовым методом уезжать в лесозаготовку. <...> Сейчас сохраняется у нас несколько таких активных жителей, которые ввиду того, что они могут заработать больше, чем здесь на месте, уезжают вахтовым методом. Это та же самая лесозаготовка, но таких жителей немного. И плюс что-то связанное с дорожной деятельностью, т. е. конкретно со строительством дорог. Это больше в Санкт-Петербург. Они занимаются на стройках, где могут получить больше денег либо применить свои знания, умения, которые здесь в сельской местности не востребованы. <...> В основном люди постоянно здесь живут, находятся и работают где-то здесь. <...> В районе у крупных лесозаготовителей скорее всего плюс-минус одни и те же условия. А вот крупные холдинги либо, наоборот, какие-то частники из других районов другие условия предлагают. Что дороги, что лес – это зачастую работа не в пределах района, это уже другая область, не только другой район» (глава поселения №2 районной периферии).

«Конечно, выезжают. В основном трудоспособные, молодые уезжают. Здесь они редко появляются, прописанными еще считаются у нас. Регулярно там работают и редко появляются на месте, в деревне. <...> В основном пытаются куда-то ближе к Северу податься, в нефтеперерабатывающую отрасль, те же лесные комплексы более крупные. Также работают у частных. Я думаю, что ничего сверхъестественного они не получают. Но платят им побольше, чем у нас дома. <...> Основная причина – это заработки, более высокая оплата труда» (глава поселения №3 районной периферии).

«Молодежь почти вся уехала. Пара человек есть, которые ездят вахтой. Один ездит в Архангельскую область, а второй работает дальнбойщиком» (глава поселения №4 районной периферии).

«У нас порядка 300 человек зарегистрировано, но работают они в основном в соседнем поселении, в районном центре и в Череповце. <...> Да, миграция есть. Кто-то уезжает с семьями. У нас несколько семей выехали, когда в 2015 году

закрыли в средней школе 10-й и 11-й классы. Это сразу повлияло» (глава поселения №5 районной периферии).

Проблемы оттока населения и трудоустройства молодежи. Существование проблемы оттока молодежи признается главами всех поселений – как районных центров и их окружения, так и районной периферии. В качестве ключевых причин этого явления в районных центрах выступают получение образования и поиск работы, а также невозможность трудоустройства по полученной профессии. По мере движения от районных центров к их окружению и районной периферии спектр мотивов миграции молодежи расширяется: образовательные и профессиональные факторы дополняются неразвитостью социальной и культурно-досуговой инфраструктуры в месте жительства, низким уровнем заработной платы на предприятиях поселения, проблемой нехватки жилья, низкой мотивацией молодежи к тяжелому физическому труду.

«Смотря какая квалификация. Если вы приехали, молодой человек, здоровый, то, пожалуйста, железная дорога. Обучение проводится тут же в районном центре. Иногородним предоставляется жилье. Возможности имеются. Единственное, что такая работа – это нелегкий труд. <...> Наверное, не очень хотят идти работать в машинисты. Это тяжелая работа. Конечно, им <молодежи> хотелось бы сидеть в офисе за компьютером и еще получать большую заработную плату. <...> Хотят в большие города, где больше возможностей, планов, развлечений. Все равно здесь уровень не тот» (глава районного центра №1).

«Отток молодежи, конечно, есть. Наверное, это основная проблема. Едут в Вологду, Ярославль, Санкт-Петербург, Москву. <...> В Череповце многие уже живут, где промышленность более-менее развита» (глава районного центра №2).

«Раньше были династии – родители работают, дети из армии приходят и возвращаются. А сейчас молодежь уже не очень хочет на птицефабрике работать. Я с девятиклассниками разговаривала. Они говорят: «Нет, мы хотим жить в городе, мы сюда не вернемся». <...> Конечно, работа тяжелая, что ни говори. <...> Хотя все автоматизировано, все меняется. Но нагрузка все равно очень тяжелая в животноводстве. Детям, наверное, надо с детства доносить, что каждая профессия важна» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Да, конечно, места для молодежи оставляются и предлагаются во всех заведениях. Молодежь тоже не разубедить на раз-два, что вот вы оставайтесь, поработайте здесь, а потом уже дальше куда-то, наработайте стаж. <...> Им в голову взбрело и погнало – всё, не останешься. Переубедить их трудно» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«Мы проводили такой анализ, пытались выяснить, почему у нас население уезжает. К своему удивлению, пришли к выводу, что только один из трех опрошенных говорил, что ему не хватает заработной платы. Двое из трех сказали, что им не хватает инфраструктуры, средств для отдыха и развития, театров, спортивной инфраструктуры. В нашем случае зарплата оказалась даже не в приоритете, чтобы молодежь оставалась» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«Молодежи практически нет, она уезжает, т. к. нет рабочих мест. <...> У нас, честно говоря, вообще ничего нет. Мы же понимаем требования молодежи. Во-первых, нужна развитая инфраструктура. А у нас что? В некоторых деревнях нет интернета, жилье неблагоустроенное и т. д. Нам даже предложить особо нечего. Численность населения небольшая, поэтому специалисту может быть даже скучно работать, неинтересно. Вот мы со своей стороны делаем все возможное, чтобы он остался – привозим, увозим, помогаем, консультируем, выбиваем где-то что-то, что можем. <...> Требования у молодежи другие. Есть единицы, которые наслаждаются, когда выходят на улицу, где летают комары и мухи, тепло, травка. Молодежи нужны клубы, «тусовки», «движуха», спортзал. У нас ничего этого нет» (глава поселения №4 окружения райцентров).

«Естественно, такая проблема есть. В плане молодежи происходит определенное замещение, т. е. дети коренного местного населения в большинстве случаев, заканчивая учебное заведение, остаются в городах, а на смену им на работу в этот же колхоз приезжают молодые люди, девушки, семьи из других районов, потому что там есть чем заняться. <...> Причин отъезда молодежи несколько. Основная – молодежь, которая целенаправленно выбирает направление учебного заведения (например, медицина – учатся в Ярославле, Архангельске, Санкт-Петербурге), бывает, по распределению остается где-то, может быть, в районе. Вряд ли в поселении нужны специалисты такого уровня, узкого профиля. Много таких специальностей, связанных с металлом, обработкой и т. д. У нас нет соответствующих вакансий, чтобы выпускникам предложить трудоустроиться. <...> Здесь у нас профиль относительно узкий – лес, сельское хозяйство, может, еще что-то. Не так много людей, получив образование, обратно возвращаются. <...> Поэтому есть отток молодежи. Но, я считаю, что он еще у нас не носит катастрофический характер» (глава поселения № 2 районной периферии).

«Естественно, молодежь у нас за пределами работает – или в районном центре, или в Череповце, Вологде. <...> Возьму пример своего сына. Он у меня отучился, закончил, отслужил в армии в 2010 году. Он очень хотел остаться дома, но где ему работать? Он электрик по образованию. Я ему сразу сказала, что делать здесь нечего. Например, если семью создавать, то надо строить дом. Но это, во-первых,

дорого. И хотя у нас есть земельные участки, и мы бы выделили без проблем (в то время выделили бы), но оставаться здесь и потом пьянствовать. Зачем? Сразу было сказано так. Теперь он у меня в Череповце. Дочь у меня – фельдшер, тоже в Череповце, потому что здесь на данный момент мы фельдшерами обеспечены. Когда я ей сказала переехать в районный центр, она мне ответила: «Мама, здесь даже кинотеатра нет, нет хорошего тренажерного зала». <...> Негде жить. У нас в одном из населенных пунктов поселения требуется специалист, но, опять же, зарплата. Думаю, что она там мизерная. <...> Сами подумайте, кто поедет из молодежи. Из развлечений только на почту сходить 3 раза в неделю» (глава поселения №5 районной периферии).

Распространенность практик неформальной занятости и самозанятости. Главы районных центров признали существование на территории их поселений как неформальной занятости, так и практик самозанятости. При этом отмечается тенденция роста числа самозанятых при одновременном сокращении числа занятых в теневом секторе экономики. В основном самозанятые предоставляют бытовые, финансовые и юридические услуги, тогда как без оформления чаще работают люди ремесленных специальностей.

«Есть и самозанятость, и неформальная занятость. Последний год больше стали переходить на самозанятость, т. е. «выходить из тени». Так проще становится. Те же предприниматели, которые занимались какими-то бытовыми услугами, стараются «выйти из тени» и становятся самозанятыми. Платят меньше налогов. <...> Наверное, в связи с тем, что появилась самозанятость, уменьшается количество людей, которые работают без оформления. По конфликтам из-за «серых зарплат» к нам не обращаются. Например, на железной дороге 100% оформление идет. Нюансы случаются только у частных. Там, может, и оформляют, может, и не указывают зарплату в договоре...» (глава районного центра №1).

«Самозанятость у нас распространена достаточно широко, особенно в этом году очень много людей зарегистрировалось. У нас, если не ошибаюсь, где-то около 70 самозанятых за полгода фактически зарегистрировалось. <...> Есть парикмахеры. В основном это сфера услуг, швеи, может быть, какие-то удаленные самозанятые есть, например бухгалтеры, юристы, риэлторы. <...> Наверное, и такое есть <случаи неформальной занятости>. В основном работают без оформления кузнецы, сварщики, мастера штучных дел» (глава районного центра №2).

В поселениях окружения районных центров практики неформальной занятости и самозанятости либо практически не встречаются, либо, напротив, получили довольно широкое распространение. Главами также отме-

чается тенденция сокращения численности работников теневого сектора. Во многом этому способствуют как малый размер поселений и, следовательно, более высокая вероятность обнаружения неформально занятых, так и деятельность администраций поселений по легализации занятости (например, рейды на предприятия). Практики самозанятости распространены преимущественно в сфере услуг и строительстве.

«Может, и есть, но не очень развито. Может, кто-то так и работает. Я вижу, например, бабушки торгуют. Уж оформлены они или нет? Если оформляться, то, по-моему, надо платить 4% в год. Особо не слышно о таких. Все стремятся сейчас устроиваться, как мне кажется, на предприятия. Малый бизнес. У нас были магазины, которыми занимались индивидуальные предприниматели. Есть те, которые занимаются грузоперевозками» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Населенный пункт маленький, все равно все друг друга знаем, скрывать им тоже нет смысла. Какая там неформальная занятость. Естественно, они знают, что, если у меня работает человек 3 недели, его не будет никто куда оформлять. <...> Те, кто на постоянной основе, они все оформлены, конечно. <...> Есть только ИПшники, ребята, которых на пальцах можно перечислить, 4–5 человек. Молодых, что вчера-сегодня начали работать с нуля, нет таких» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«По вопросам неформальной занятости мы регулярно проводим рейды. У нас неформальной занятости нет. На пилораме все официально устроены, в сфере торговли – тоже. А по поводу самозанятых, то у нас это как-то так не развито. <...> У нас вообще нет таких, кто по налоговому режиму. На сегодняшний день нет такой сферы, где бы можно было себя реализовать. У нас есть 2 крестьянско-фермерских хозяйства. В этом году они закупили по программе бычков, развиваются, но они все официально оформлены» (глава поселения №4 окружения райцентров).

«Я думаю, что есть <практики самозанятости>. Сейчас в рамках района мы увидели, что у нас 400 самозанятых. К сожалению, мы пока не понимаем кто это. <...> Ну, а неформальная занятость, может быть и не такая большая, но она есть. Это сфера услуг дачному населению, строительство, уход за домашним хозяйством, в туризме есть определенное количество неформальной занятости. Лесная отрасль достаточно сильно подтянулась, вызываем периодически на комиссии, пооформляли они своих сотрудников, но также знаем, что есть у них сотрудники пенсионного возраста, которые работают неформально» (глава поселения №3 окружения райцентров).

В поселениях районной периферии практики самозанятости встречаются редко. В основном это работники в сфере услуг населению, торговли, дорожного хозяйства (ремонта и обслуживания дорог). Занятость в теневом секторе экономики также широко не распространена, однако такие случаи чаще встречаются на предприятиях лесной отрасли, что обусловлено более высоким уровнем «серой» заработной платы. Тем не менее главы поселений районной периферии отмечают тенденцию снижения уровня неформальной занятости, что связано с активной политикой по легализации трудовых отношений (рейды, санкции в отношении предприятий).

«Самозанятые присутствуют, около 10 человек. Неформальные работники, что греха таить, тоже есть. Есть и неформальные предприниматели, делают это, чтобы не платить налоги. Мы проводим мероприятия, чтобы их легализовать» (глава поселения №1 районной периферии).

«Самозанятость у нас, конечно, не носит массовый характер, как и сам переход на этот формат или систему налогообложения. Есть у нас самозанятые, но их совсем немного. Потому что люди не совсем еще готовы, чтобы оформляться официально, платить налог и т. д. <...> А вот именно по неформальной занятости я не могу какой-то критерий четкий выбрать, отнести человека к ней. <...> Таких людей, кто бы занимался чем-то постоянно и при этом не оформил бы ИП и самозанятость, таких, пожалуй, не представлю. Все, кто более или менее стабильно занимается определенной деятельностью, теми же косметическими услугами, что-то продают, магазины и т. д., они все оформлены официально. <...> Сельское хозяйство – это, наверное, одна из самых прозрачных в плане бухгалтерии и доходов сфер деятельности. <...> Раньше, конечно, было больше среди таких людей, которые занимались лесом. Практически вся территория района в плане заготовки леса отдана в аренду крупным «игрокам», официальным ООО. Раньше было очень популярно, люди нанимали бригады, заезжали в лес, брали эти делянки, зарабатывали неплохие деньги, но они и то были кто ИПшник, кто имел патенты. Т. е. даже в этих случаях они были оформлены. Понятно, что платили людям деньги, но ни в какой штат их не включали, не отражали, что у них работают 3 или 4 человека. Эта практика ушла. Сейчас это невыгодно, рискованно. И это, наверное, было последним таким массовым занятием, как раз связанным с лесом» (глава поселения №2 районной периферии).

«У нас на территории один самозанятый. <...> Есть дорожная сеть, которую мы должны обслуживать. Он <самозанятый> очень хорошо в этом помогает. Купил себе трактор, грейдер, экскаватор. Моему территориальному отделу очень сложно найти технику. Объявлений много, но все занято. Теперь не надо никуда

обращаться. Самозанятый работает. Он и лодочную переправу обслуживает. <...> Я, конечно, знаю, что есть <случаи неформальной занятости>, но их не очень много. Обычно по договорам работают. Мы тоже работаем по легализации. У нас есть участковый, который закреплен на нашей территории. Периодически мы делаем рейды. Через какое-то время предприниматели сами звонят и говорят, что кого-то устроили. Они сами понимают, что это не очень хорошо и большие санкции против них будут» (**глава поселения №4 районной периферии**).

«Есть, конечно, лесозаготовители, они не бюджетная сфера. Мы всех оформляем: и временных работников, и постоянных. А у лесозаготовителей это <практики неформальной занятости> есть. <...> Я так понимаю, инвалидам, если они начинают работать официально, уменьшают пенсию. Или они работают неофициально, когда сами этого хотят. Там разница в 3000 рублей, если, например, 9000 рублей человек получает, а 3000 ему не дадут. У нас есть и пьющие, ведущие асоциальный образ жизни. Их, конечно, стараются вообще официально не устраивать, потому что он сегодня пришел, завтра не пришел. Есть и те, кто нормальные, но не трудоустроены. Но официальных данных у нас нет, просто так узнаем друг про друга. Ну и зарплата, конечно, официально у предпринимателей «минималка», а в действительности получают в разы больше. Это везде есть на территории. И не только у нас, это по всей России» (**глава поселения №5 районной периферии**).

Отсутствие практик самозанятости в поселении в некоторых случаях объясняется оттоком молодежи, нехваткой самостоятельных и инициативных людей, а также отсутствием перспектив развития.

«Нет, у нас самозанятых, можно сказать, нет. Да и некому сильно работать. Нет таких самостоятельных людей сейчас, не осталось молодежи. Они в основном все уехали, потому что чувствуют, что здесь нет никакого смысла оставаться, работать. Просто ничего не заработать, негде работать, нет такого разбега» (**глава поселения №3 районной периферии**).

Удаленная занятость и возможности ее развития. В мнениях глав поселений прослеживается взаимосвязь оценок ситуации вокруг удаленной занятости с характеристиками потенциала цифровизации. В районных центрах и поселениях их окружения встречаются практики удаленной занятости, а развитие и тиражирование подобного формата работы многими главами признается достаточно перспективным направлением. Однако в ряде случаев существуют проблемы, препятствующие развитию удаленных форм занятости, связанные либо с техническими проблемами (перебой с интернет-соединением), либо с их невостребованностью в поселении. В качестве решения проблем в данном направлении в основном называ-

ется создание необходимой инфраструктуры и усовершенствование старой. Некоторые главы поселений считают цифровизацию одним из инструментов развития сельских территорий, его «драйвером».

«У нас таких вакансий не поступало, но так кто-то работает, но единицы. Мне кажется, у нас со связью проблемы. Для той же удаленной занятости нужен хороший интернет. В самом районном центре все более-менее, но в селе есть проблемы. <...> Поэтому все люди в районном центре, в округе, стремятся найти любые пути. Неформальная занятость, удаленной работой сейчас многие занимаются. Заработать больше денег – все упирается в это. <...> Нужно устранить некоторые проблемы, т. к. перебои связи и интернета бывают. Это решаемые проблемы: нужно построить дополнительные вышки, приемники. И удаленная работа как вариант» (глава районного центра №1).

«Возможно на территории есть люди, которые работают удаленно. <...> Анализ рынка занятости района демонстрирует отсутствие потребности в этих профессионалах» (глава районного центра №3).

«Некоторые молодые удаленно работают. Уж не знаю, зарабатывают они там, не зарабатывают. В каких-то, может, компаниях. <...> Например, в Москве какой-то медицинский центр открывается, и она <удаленный сотрудник> по Москве ищет, ей нужно набрать персонал. Вот такие бывают, но их не особенно много» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Знаю несколько семей, образованных, одна девушка работает на «Северстали», по-моему, в бухгалтерии, вот уже несколько лет. Причем «Северсталь» просит ее остаться удаленно работать, она успешно содержит семью на данной работе. Также есть у нас специалист в области IT-технологий, молодой человек. Тоже работает дома удаленно. Здесь, наверное, многое зависит от качества связи, интернета. В целом в центральных усадьбах она на достаточно хорошем уровне. А ребята в свою очередь получили соответствующее образование. И мы рады, пусть они работают не на нашу территорию, а на другую, но, тем не менее, они живут здесь, водят детей в наш садик, в нашу школу, продукты покупают в нашем магазине. <...> Я думаю, что удаленная работа – это один из очень важных, серьезных инструментов спасения сельской территории. <...> Надеюсь, удаленная работа по-хорошему «взорвет» сельскую территорию и наладит нам демографию» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Отдельные главы не видят перспектив развития удаленной занятости, что объясняют проблемами нехватки молодежи и ее оттока из поселения, а также неготовностью представителей старшего поколения к подобным формам занятости.

«Допустим, проведут интернет, молодежи-то вообще нет. Пожилые уже не будут срываться с места, чтобы искать какую-то работу. А молодежь, если уж ей надо будет, уедет в города и найдет» (глава поселения №4 окружения рай-центров).

В поселениях районной периферии удаленная занятость встречается крайне редко или вовсе не распространена, что обусловлено либо неразвитостью необходимой инфраструктуры (оптоволоконной, мобильной связи), либо неготовностью населения к работе в подобном формате, либо демографическим фактором (недостаточной численностью и старением населения, нехваткой молодежи).

«Возможности имеются, но население ими не пользуются. <...> Вот моя дочь учится в Ярославле, когда приезжает, работает в интернете. Да и другие студенты тоже используют, но единицы, это те, у кого есть знания и возможности» (глава поселения №1 районной периферии).

«В малой, в очень малой степени это используется населением. Как я вижу основную причину. По «удаленке» у нас в основном работают все-таки более современные, молодые люди, которым помимо зарплаты хочется каких-то развлечений, досуга и т. д. Были у нас случаи, когда в семье один человек работает где-то в бюджетной сфере, а второй – на постоянной основе работает удаленно, IT-специалист. Они даже одно время хотели найти помещение, чтобы разделять дом и работу, чтобы уже была какая-то смена обстановки. Но не так давно эта семья уехала. Или это делается как-то скрыто <удаленная работа> или, может, это какая-то подработка в виде оплачиваемого хобби, например помощь в заполнении декларации. А вот так, чтобы человек был оформлен на постоянную работу, я такого не представляю» (глава поселения №2 районной периферии).

«На данный момент нет, потому что у нас нет даже мобильной связи на территории поселения. Но в этом году планируется установка мобильной вышки. Я думаю, возможность появится. Но если никого нет <населения, молодежи>, кто будет этим заниматься?» (глава поселения №3 районной периферии).

«У нас сотовая связь есть только в крупных населенных пунктах. Как раз в этих трех населенных пунктах стоят вышки «Билайна» и «Мегафона». К нам женщина из Питера приехала за свекровью ухаживать. Там неустойчивая связь. Она мне претензии высказывала, что я не принимаю никаких мер, чтобы она удаленно работала. Кто-то бы, может, и хотел работать, но у нас нет такой возможности – связь плохая, неустойчивая. В отдаленных деревнях ее вообще нет. Нет возможности у всех установить, очень много заявок люди подают в «Ростелеком». Там что-то с кабелем. В общем, проблемы есть. Желаящие, думаю, тоже бы были. Пусть немного их, но были бы» (глава поселения №5 районной периферии).

4.3.3. Регулирование сферы занятости на уровне поселений

Спрос на рабочую силу и каналы поиска работников. Во всех поселениях вне зависимости от их принадлежности к районным центрам и расположения по отношению к ним отмечается высокая потребность в работниках разных специальностей. Наибольшим спросом пользуются медицинские специалисты, учителя общеобразовательных школ, квалифицированные работники предприятий лесного и сельского хозяйства, транспорта, распределения газа, разнорабочие. Примечательно, что в условиях кадрового «голода» предприятия используют трудовой потенциал извне, привлекая работников не только соседних поселений и регионов, но и других стран, в частности Средней Азии. Исследования подтверждают возросшую роль международной миграции в воспроизводстве сельского населения страны, а также его трудового потенциала. Так, Л.Н. Липатова доказывает, что единственным фактором, оказывающим положительное воздействие на демографическую динамику в сельской местности России, является международная миграция, сокращение масштабов которой вследствие пандемии COVID-19 незамедлительно сказалось на сокращении населения и трудовых ресурсов сельских территорий [Липатова, 2022: 172].

«Это, естественно, образование – требуются учителя. Это медицина. Железная дорога требует машинистов и помощников машинистов. На компрессорную станцию требуются определенных специальностей электромонтеры» (глава районного центра №1).

«Если посмотреть по вакансиям, то нужны рабочие различных профессий на всех предприятиях, руководители среднего звена, мастера и т. д. Еще у нас очень большой недокомплект в полиции, порядка 13–14%. Это очень много» (глава районного центра №2).

«В сфере занятости предприятиям сейчас нужны электрики. <...> Сейчас везде автоматизация. Нужны работники КИПиА <контрольно-измерительных приборов и автоматики>. Приглашают даже тех, которые на пенсию вышли, потому что работников нет. Даже на птицефабрике» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Во всех сферах нужны. Что водители, что пожарные, что операторы теплосетей, что разнорабочие, плотники. Естественно, не каждый день это требуется. <...> Долго не могли найти водителя в пожарную часть, учителей» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«Наверное, как и у всех остальных территорий, – это медицина, в которой сильный провал сейчас. У нас центральная усадьба вообще без фельдшера. Далее – образование. Да, там это не так чувствуется. Если был один медработник, и он ушел, понятно, что это сразу 100% снижение. А в образовании, если работает 20 человек и одного не хватает, то процент уже другой, но все равно чувствуется нехватка учителей. Деревообработка тоже говорит, что сложно привлечь даже неквалифицированные кадры. В туристическом комплексе местных работает 100 человек, и это 20% от всего коллектива, остальные даже не из нашего региона, со всей России» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«Нам не хватает фельдшеров в ФАПы. На почте у нас есть вакансии, почтовые работники требуются. В сельском хозяйстве. Есть предприниматель, который из районного центра приезжает, картофелем занимается, так у него элементарно не хватает хороших механизаторов. На пилораму необходимы рамочники, станочники. В школах тоже есть вакансии» (глава поселения №4 окружения райцентров).

«Все востребованы – медики, учителя, как везде, трактористов и шоферов не хватает. Даже в магазинах есть вакансии. Есть женщины среднего возраста, которые могли бы работать, но они не могут, т.к. везде компьютеры, ответственность, им не хватает знаний. Для отделения Сбербанка тоже не можем найти сотрудника» (глава поселения №1 районной периферии).

«Всегда колхозу требуются специалисты – инженеры, зоотехники, т. е. специалисты с высшим образованием, желательно с опытом каким-то, с пониманием, для звена специалистов, непосредственно руководящих производственными процессами. В этой среде как раз-таки существует определенная «текучка» кадров. Приезжают молодые ребята с Академии <Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина>, на практики остаются. Часть из них здесь оседают, строят дома, продолжают работать, жить, становятся частью поселения. А часть ребят дорабатывают до какого-то времени и уезжают. <...> В образовании люди тоже нужны, есть определенная потребность. Я не могу сейчас точно сказать, какого направления педагоги нужны, но обычно у них несколько вакансий существует. Плюс у некоторых педагогов уже пенсионный возраст или предпенсионный, и они могут уйти. <...> А так у нас более-менее обстановка стабильная, наверное, самая острая потребность как раз в нашем колхозе» (глава поселения №2 районной периферии).

«Нужны водители, трактористы, все, кто связан с лесом, с сельским хозяйством» (глава поселения №3 районной периферии).

«Когда я пришел сюда работать 10 лет назад, у меня в штате было 7 человек: и землеустроитель, и заместитель, и бухгалтер, и специалист по воинскому учету, и так далее. Сейчас остались я, начальник территориального отдела, и водитель. У меня была заместитель, которая в этом году сменила должность, стала менеджером. Населения осталось не так много, территории сокращаются. <...> В деревнях живут по 3–5 человек. Я понимаю, что большой штат в таких населенных пунктах уже не нужен. Если бы приезжали сюда люди, строились дома, то, конечно, нам были бы нужны специалисты. А так, думаю, справляемся и вдвоем. Еще удаленно работает специалист по бухгалтерскому учету» (глава поселения №4 районной периферии).

«У нас требуются разнорабочие лесозаготовителям на пилорамы. <...> Продавец нам нужен в магазин. На ферму, в колхоз нужны доярки. Заведующая фермой нужна. Сами предприниматели, которые пилорамами занимаются, они то из районного центра привозят работников, то из соседнего сельского поселения, то работников из стран Средней Азии» (глава поселения №5 районной периферии).

Основными институциональными проводниками и посредниками на современном рынке труда выступают государственные службы занятости, частные агентства занятости, информационные базы, порталы, центры и СМИ, консалтинговые службы, центры трудоустройства выпускников при вузах [Селиванова, 2016: 261]. На рынке труда действуют и неформальные каналы трудоустройства, такие как интернет и система социальных сетей, включающая личные связи и знакомства (т. н. социальный капитал) [Свинухова, 2022: 1743]. При этом исследования фиксируют тенденцию роста доли неформальных каналов в привлечении соискателей [Свинухова, 2022: 1745].

В районных центрах, поселениях их окружения и районной периферии для поиска работников применяются как формальные каналы (государственные службы занятости, информационные порталы и официальные СМИ, администрации поселений, службы сопровождения трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования), так и неформальные (интернет-сообщества, социальные сети, личные связи и знакомства). Однако их вклад, как и эффективность, оцениваются главами поселений по-разному. Одни признают равнозначной роль и официальных, и неофициальных ресурсов. Среди формальных каналов особое значение придается профориентационной работе с выпускниками учреждений профессионального образования (ярмарки вакансий, встречи с руководителями предприятий). В то время как наиболее эффективными способами в рамках неформальных каналов признаются рекомендации знакомых или объявления в сети «Интернет», в т. ч. в социальных сетях.

«Это реклама. Она, конечно, везде сейчас – и в соцсетях, и в прессе. Кадровая служба работает через учреждения профессионального образования, т. е. через техникумы. Через вузы тоже работа налаживается, также «целевиков» выращивают. Я думаю, что они все эффективны. Центры занятости тоже есть, ярмарку вакансий проводят. Здесь все методы хороши» (глава районного центра №2).

«Если ориентироваться на предприятия, то там используются каналы и официальные, и неофициальные. Это обязательно объявления на сайтах («Авито» и так далее). Я бы не сказал, что это эффективно работает. Естественно, вакансии у нас передаются в центр занятости. У них как-то выстроена работа, чтобы шел информационный обмен. Если вдруг где-то люди появляются, то им предлагают работу в колхозе. Именно неофициально все-таки более эффективно получается. Например, приехала семья, у нас здесь работает, и они, обосновавшись, зная местные условия, зачастую советуют или рекомендуют своим родственникам, знакомым, друзьям из той местности, откуда приехали, предлагают им приехать сюда и попробовать свои силы. И таких случаев относительно много. <...> Что колхоз, что культура, что образование приглашают студентов на практику и по окончании практики предлагают, чтобы те по окончании своих учебных заведений возвращались и работали в колхозе. Эта схема, конечно, отработана хорошо, процентов может 30 навскидку. Молодые специалисты, которые у нас появляются, это в основном все ребята, которые проходили практику, познакомились с производством. Ну, и непосредственно руководители, которые сами едут в ту же самую Академию встречаться с ребятами в рамках ярмарок вакансий. Приезжают туда, более углубленно рассказывают о своем предприятии, могут просто прийти в деканат и конкретно обозначить, что нужен инженер. Это точечная, активная работа узнавать о студентах, которые могли бы этим заниматься (встреча со студентами, знакомство). Самое эффективное это, наверное, точечные методы, когда руководитель выезжает из поселения в Академию, знакомится с людьми, знакомит с предприятием и приглашает на работу. Может быть, какие-то еще работают формы в плане объявлений, но они для сельской местности менее эффективны. <...> Поэтому объявление как форма есть, но насколько эффективно, я не уверен» (глава поселения №2 районной периферии).

В других случаях основная роль в поиске персонала отводится формальным каналам. При этом самым распространенным их вариантом выступает обращение в администрации поселений и муниципальные службы занятости.

«Отделение занятости – это в первую очередь. Дальше могут быть и социальные сети, где у нас теперь выкладываются вакансии. Еще «сарафанное радио».

Но все-таки к нам обращается большее количество людей. Мы стараемся им помочь. И работодатели к нам обращаются с вакансиями. <...> Молодежь обращается к нам. Единственное, что молодежи, которая уже получила высшее образование, минимальное число. Это 2–3 человека. Закончили вуз и как-то самостоятельно находят работу» (**глава районного центра №1**).

«И через центр занятости, и через объявления. Объявления были от администрации района, что учителя требовались, водители в пожарку, т. е. это все публично. Стояли мужчины и в центре занятости, и у меня <в администрации поселения>. А так в центр занятости позвонил, все сказал, в любое рабочее время» (**глава поселения №2 окружения райцентров**).

«Для работы с центром занятости можно сделать телефонный звонок через нас. У нас есть списки с вакансиями. У меня у самого на работе проблема с кадрами. Нужен специалист по бухгалтерскому учету. Недавно я сам обращался туда, и мне помогли» (**глава поселения №4 районной периферии**).

Третья точка зрения признает приоритет неформальных каналов поиска работников, в частности рекламы в интернет-ресурсах, знакомств и социальных связей. Самыми популярными его формами являются т. н. «сарафанное радио» и трудоустройство «по знакомству».

«Самый популярный канал поиска – «сарафанное радио», но мы размещаем вакансии и на портале «Работа.ру» (**глава районного центра №3**).

«Я думаю, что все-таки это «народная молва». Меньше всего используются у нас интернет-ресурсы. Да, в силу каких-то законных соглашений мы используем их, публикуем вакансии, те профессии, которые нам необходимы. В основном трудоустройство идет через личные связи» (**глава поселения №3 окружения райцентров**).

«Когда нужен сотрудник – обзванивают, объезжают, «сарафанное радио». Если брать интернет-источники, то ими практически не пользуются. Мы на сайте администрации выкладываем вакансии, но сайтом пользуются далеко не все. Бывают случаи, что нам иногда на официальную почту приходят предложения о вахтовой работе» (**глава поселения №1 районной периферии**).

«Используются такие каналы, которые известны. Это реклама, некоторые рекламу подают. У нас предприниматель подавал заявку, искал еще работников. Но в основном это происходит через кого-то «по знакомству», потому что все друг друга знают» (**глава поселения №3 районной периферии**).

В некоторых случаях отмечаются препятствия на пути трудоустройства как через формальные, так и неформальные каналы. Использование

услуг центров занятости может осложняться их труднодоступностью для населения, особенно для тех жителей, которые не пользуются интернет-ресурсами, а следовательно, не имеют возможности ознакомиться с базами вакансий дистанционно. Эффективность сети «Интернет» в поиске кадров оценивается высоко, однако ее применение признается затруднительным не только вследствие неготовности населения (из-за низкого уровня владения цифровыми компетенциями), но и отсутствия интернет-соединения на территории некоторых поселений.

«Я сам знаю, что в поселок мало кто поедет, за рекой мы. Вот эта труднодоступность кого-то напрягает» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«У нас все далеко, все за рекой. Здесь еще проблема в том, что в большей части поселений нет мобильной связи, интернета. Люди больше через газеты ищут, там бывает вакансии печатают. Кто владеет компьютером, тот через базу центра занятости смотрит. <...> Добраться до центра занятости тоже проблематично, у нас нет постоянного транспортного сообщения. Даже те, кто сокращен, но надо до пенсионного возраста дотягивать, им даже не на что ехать, чтобы в центре занятости регулярно отметки получать. У нас все в этом плане проблематично. Самое лучшее – интернет, но не все люди им владеют. Молодое поколение легко разбирается, а людям, которым за 50 лет, которые вообще никогда с этим не сталкивались, это трудно» (глава поселения №4 окружения райцентров).

Оценка работы муниципальных служб труда и занятости. Опрошенные главы поселений в целом положительно оценивают деятельность муниципальных служб труда и занятости, но при этом отмечают ряд проблем, затрудняющих их работу: нехватку кадров в центрах занятости и их «текучку», как следствие, высокую нагрузку на нынешних работников, недостаточный уровень оплаты труда, ограниченность полномочий в решении проблем занятости, в том числе законодательные барьеры, проблемы организации взаимодействия работников и работодателей.

«В связи с тем, что ввели единую цифровую платформу, очень большие сложности у специалистов – много времени занимает, например, тот же вопрос перерегистрации в новой программе. Ну и, конечно, зарплата у работников составляет МРОТ. <...> У нас много направлений, поэтому один сотрудник отвечает и за общественные работы, и за испытывающих трудности, и с работодателями взаимодействует. Т. е. очень большая нагрузка на одного человека. А у нас всего 4 человека: 3 специалиста и 1 начальник. Если бы хватало работников, то можно было бы глубже погружаться по каждому направлению. <...> Когда к нам посту-

пают обращения граждан, мы не всегда можем помочь. Все наше содействие или решение проблем заключаются в каких-то рекомендациях. Т. е. на законодательном уровне у нас не так много полномочий и финансов, чтобы решать какие-то вопросы» (**глава районного центра №1**).

«У муниципальных служащих сейчас зарплата не очень большая. Специалисты долго не держатся, потому что, поработав здесь, увидев нагрузку и сравнив ее с зарплатой, они реально уходят в бизнес, на предприятия, в организации, где больше заработная плата. У нас средняя заработная плата в колхозе 10 тысяч. Средняя заработная плата у нас – 25 тысяч. <...> Поэтому специалисты не держатся. Остались только старые кадры, молодежь приходит, поработала, опыт наработала и ушла» (**глава районного центра №2**).

«Недавно я встречался с сотрудником службы занятости. Думаю, что компетенции у нее хватает, но не хватает помощников, рабочих рук. Она отвечает и за трудоустройство, и за неформальную занятость, сама без сотрудника работает. Нехватка кадров ей не позволяют развернуться на полную» (**глава поселения №3 окружения райцентров**).

«Тут две разные организации, которые никак не могут друг на друга повлиять. Нужно в основном политическим, законодательным путем решать эти вопросы, чем взаимодействием МФЦ, к примеру, и какого-то предпринимателя. Нет, конечно, они же взаимодействуют все. И запросы подаются для того, чтобы искать работников в свою организацию, предприятие. Но смысл какой? Если эти же работники не пойдут, они знают этого предпринимателя, эту организацию, что он платит мало, никакого соцпакета у него нет. Тут действительно от нас мало что зависит. Даже от МФЦ как от организации» (**глава поселения №3 районной периферии**).

Главы поселений районной периферии помимо вышеперечисленных барьеров также отметили проблемы транспортной удаленности центров занятости для жителей поселения и недостаточной представленности служб занятости в интернете и социальных сетях.

«У нас, может, и стоит в год 1–2 человека <на учете в центре занятости>. На данный момент никто не стоит, потому что все-таки 100–150 км туда проехать, это 1000 рублей нужно на билет, т. е. от нас туда <из сельского поселения в районный центр, где находится центр занятости>. Я думаю, что у них вся информация есть, но ведь к ним надо прийти. Периодически нашу газету просматриваю, но в ней нет информации от центра занятости <объявлений о вакансиях>, а есть уже от самих работодателей напрямую о том, кто и где требуется» (**глава поселения №5 районной периферии**).

Среди направлений повышения эффективности работы служб занятости главы поселений обозначали повышение заработной платы специалистов центров занятости, расширение штата сотрудников, снижение нагрузки на сотрудников, разработку механизмов взаимодействия по вопросам занятости между разными структурами (службами занятости, работодателями, администрациями поселений и др.), в том числе усиление взаимодействия администраций поселений и служб занятости (организация встреч для обмена мнениями и информацией), повышение информационной доступности служб занятости в интернете и социальных сетях (размещение информации о вакансиях в группах администрации района и поселения).

«Хотелось бы и увеличения заработной платы <работников служб занятости>. Чтобы более полноценно работать по каждому направлению, желательно и увеличение штата сотрудников» (глава районного центра №1).

«Как и в любом деле, наверное, стоило бы начать с элементарного обмена мнениями и с встреч. У нас как таковые они особо не организовывались и не организуются. Именно встретиться, поделиться мнениями, узнать проблемы, сложности. Узнать возможности, определенный потенциал у этой же службы занятости, что она может предложить в современных условиях. Может быть, появились какие-то механизмы новые, о которых люди пока еще не знают. Нужно элементарно начать с встреч где-то на уровне совещания, на котором не в «сухом» формате докладов и табличек, а именно живого общения расставить точки «над и», понять наши потребности, наше взаимодействие и возможности службы, сделать какое-то соглашение, условную дорожную карту по пунктам, с чем можем поработать и повзаимодействовать» (глава поселения №2 районной периферии).

«Может быть, нужно наладить какое-то взаимодействие между всеми структурами <работниками, работодателями, службами занятости и др>, надо собраться как-то и решать этот вопрос. Но если это законодательно и правовым способом никак не установлено, то смысл какой?» (глава поселения №3 районной периферии).

«Ведь у нас же есть сайт администрации района и группа ВКонтакте, можно было бы размещать там информацию о том, кто из работников требуется» (глава поселения №5 районной периферии).

* * *

Таким образом, серия интервью с главами городских и сельских поселений модельного региона позволила через призму пространственного фактора оценить не только современное состояние сферы занятости поселений и наблюдаемые в ней тенденции, но и условия и предпосылки ее развития, а также получить представление о практиках регулирования занятости на муниципальном уровне. Исследование подтвердило взаимосвязь социально-экономического положения поселений, в том числе расположения по отношению к культурным и экономическим центрам, с развитием сферы труда: по мере удаления от региональных и районных центров социально-экономическое благополучие поселений снижается, сокращается потенциал цифровизации, что неизбежно сказывается не только на занятости населения, но и на заселенности территорий. По мере движения от районных центров и их окружения к районной периферии заметно сужается спектр направлений хозяйственной деятельности. Периферийные поселения, в которых занятость обеспечивают преимущественно предприятия лесной и сельскохозяйственной отраслей, сильнее всего пострадали от ухудшения геополитической обстановки. В частности, мелкие предприятия лесной отрасли не смогли приспособиться к резкому изменению рынков сбыта, что привело к их закрытию и, как следствие, сокращению работников. Кроме того, в поселениях районной периферии существует ряд проблем, не связанных с последствиями ухудшения геополитической ситуации: нехватка рабочих мест, проблемы с трудоустройством отдельных категорий населения, низкий уровень заработной платы и отсутствие социальных гарантий на частных предприятиях, низкая трудовая мотивация населения, оптимизация на предприятиях бюджетной сферы.

Временная трудовая миграция встречается во многих поселениях вне зависимости от их статуса – в районных центрах, поселениях окружения райцентров и районной периферии. Так, особое значение для жителей поселений приобретают вахтовые трудовые миграции, в основном обусловленные недостаточным уровнем заработной платы и отсутствием работы в месте жительства. Тем не менее в населенных пунктах районной периферии значительно возрастает риск трансформации временных трудовых миграций в безвозвратные.

Существование проблемы оттока населения, особенно молодежи, признается как главами районных центров, так и поселений их окружения и районной периферии. Однако спектр мотивов отъезда расширяется от районных центров к периферии. Если в первом случае он представлен

преимущественно факторами получения образования, поиска работы и невозможности трудоустройства по полученной профессии, то в окружении райцентров и районной периферии к образовательным и профессиональным мотивам добавляются неразвитость социальной и культурно-досуговой инфраструктуры в месте жительства, низкий уровень заработной платы на предприятиях поселения, проблема нехватки жилья, низкая мотивация молодежи к тяжелому физическому труду.

Практики самозанятости наибольшую представленность имеют в районных центрах, однако их распространенность постепенно снижается к периферии. Практически все опрошенные главы поселений заявляли о росте числа самозанятых при одновременном сокращении неформальной занятости, связывая данную тенденцию с невыгодным положением теневого сектора и активными мероприятиями по легализации трудовых отношений. Распространенность удаленной занятости во многом коррелирует с оценками потенциала цифровизации: чаще всего ее практики встречаются в районных центрах и поселениях их окружения, где есть необходимые для этого условия, по мере движения к поселениям районной периферии и ухудшения цифровой инфраструктуры их распространенность заметно сокращается. Однако главы всех поселений в качестве барьеров развития удаленной занятости называли не только технические проблемы, но и неготовность населения к подобным формам трудовой деятельности.

Во всех поселениях вне зависимости от их типа наблюдается проблема кадрового «голода». Для поиска работников применяются как формальные, так и неформальные каналы, эффективность и распространенность которых оценивалась главами по-разному. Некоторыми из них подчеркивалась возросшая роль неофициальных каналов в трудоустройстве жителей поселения, в частности сети «Интернет» и социальных связей. Несмотря на то, что деятельность отделений занятости населения большинством опрошенных глав поселений оценивалась позитивно, ими же обозначался ряд проблем, затрудняющих работу этих органов: в частности, нехватка кадров и их «текучка», высокая нагрузка на специалистов, недостаточный уровень оплаты труда, ограниченность полномочий, проблемы организации взаимодействия работников и работодателей. Для поселений районной периферии к перечисленным проблемам добавляются труднодоступность отделений занятости для населения и их недостаточная представленность в интернете и социальных сетях.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Перспективы занятости населения городов и сельской периферии напрямую связаны с преодолением диспропорций регионального развития, которые оказывают серьезное влияние как на трудовую, так и на повседневную жизнь. В этом плане близость места проживания к центрам притяжения ресурсов выступает одним из важнейших факторов, определяющих образовательные и профессиональные траектории людей. В условиях огромной площади территории России и неблагоприятной демографической обстановки такая ситуация несет в себе множество разрушительных социально-экономических последствий, имеющих непосредственное отношение к вопросам национальной безопасности страны. В частности, это проявляется в деградации трудового потенциала и поляризации системы расселения периферийных территорий даже в сравнительно благополучных субъектах, к числу которых относится и Вологодская область, выбранная нами в качестве модельного региона.

Объективная реальность такова, что обозначенные негативные тенденции являются частью еще более масштабных изменений и не могут быть преодолены быстро. Решение подобных задач требует не только консолидации усилий локального сообщества, но и активной поддержки со стороны региональных и федеральных органов власти. Здесь важно подчеркнуть, что большинство из предложенных в монографии направлений

управленческого воздействия сложно назвать оригинальными, поскольку они уже много лет обсуждаются в обществе. Тем не менее нам представляется важным продолжить дискуссию в этой области, пригласив к ней специалистов отделений занятости населения, а также глав городских и сельских поселений.

Приоритетные меры по решению проблем в сфере занятости в оценках специалистов отделений занятости (ОЗН). Одним из ключевых направлений по преодолению негативных тенденций в сфере занятости является *создание новых рабочих мест*. На это обратили первоочередное внимание сотрудники отделений занятости, находящихся на периферии. Кроме того, они гораздо чаще отмечали важность *реализации промышленных, инфраструктурных и социально значимых проектов*, что, по всей видимости, позволит снизить разрыв в уровне и качестве жизни по оси «центр–периферия» и, как следствие, повысить привлекательность отдаленных территорий. В свою очередь ограниченность ресурсной базы в большей степени требует *развития эффективных механизмов партнерства органов власти, бизнеса и гражданского общества*. Общими для всего региона также называются меры *по содействию занятости уязвимых слоев* (инвалидов, женщин с детьми и т.д.), *расширению социальной поддержки граждан, закреплению молодежи и высококвалифицированных кадров и их семей в родных местах*. Помимо этого, в агломерационной зоне делается акцент на *популяризации рабочих профессий* в силу концентрации крупных промышленных предприятий.

Все остальные меры не столь значимы. Среди них: развитие профессиональных образовательных программ подготовки и переподготовки кадров, совершенствование системы поддержки самозанятости и предпринимательства, усиление профориентационной работы и развитие профсоюзного движения. Отдельно бы хотелось отметить «незамеченное» предложение по повышению производительности труда. Несмотря на актуальность проблемы и заинтересованность государства в ее решении, респонденты отдали предпочтение другим направлениям, что кажется весьма симптоматичным.

Нельзя обойти стороной и рекомендации по улучшению работы государственной службы занятости как одного из ключевых институтов регулирования рынка труда. Будучи непосредственно вовлеченными в деятельность ОЗН, эксперты заявили о необходимости *обеспечения благоприятных условий труда*. Прежде всего, подчеркивалась важность увеличения заработной платы сотрудников, величина которой заметно ниже средней по

региону, вплоть до уровня МРОТ. Высказывались также предложения о *расширении социальных гарантий* (например, частичная компенсация санаторно-курортного лечения). Все это позволит улучшить социальное самочувствие, повысить квалификацию сотрудников, снизить текучесть кадров и т.д., что в конечном итоге позитивно скажется на качестве и объеме предоставляемых услуг. Аналогичных эффектов можно ожидать и при *сокращении бюрократической нагрузки и административных операций*, ставших серьезной проблемой на периферии. Причины этого могут заключаться в наличии скромного штата сотрудников (порой буквально несколько человек), недостаточного для комфортной работы. Нередко возникают ситуации, когда один сотрудник ОЗН выполняет множество самых разных функций.

Не получившая широкого отклика мера по *оптимизации процесса предоставления услуг на основе внедрения цифровых технологий*, характерная в большей степени для агломерационной зоны, приобретает новые смыслы в дополнительных ответах респондентов. В них упоминаются проблемы, связанные со стабильностью работы порталов «Работа в России» и «Госуслуги», качеством интернет-подключения и производительностью компьютерной техники, что касается не только сотрудников ОЗН, но и простых граждан (потребителей услуг). Среди остальных направлений можно выделить *повышение информированности о деятельности службы занятости, формирование ее позитивного имиджа и кардинальную модернизацию в целом*. Всё это сопряжено с масштабными изменениями последних лет, когда на месте сложившихся структур открылись современные кадровые центры. В Вологодской области такая работа ведется с 2019 года⁶¹. При этом, как мы видим, основные сложности имеют весьма злободневный характер.

Перспективные направления решения проблем занятости и повышения привлекательности территорий в оценках глав поселений.

- *Развитие производств и создание новых рабочих мест в поселениях*: упрощение механизма перевода земель сельхозназначения в земли промышленного назначения; введение обязательств по обработке сельхозземель для арендаторов; обучение руководителей предприятий и повышение их квалификации, вовлечение в программы развития сельского хозяйства;

⁶¹ Реализация мероприятия по повышению эффективности службы занятости населения Вологодской области в рамках регионального проекта «Содействие занятости» // Интерактивный портал службы занятости населения Вологодской области. URL: <https://c3n.gov35.ru/News/Detail/ec9e36de-f7c8-458f-bf01-530651eb343b>

тиражирование практик успешной адаптации предприятий к современным вызовам (переориентация деятельности на новые направления).

«В центре поселения есть предприятие по деревообработке, достаточно сильно по нему «ударил» политическая ситуация. Руководитель предприятия – молодец, т.к. «сложил яйца в другую корзину», стал заниматься одновременно дорожной деятельностью, которая всегда востребована. Занялся расчисткой дорог, чтобы не сокращать сильно штат предприятия, компенсировал недополученные средства дорожной деятельностью» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«Хочу рассказать про одного предпринимателя, нашего коренного молодого человека, который 5 лет назад уехал в районный центр. Решил заняться предпринимательством, переработкой леса. Когда стало сложно работать из-за санкций, и он вернулся обратно. В этом году он распахан поля и посадил порядка 6–7 гектар картофеля. Ему, конечно, нужна помощь, чтобы развиваться, вот так и появляются новые рабочие места» (глава поселения №4 районной периферии).

«Уже порядка 6 лет мы бьемся, чтобы внесли изменения в генеральный план. У нас есть три пилорамы на землях сельхозназначения. Для того, чтобы развивать углубленную переработку древесины, надо чтобы это были земли промышленности. Генеральный план был утвержден в 2012 году, и внести в него изменения – это довольно дорогостоящее мероприятие. <...> Если нет земельного участка соответствующей категории, то предприниматели боятся развивать пилорамы, потому что за использование сельхозземель не по назначению приходят большие штрафы, приезжает проверка. <...> Т.е. если бы вопрос с землями в плане перевода из одной категории в другую быстро решался, то, может, и развитие бы шло быстрее. <...> Ну, и ответственность этих арендаторов земли надо как-то ужесточить, чтобы они ее обрабатывали. Если вы взяли землю в аренду, то должны соблюдать обязательное условие, чтобы каждый год она обрабатывалась <...> Если бы были инициативные руководители. <...> Руководителей обучали бы, отправляли бы их на курсы повышения квалификации. Нужно, чтобы они проходили обучение в обязательном порядке, участвовали в наших областных программах по развитию сельского хозяйства, как-то модернизировали свои предприятия.» (глава поселения №5 районной периферии).

- *Поддержка предпринимательских инициатив населения: субсидирование затрат на реализацию бизнес-проектов, организацию собственного дела; проведение мероприятий по вопросам поддержки предпринимательских инициатив; оказание информационной и организационной помощи гражданам, желающим открыть собственное дело; проведение обучающих семинаров.*

«Это поддержка предпринимательских инициатив граждан, финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в форме субсидирования части затрат на реализацию бизнес-проектов, субсидирование безработных граждан на организацию собственного дела, проведение круглых столов, семинаров, совещаний по вопросам поддержки предпринимательских инициатив, оказание информационной, организационной помощи гражданам, желающим организовать собственное дело, в подготовке бизнес-планов, проведения обучающих семинаров» (глава райцентра №3).

- *Повышение заработной платы на предприятиях поселений и выравнивание ее уровня с уровнем больших городов, в том числе за счет переноса офисов предприятий в поселения периферии. Значимость роли фактора заработной платы в динамике численности населения Вологодской области подтверждена П.В. Дружининым в ходе регрессионного анализа зависимости изменения численности населения муниципалитетов пяти регионов Европейского Севера России от географических и социально-экономических факторов [Дружинин, 2023: 85].*

«Если только повышение заработной платы. Всем хочется ездить отдыхать, гулять, одеваться. Они <жители, молодежь> уезжают в основном целенаправленно в большие города, там заработать и осесть» (глава поселения №2 окружения райцентров).

«Повышение уровня заработной платы и ее уравнивание с большими городами. Это необходимо, потому что у нас зарплаты низкие. Я думаю, что здесь поможет только перераспределение офисов предприятий в периферию, например, из Москвы, Вологды в эти же округа, территориальные отделы, деревни. Вот если к нам сюда перевезти какое-нибудь предприятие, его офис, то понятно, что здесь будут ориентироваться на него, если у них зарплаты высокие. Конечно же, тут будет более или менее, и все остальные будут придерживаться этого. Понятно, что выравнивать заработную плату нужно независимо от территории» (глава поселения №3 районной периферии).

- *Обеспечение эффективного взаимодействия работодателей, соискателей, образовательных организаций и администраций поселений: проведение регулярных совещаний по вопросам занятости с участием представителей служб занятости и администраций поселений (обмен информацией о вакансиях, успешных практиках); организация производственных практик на предприятиях поселения, встреч и общения студентов образовательных организаций и потенциальных работодателей.*

«Здесь, конечно, все зависит от взаимодействия. Это целый комплекс мероприятий. Нужно с администрациями учебных заведений работать. Должны быть подключены кадровые подразделения промышленных предприятий и вообще заинтересованные предприятия и организации, администрация округа. Т.е. это должен быть как минимум трехсторонний диалог. Это ключевой момент» (глава районного центра №2).

«Возможно, какие-то образовательные, обучающие семинары. <...> Бывало, что мы занимались сведением работника с работодателем, и тоже был положительный опыт, такое взаимодействие должно быть. Как ни странно, к нашему предпринимателю по деревообработке ездят работники из районного центра и одновременно практически такие же работники, таких же профессий, наоборот, ездят в районный центр работать. Где-то произошла заминка, они не смогли найти друг друга, договориться. Вот это «наведение мостов» тоже важно» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«На своем уровне необходимо хотя бы 1 раз в месяц или 1 раз в 2 месяца встречаться на каких-то наших планерках и включать в повестку вопрос конкретно о потребности, у кого какие вакансии есть. Потому что мы никогда не знаем, где какая информация окажется полезной. Мы можем где-то в своем кругу потом с главами обсудить. Глава приехал, у него семья молодая, ищут работу в своем поселении. Почему бы не предложить приехать к коллегам? <...> Также это общение с предвыпускниками, со студентами, организация каких-то практик. Зачастую студенты проводят мероприятия – это какие-то десанты, выезды агитбригад и т. д., которые направлены на то, чтобы школьников агитировать поступать в вуз, но мы параллельно решаем вторую задачу: эти ребята приезжают, а мы им рассказываем о том, что можем предложить как потенциальный работодатель. Практика работы со студентами, выпускниками – одна из самых важных» (глава поселения №2 районной периферии).

- *Проведение организациями поселения социально ориентированной корпоративной политики, в том числе софинансирование социальных программ администраций поселений.*

«Очень интересный опыт туристического комплекса. Они «на руках носят» своих работников. Я сейчас даже не про тех, которые приехали со всей страны, а про местных. За ними приезжает машина комфортабельная каждое утро, их и забирают, и привозят обратно, у них неплохие зарплаты, их кормят. Руководитель организации очень сильно бережет это «братство», устраивает совместные праздники, дает льготы при посещении объектов. Наверное, если бы каждый работодатель использовал такой опыт бережного отношения к кадрам, результат был бы гораздо мощнее» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Нам повезло, что у нас на территории бизнес идет на уступки, он активно нас софинансирует и в других вопросах помогает. В этом плане бизнес у нас социально ориентированный. И даже иногда людям, например, надо помочь, так наши лесозаготовители всегда помогают» (глава поселения №4 окружения райцентров).

- *Проведение мероприятий в рамках деятельности служб занятости: информирование населения о ситуации на рынке труда; содействие в трудоустройстве граждан и оформлении самозанятости; организация профессиональной подготовки и переподготовки, повышения квалификации; адаптация и поддержка безработных; профориентационная работа.*

«Часть мероприятий реализуются сотрудниками центров занятости. Это и организация информирования населения о положении на рынке труда (в т. ч. организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест), проведение общественных работ, временного трудоустройства безработных граждан и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, социальная адаптация и психологическая поддержка безработных граждан, организация профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных граждан, а также женщин в период отпуска по уходу за ребенком до трех лет, профессиональная ориентация граждан, содействие самозанятости безработных граждан» (глава районного центра №3).

- *Усиление профориентационной работы с учащимися образовательных организаций: создание профильных классов в общеобразовательных школах (например, агробизнес-классов); обучение в учреждениях профессионального образования по специальностям, востребованным на предприятиях поселения; практики «вербовки» выпускников учебных заведений представителями предприятий поселений.*

«У нас все-таки ведется целевая работа с техникумами, с ссузами, вузами. На стадии последних курсов ссузов, вузов наши предприятия их выпускников уже «вербуют». Но нужно это делать еще более широко, чтобы эта «вербовка» студентов распространялась для того, чтобы они потом, по окончании учебных заведений, знали, куда им идти. <...> У нас в свое время даже проговаривался вопрос о том, что нужно это с 8-х классов начинать. Опрос какой-то проводить, кто куда идет – в полицию или в сельское хозяйство, и уже их вести, начиная с 8-го класса и до трудоустройства. У меня это пока в планах» (глава районного центра №2).

«У нас в райцентре есть профильное училище. Сейчас туда снова вкладываются огромные средства для обучения электриков, лаборантов, чтобы эти ребята, которые оттуда выпускаются, шли именно на наши предприятия. Сейчас

стали подбираться именно по профилю, готовят те специальности, которые нужны. Появились и механики, и электрики, и лаборанты, и повара-кондитеры. Расширение пошло в училище. <...> Стали обращать внимание на ребят, чтобы оставить их здесь, чтобы никуда не выезжали, здесь получили хорошую специальность» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Это работа на будущее, на упреждение. У нас в школе сейчас создан свой агробизнес-класс, т. к. здесь сельская местность, есть крупное производство. Класс, где есть дети, в т.ч., работников колхоза» (глава поселения №2 районной периферии).

- Решение жилищной проблемы, обеспечение специалистов жильем: предоставление нового жилья или земельных участков под его строительство.

«Для молодых людей, конечно, большой вопрос – жилье. Хотя вроде есть такие возможности, например, свой дом построить, но в то же время, может быть, поможет обеспечение молодых специалистов жильем или ипотечная программа» (глава районного центра №1).

«Также жилье, мы предлагаем земельные участки молодым людям, но процесс деревянного домостроения даже при наличии средств очень сложный. Даже если мы бесплатно предоставим и заходим в программы по субсидированию строительства молодым специалистам, то все равно очень неохотно на это идут, по понятным причинам, это очень «тревожное» строительство, самостоятельное. Вторичного рынка практически нет на территории или он очень редкий» (глава поселения №3 окружения райцентров).

Однако, как отмечалось ранее, администрации поселений не всегда могут предоставить жилье ввиду его отсутствия в муниципальном фонде или же плохого состояния. В основном данный вопрос решается средствами крупных предприятий, функционирующих на территории поселений.

«Проблема решается постепенно. Построено и введено в эксплуатацию несколько многоквартирных домов, 2–3, не больше. Это служебное жилье. И один дом (неслужебное жилье) в том году был возведен. Квартиры все распроданы, т. к. спрос есть. Квартиры комфортные, благоустроенные, но очень дорогие. Очень. Сейчас строится 4-х-этажный многоквартирный дом. Это будет служебное жилье леспромхоза. Крупные организации строят для своих работников квартиры. <...> планируют сюда их привлечь из других районов и областей» (глава районного центра №1).

«Они <предприятие туристического комплекса> построили общежитие, это, наверное, хороший опыт привлечения трудовых кадров. Спасаются рабочей силой со всей России» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«... у нас строиться нормально получается, участвовать в программах поддержки Министерства сельского хозяйства через Департамент. Раньше были программы устойчивого развития, сейчас – комплексного развития сельских территорий. Т. е. люди имеют возможность получать земельные участки и непосредственно на них осуществлять стройку домов, оставаться здесь в селе, увеличивать семью, число детей. <...> Каждый раз, когда пытаемся пригласить специалиста какого-то в бюджетную сферу – школу либо больницу, здесь приходится нам на помощь колхоз. Вот нужен был терапевт в больницу, колхоз предоставил врачу свою квартиру, только что выкупленную, в хорошем состоянии, т. е. на безвозмездной основе» (глава поселения №2 районной периферии).

- **Повышение доступности объектов бытовой, социальной и культурно-досуговой инфраструктуры:** строительство новых объектов (детских садов, школ, учреждений допобразования, домов культуры, спортивных и досуговых центров и пр.) и модернизация существующих.

«Конечно, хотелось бы, чтобы улучшилось медицинское обслуживание. Такие проблемы, наверное, есть и в крупных городах» (глава районного центра №1).

«В этом году Губернатор нам выделил средства, и мы построили сами (только 4% поселение заплатило) хороший хоккейный корт. <...> У нас стадион большой, он давно не ремонтировался. В этом году тоже идут проектные работы, спортивные объекты снова будут ремонтировать. <...> У нас еще в 1976 году сгорел дом культуры. Строительство нового ДК начиналось, но до сих пор его у нас нет. <...> Мне бы хотелось, конечно, чтобы был еще какой-то культурный объект, куда жители могли бы детей водить» (глава поселения №1 окружения райцентров).

«Постоянно по градсоветам мы попадаем в какие-то проекты. Сейчас уже третий этап ремонта школы идет. В будущем будем садик ремонтировать. В этом году отремонтировали картинную галерею, в прошлом году – библиотеку, поставили в селе ФАП. <...> В рамках федеральной программы в том году установили очистные сооружения. Это единичные объекты, которые прямо здесь в сельском поселении поставили. Сейчас качество воды стало нормативным, т. е. давняя проблема была решена» (глава поселения №2 районной периферии).

- **Повышение транспортной доступности удаленных поселений:** строительство и ремонт дорог; обеспечение бесперебойных переправ в труднодоступные поселения (например, находящиеся за реками).

«Во-первых, основное у нас – это транспортная доступность. Надо, чтобы она была круглогодичная. <...> Нам нужна хотя бы понтонная круглогодичная переправа. Мост, понятно, это уже утопия. У нас никто не будет его строить» (глава поселения №4 окружения райцентров).

«У нас проблема с переправой. Думаю, была бы переправа круглый год, здесь бы можно было что-то развить, и были бы дополнительные места» (глава поселения №4 районной периферии).

- Развитие сотовой связи и интернет-соединения, удаленных форм занятости на территории поселений: установка дополнительных вышек сотовой связи; развитие инфраструктуры мобильного и оптоволоконного интернет-соединения.

«Нужно устранить некоторые проблемы, т. к. перебои связи и интернета бывают. Это решаемые проблемы: построить дополнительные вышки, приемники. И удаленная работа как вариант» (глава районного центра №1).

«Я думаю, что удаленная работа – это один из очень важных, серьезных инструментов спасения сельской территории. <...> Надеюсь, удаленная работа по-хорошему «взорвет» сельскую территорию и наладит нам демографию» (глава поселения №3 окружения районных центров).

- Повышение имиджа сельской местности: распространение информации о поселении (организациях, вакансиях, заработной плате), в том числе среди молодежи; формирование позитивного представления о поселении через освещение всех происходящих в нем событий в соцсетях; брендинг территорий.

«Наверное, брендинг, в т. ч. важны положительные отзывы на разных площадках о сельском поселении. <...> Мне давно задали вопрос: зачем мы проводим ярмарку. Это небольшой, но известный в области бренд. Мы говорим о том, что это необходимо не только местному населению, но и приезжему, чтобы они знали, что есть такие весомые мероприятия, что жизнь в глубинке не затихла» (глава поселения №3 окружения райцентров).

«Нужно менять на позитивное представление о «сельском хозяйстве», «селе», чтобы горожане знали, что сельская местность вполне себе нормальная адекватная местность, где можно жить и хорошо зарабатывать и при этом не отказывать себе в каких-то благах, не ограничивать себя сильно в чем-то. <...> Я бы все-таки сделал ставку на то, что сюда приезжают студенты (на мотопробег или еще на что-то). И это один из самых сильных инструментов и способов распространения информации о поселении, как о достойном месте для жизни и работы. Когда приехали студенты, их хорошо встретили, им все показали, провели экскурсию, озвучили заработную плату в организациях, куда можно трудоустроиться, и какие-то перспективы. Всё. Они приехали в Академию <Вологодскую государственную молочнохозяйственную академию им. Н.В. Верещагина>, рассказали об увиденном своим друзьям, кому-то еще. По моему мнению, это самый надежный способ

формирования как позитивного, так и реалистично-негативного представления. В этом плане обязательно стоит делать ставку на нашу молодежь, на студентов. <...> Что-то открыли, школу сделали, нужно не стесняться об этом рассказывать в соцсетях. Чувствовать себя комфортно там, где по большей части наша активная молодежь информацию берет, в т. ч. в мессенджерах» (глава поселения №2 районной периферии).

* * *

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд проблем в системе расселения модельного региона и его демографической ситуации в контексте трансформации занятости: это обезлюдение сельских территорий; стягивание городского и сельского населения в крупные населенные пункты; «очаговость» сельского расселения и его поляризация; деградация сети малых городов. Сокращение численности населения большинства городских и сельских поселений происходит за счет двойного действия естественной и миграционной убыли. По характеру демографической ситуации и перспективам ее развития выделены следующие типы территорий региона: 1) *наиболее уязвимые территории, подверженные депопуляции и обезлюдению (Белозерский и Харовский округа; 2) территории, находящиеся в состоянии депопуляции и обезлюдения, но имеющие потенциал для улучшения ситуации (миграционный или возрастной структуры), а также 3) территории с наиболее благоприятной ситуацией (Кадуйский округ).* Первая группа территорий имеет самое неблагоприятное положение, поскольку снижение людности их сельских поселений сопровождается «сжатием» районных центров, что влечет за собой неминуемое сокращение не только демографического, но и экономического, трудового и других потенциалов. Для таких муниципальных образований требуется принятие серьезных управленческих мер на уровне региона (например, создание «зон неблагоприятия»). В случае второй группы муниципалитетов внимание должно быть уделено использованию их «сильных» сторон для улучшения и стабилизации ситуации в целом. В частности, необходимо поддерживать тенденцию миграционного прироста населения (там, где он имеется), стимулируя наращивание его масштабов, грамотно использовать потенциал возрастной структуры, создавая благоприятные условия для жизни населения и закрепления его на территории муниципалитета (особенно молодых и трудоспособных граждан). В случае третьей группы целесообразно обеспечить сохранение позитивных тенденций (миграционного прироста), уделяя особое внимание развитию сельской местности муниципалитета.

В сложившихся условиях на территориях с депопуляцией крайне сложно изменить параметры воспроизводства населения ввиду сильного влияния структурных факторов (возрастной структуры населения), однако перспективным представляется использование потенциала миграции в решении назревших демографических проблем. Ключевым направлением государственной политики должно стать *повышение миграционной привлекательности городских и сельских территорий, подверженных депопуляции и обезлюдению, и закрепление на них населения*. Это может осуществляться за счет реализации различных направлений. Так, эксперты из отделений занятости предлагают обратить внимание на *расширение мер социальной поддержки, особенно молодежи; создание новых рабочих мест, в т.ч. для уязвимых слоев общества; популяризацию рабочих профессий; поддержку самозанятости и предпринимательства и т.д.* При этом для крупных городов также актуальным является *развитие образовательных программ подготовки и переподготовки кадров, а для ближайшего агломерационного окружения и районной периферии – реализация промышленных, инфраструктурных и социально значимых проектов.*

Результаты глубинных интервью с главами поселений подтвердили значимость роли *обеспечения населения жильем и предоставления земельных участков под его строительство* в решении проблемы оттока населения. В частности, подчеркивалась эффективность мер по предоставлению служебного жилья работникам местных предприятий и их семьям, а также молодым специалистам. Кроме того, для предотвращения миграционной убыли населения признается важным *развитие социальной инфраструктуры* путем строительства новых объектов (детских садов, школ, учреждений дообразования, домов культуры, спортивных и досуговых центров и пр.) и модернизации существующих. Отдельным направлением мероприятий становится *обеспечение связанности территорий* путем строительства и ремонта дорог (внутрирегиональных трасс между удаленными поселениями и районными центрами), организации бесперебойных переправ в труднодоступные населенные пункты. Как показал опрос глав поселений, большое значение в закреплении жителей на территории сельских поселений приобретает *повышение имиджа сельской местности*. В качестве действенных мер в данном направлении может стать формирование позитивного представления о поселениях через освещение всех происходящих в них событий в интернет-ресурсах и соцсетях, брендинг территории.

Развитие цифровой инфраструктуры на территории районной периферии (установка и совершенствование объектов сотовой связи, инфраструктуры мобильного и оптоволоконного интернет-соединения) не только позволит повысить доступность для населения цифровых платформ и интернет-ресурсов в сферах бытового обслуживания, торговли, культуры и досуга, здравоохранения, но и будет способствовать развитию удаленных форм занятости, что также выступает немаловажным условием сохранения постоянного населения. В этой связи немаловажным является и повышение цифровой грамотности населения в целях расширения возможностей и перспектив занятости, особенно на периферии. Обращаясь к потенциалу цифровизации в решении проблемы территориального дисбаланса на рынке труда, стоит обозначить, что структура экономики большинства сельских территорий похожа: преобладают сфера услуг, лесозаготовка, сельское хозяйство. При этом по большей части в данных сферах приложения труда цифровые навыки не являются ведущими. Экспертный опрос представителей отделений занятости населения показал, что только 15% респондентов заявили о незначимости наличия у соискателя цифровых компетенций для успешного трудоустройства. Цифровые каналы, а следовательно, и умение ими пользоваться признаются популярными каналами трудоустройства. Поэтому специалистами осознается, что скоро такие навыки будут все более и более востребованы на рынке труда, и это придется учитывать при реализации политики в сфере занятости. Кроме того, наличие развитых цифровых навыков открывает для населения возможности удаленной занятости. По данным углубленных интервью с главами сельских и малых городских поселений было выявлено, что единичные успешные случаи подобного трудоустройства есть и в глубинке – определяющими факторами для всех из них были возможность и знания для дистанционной работы с использованием интернета и цифровых сервисов.

Согласно результатам глубинных интервью, сохранение населения на территории городских и сельских поселений во многом определяется ситуацией в сфере труда и занятости. *Развитие хозяйственной деятельности и производств, создание новых рабочих мест, поддержка предпринимательских инициатив населения, повышение оплаты труда на предприятиях, обеспечение эффективного взаимодействия работодателей, соискателей, образовательных организаций и администраций поселений, усиление профориентационной работы* выступают важными условиями не только предотвращения оттока коренного населения с территории поселений, но и привлечения на них новых жителей.

Таким образом, в ходе работы над проектом была получена ценная информация о приоритетных мерах, направленных на решение проблем в сфере труда и занятости на внутрирегиональном уровне. Тем не менее многие из них едва ли могут быть реализованы в ближайшее время. Этому препятствуют как объективные причины (например, демографического характера: трансформация возрастного состава и характеристик воспроизводства населения), так и наличие большого количества административных, финансовых и иных барьеров, ограничивающих возможности органов власти локального уровня повлиять на сложившуюся ситуацию (ограниченность местных бюджетов и полномочий, зависимость от дотаций из бюджетов вышестоящего уровня, несовершенство нормативно-правовой базы системы местного самоуправления и невысокая квалификация кадров, сложности применения на практике Федерального закона⁶² №44 и т.д.). Подобного рода дискуссия, выходящая за рамки настоящего исследования, во многом касается принципов федеративного устройства России (прежде всего, в части разграничения предметов ведения и полномочий), изменение которых требует широкого обсуждения в обществе. Вместе с тем отсутствие кардинальных перемен в развитии локальных территорий, находящихся в отдалении от полюсов роста, приведет лишь к усилению деградации существующей системы расселения, фактическому исчезновению многих населенных пунктов и, как следствие, к интенсификации негативных проявлений трансформационных процессов в сфере занятости.

⁶² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 г. // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие сферы труда и занятости является одним из важнейших маркеров социально-экономического благополучия территорий. Показатели безработицы, заработка и численности работников служат наглядным отражением процессов, происходящих в государстве и обществе. В условиях нарастания глобальных вызовов, которые стали неотъемлемой частью нашей действительности, актуальность тематики социально-трудовых отношений только усиливается. В научной и деловой литературе можно встретить все больше публикаций, посвященных вопросам вытеснения живого труда машинным, распространения цифровой занятости, трансграничной трудовой миграции [Warhurst, Hunt, 2009]⁶³ и т.д. При этом некоторые тенденции, например автоматизация производства и старение населения, приводят к абсолютно противоположным дискурсам, когда проблемы технологической безработицы и дефицита кадров обсуждаются наряду друг с другом [Varian, 2020]. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку многое зависит от влияния конъюнктурных факторов.

Современная повестка в территориальном разрезе проявляется по-разному. Как правило, в авангарде находятся наиболее развитые страны, которые в силу своего положения первыми сталкиваются с новыми вызовами. Однако даже в этом случае процесс адаптации происходит неравномерно: за пределами крупных городов и экономических центров может наблюдаться совсем иная картина. Так, сельская местность традиционно характеризуется менее благоприятными условиями для занятости, а также весьма ограниченным количеством вакантных предложений⁶⁴. Данная

⁶³ ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology. 2nd ed // ILO. URL: <https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2020/05/2018-I1-2.pdf>

⁶⁴ Содействие занятости в сельских районах в целях сокращения масштабов бедности // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_092198.pdf.

проблема имеет особое значение для России, где на фоне длительного демографического спада происходит сжатие освоенного пространства и поляризация системы расселения [Короленко, 2023а]. Возникают ярко выраженные полюса роста и периферия, различия между которыми достигают значительных величин. Учитывая колоссальную площадь территории страны и сравнительно низкую численность населения, с подобной ситуацией достаточно часто приходится сталкиваться в практике регионального управления.

В настоящем исследовании, проведенном при поддержке Российского научного фонда, мы попытались выявить тенденции и риски процесса трансформации занятости в ракурсе особенностей пространственного развития России. Работа основана на использовании широкой трактовки сущности трансформации занятости как процесса глубоких преобразований социально-экономических отношений, приводящих к качественным изменениям сложившихся практик участия населения в общественно полезной деятельности, приносящей доход. Это позволяет сформировать целостное представление о рассматриваемом феномене, не ограничиваясь каким-то одним из возможных аспектов (структурные сдвиги в занятости населения, изменение форм занятости, переосмысление места труда в жизни общества и т.д.). В то же время мы сознательно сужаем понятие «занятость» до оплачиваемой трудовой деятельности, что не только соотносится с современными взглядами на его сущность⁶⁵, но и позволяет четко очертить спектр изучаемых вопросов, оставив за рамками исследования труд волонтеров, работу в ЛПХ для собственного потребления и т.д.

Раскрытие теоретико-методологических основ исследования позволило сделать вывод о вариативности точек зрения на сущность трансформации занятости, которая может раскрываться в ракурсе конкретного исторического контекста, деятельности органов власти, воспроизводства рабочей силы, институциональной среды, изменения трудовых отношений. На основе критического анализа литературных источников было сформулировано авторское понимание трансформации занятости, многогранность проявления которой интерпретирована нами в рамках самостоятельных подходов, что нашло отражение при проведении межстрановых сопоставлений.

⁶⁵ Резолюция I. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf

Обобщение отечественного опыта изучения занятости населения с позиции современной территориальной организации общества показало, что развитие процессов урбанизации повлекло за собой стягивание человеческих ресурсов в крупные города. Более широкие возможности для трудоустройства, высокие уровни заработных плат и доступность качественных социальных и бытовых услуг привлекают жителей малых городов, моногородов и сельской местности. Часть населения переезжает в город на постоянной основе, а при отсутствии такой возможности становится отходниками или маятниковыми мигрантами. В частности, в северных территориях страны с очаговой и линейно-очаговой системой расселения и размещения хозяйства наряду с традиционными также распространены временные и вахтовые формы работы. При этом в связи с достаточно высокой долей монопрофильных населенных пунктов, ресурсной зависимостью экономики и общим ухудшением финансового положения хозяйствующих субъектов вопросы трудоустройства на Севере являются крайне актуальными.

При проведении межстранового анализа нами установлено, что трансформация занятости в РФ и западном мире имеет много общего, но несколько «запаздывает» по ряду направлений. Так, доля сферы услуг в структуре занятого населения ниже, чем в странах «большой семерки», хотя и демонстрирует наибольший рост как в абсолютном, так и в относительном выражении. Схожая ситуация наблюдается и в первичном секторе экономики, который со временем аккумулирует все меньшее число работников. Нестандартные формы занятости также получили свое развитие, как и за рубежом, однако масштабы их распространения весьма скромны, в результате чего средняя продолжительность отработанного времени в стране находится на относительно высоком уровне. Вместе с тем различия практически отсутствуют, когда речь идет о тенденциях снижения степени юнионизации работников и изменения значимости тех или иных навыков в трудовой деятельности. К числу специфических черт России можно отнести быстрое развитие самозанятости и доминирование инструментальной ценности труда.

Анализ динамики пространственных трансформаций в субъектах РФ свидетельствует о сжатии освоенного пространства на фоне фрагментации и поляризации системы расселения. Установлено, что поляризация пространства происходит и в сельской, и в городской местности. В первом случае это выражается в росте доли безлюдных сельских поселений и в стягивании населения в крупные сельские населенные пункты, особенно с людностью от 2000 и более человек. Крупные сельские поселения наиболее

устойчивы и благополучны для жизни и работы, но сеть их не так велика и в условиях недостаточной транспортной доступности не обеспечивает связанности сельских поселений. В свою очередь поляризация пространства городской местности проявляется в концентрации населения страны в крупнейших городах и городах-миллионниках при одновременной деградации системы расселения малых, средних и крупных городов, служащих узлами опорного каркаса территорий.

Определены ключевые тенденции цифровизации в разрезе «города – сельская периферия». Полученные результаты показали, что горожане чаще имеют персональные компьютеры и стабильный доступ в интернет, который по большей части является широкополосным, чаще обращаются за получением государственных и муниципальных услуг через официальные сайты и портал госуслуг, чаще выходят в интернет не только дома, но еще и из других мест, например с рабочего места. Для жителей территорий, удаленных от крупных населенных пунктов, крайне важным остается возможность участия в онлайн-торговле. Наличие доступа в интернет и хотя бы одного пункта почтовой связи позволяет делать покупки, что во многом сближает жителей городов и периферии.

В ходе исследования установлено, что в регионах с высокой долей сельского населения, либо с высокой долей сельскохозяйственного производства, либо сочетающих в себе данные характеристики, весьма часто встречаются компании, не имеющие доступа в интернет и собственного веб-сайта. Схожая ситуация наблюдается при анализе данных о цифровизации организаций социальной сферы: среди аутсайдеров по цифровизации системы общего образования и наличия компьютеризированных мест в библиотеках с доступом в интернет большую долю занимают регионы с преобладанием сельского населения и агропромышленной спецификой экономической деятельности. В то же время именно данные организации являются важными проводниками цифровых сервисов в сельской местности, поскольку дают возможность приобретения цифровых навыков, более комфортного и экономичного получения государственных услуг, использования иных цифровых сервисов.

Проведена оценка социально-экономического развития модельного региона России и происходящих в нем агломерационных процессов. В качестве модельного региона нами выбрана Вологодская область, динамика развития которой находится в русле общероссийских трендов. Одной из важнейших проблем региона остается неравномерность пространствен-

ного развития, в результате чего можно наблюдать сохранение не только относительно высокой дифференциации заработной платы (в т.ч. в разрезе городской и сельской местности), но и заметного цифрового неравенства, обусловленного неразвитостью информационной инфраструктуры, отсутствием или низким качеством услуг связи, недостаточной мотивацией к освоению цифровых компетенций и др.

Оценка агломерационных процессов в Вологодской области позволила выявить ряд особенностей в характере расселения населения по её территории: неоднородное размещение населения и его концентрация преимущественно в районах, входящих в состав Вологодской и Череповецкой агломераций; поляризацию городского и сельского расселения; рост числа и доли безлюдных сельских поселений; сокращение численности городского и сельского населения и т.д. При этом в сельской местности по сравнению с городской ниже показатели рождаемости и выше уровень смертности, в результате чего естественная убыль сильнее, что во многом определяется более «старой» возрастной структурой сельского населения и глубиной демографического старения. В то же время миграционный отток характерен прежде всего для городской местности.

Выявлены следующие тенденции трансформации систем расселения в регионе: нарастание поляризации городского и сельского расселения, выражающейся в концентрации жителей либо в крупных, либо в мелких населенных пунктах; обезлюдение сельских территорий; ослабление опорного каркаса городского расселения (системы малых городов); усиление «очаговости» сельского расселения. Более чем в половине муниципальных образований Вологодской области сокращение численности городского и сельского населения обусловлено двойным действием естественной и миграционной убыли. При этом количество и доля таких муниципалитетов существенно выросли за последние 20 лет. Часть муниципалитетов имеют потенциал миграционного прироста или возрастной структуры, однако только в одном районе наблюдается увеличение численности населения за счет миграционного прироста городских жителей.

В силу ограниченности муниципальной статистики, которая дает лишь частичное представление о тенденциях и перспективах занятости городских и сельских жителей, нами разработан комплексный инструментарий, включающий анкеты для проведения массового опроса населения и экспертного опроса представителей отделений занятости населения, а также гайд углубленного интервью с главами городских и сельских поселений.

С использованием агломерационного подхода показано, что, несмотря на внешнюю устойчивость сферы занятости, сохраняются нерешенные проблемы, усиливающие внутрирегиональные диспропорции. Определено, что факторы, так или иначе связанные со сферой занятости (отсутствие возможностей поиска работы и получения качественного образования, низкий размер заработных плат), в значительной мере влияют на привлекательность территорий, причем их значение возрастает при движении от ядер агломерации к периферии. В свою очередь это накладывает ограничения не только на возможности профессиональной самореализации, но и на процессы обеспечения жизнедеятельности, что объясняет перемещение населения из отдаленных районов в более привлекательные с точки зрения занятости населенные пункты. Выявлено, что стремление людей улучшить свое положение в зависимости от места проживания также различается по своим характеристикам: к освоению новых знаний, технологий и образцов поведения в большей степени готово население ядра агломерации и агломерационной зоны, в то время как жители периферии склонны к реализации предпринимательских намерений.

Определены факторы, оказывающие влияние на формирование и реализацию стратегий поведения на рынке труда Вологодской области в условиях трансформации занятости. Самореализация в трудовой деятельности, весьма значимая в жизни любого человека, зависит как от внутренних установок, так и от внешних условий. Концентрация социально-экономических ресурсов в крупных городах приводит к тому, что за пределами агломераций население достаточно низко оценивает свои профессиональные перспективы. Это касается востребованности и самореализации в профессии, повышения квалификации, достойной оплаты труда и карьерного роста. Примечательно, что жители периферии позитивнее смотрят в будущее, чем представители ближайшего агломерационного окружения, что может быть связано с относительной неоднородностью входящих в эти группы территорий с точки зрения степени урбанизации и обеспечения возможностей для саморазвития. Тем не менее сложившаяся ситуация может служить поводом для переезда из отдаленных районов ближе к региональным центрам в поисках более благоприятных условий, поскольку субъективное восприятие работы выступает ключевым фактором удовлетворенности жизнью на селе. При этом спектр мотивов отъезда расширяется от районных центров к периферии: если в первом случае он представлен преимущественно факторами получения образования, поиска работы и невозможности трудоустройства по полученной профессии, то в окружении райцентров

и районной периферии к образовательным и профессиональным мотивам добавляются неразвитость социальной и культурно-досуговой инфраструктуры в месте жительства, низкий уровень заработной платы на предприятиях поселения, проблема нехватки жилья, низкая мотивация молодежи к тяжелому физическому труду.

Определено, что, несмотря на внешние макроэкономические шоки, интенсивность процессов трудовой мобильности населения сохраняется на стабильном уровне. Так, за свою трудовую жизнь только порядка четверти населения ни разу не меняло место работы. При этом в большей степени это характерно для тех, кто работает по специальности, полученной в образовательной организации, и проживает в сельской местности. Восходящая карьерная мобильность присуща около трети жителей области, а нисходящая – примерно 10–13%. Позитивные изменения в данном отношении чаще наблюдаются у горожан с высшим образованием. Аналогичная ситуация имеет место быть и в плане дальнейшего карьерного роста.

Выявлено, что пространственная трудовая мобильность населения невелика и тоже более свойственна сельским жителям. В контексте вероятности переезда в связи со сменой работы вологжане в значительной степени инертны, потенциально готова к этому четверть опрошенных. Определены условия, побуждающие вологжан к поиску работы в другом населенном пункте, в т.ч. посредством маятниковой трудовой миграции. Как показали опросные данные, одними из ключевых факторов, формирующих привлекательность территории, выступают отсутствие возможностей поиска работы и получения качественного образования, низкий размер заработных плат. Более того, при движении от ядер агломерации к периферии значимость вопросов занятости заметно возрастает, что свидетельствует о серьезных ограничениях не только для профессиональной самореализации, но и обеспечения жизнедеятельности. Это подтверждается высказываниями почти половины жителей отдаленных районов об упадке местной экономики и угасании в них жизни в целом. Временная трудовая миграция фиксируется во многих поселениях вне зависимости от их статуса. Особое значение для жителей поселений приобретают вахтовые трудовые миграции, в основном обусловленные недостаточным уровнем заработной платы и отсутствием работы в месте жительства. Тем не менее в населенных пунктах районной периферии существенно возрастает риск трансформации временных трудовых миграций в безвозвратные. Наиболее значимыми условиями, которые могут оказать влияние на принятие положительного решения о работе в другом населенном пункте, являются более

высокий уровень оплаты труда, возможность регулярно возвращаться домой, предоставление социальных гарантий по месту работы и комфортность условий доставки на работу.

На данных экспертного опроса представителей центров занятости населения Вологодской области показано, что при удалении от региональных центров заметно сокращаются возможности для профессиональной самореализации, а проблема экономического застоя становится все более ярко выраженной. По мнению экспертов, жители периферии не только чаще прибегают к практикам маятниковой трудовой миграции и работы на вахте, но и хуже относятся к месту своего проживания, меньше доверяют друг другу. В качестве повсеместно распространенных явлений эксперты отметили увеличение оттока молодежи и рост неформальной занятости. Однако в перспективе в крупных городах более вероятен тренд на популяризацию удаленного режима работы, в то время как за их пределами – повышение предпринимательской активности и рассогласованности между спросом и предложением на рынке труда. Тогда как вероятность роста реального заработка и создания высокопроизводительных рабочих мест оценивается достаточно низко.

Таким образом, исходя из результатов исследования, полученных в Вологодской области как модельном регионе, обоснована справедливость тезиса о неравномерности протекания процесса трансформации занятости в городской и сельской местности, приводящей к усилению поляризации рынка труда и возникновению барьеров, ограничивающих возможности реализации не только трудового потенциала населения, но и общих жизненных планов. В качестве доказательной базы выступили данные официальной статистики, массового опроса населения, экспертного опроса специалистов отделений занятости и углубленных интервью с главами поселений. Применение агломерационного подхода позволило выявить различия как в текущих условиях, так и в перспективах развития локальных территорий.

Разработаны научно обоснованные управленческие решения в сфере регулирования занятости населения городов и сельской периферии. Вне зависимости от расположения территории, согласно результатам исследования, для решения проблем в сфере занятости целесообразны создание новых рабочих мест, повышение миграционной привлекательности в целом, обеспечение эффективного взаимодействия с работодателями. В крупных городах и районах агломерационной зоны необходимы развитие программ профессиональной подготовки и переподготовки кадров, популя-

ризация рабочих профессий, расширение мер поддержки молодежи. Мероприятия для агломерационного окружения также во многом схожи с такими для первых двух групп территорий. Кроме того, для них предлагается реализация промышленных, инфраструктурных и социально значимых проектов. В отношении периферии ключевой акцент делается на развитии социальной, цифровой и транспортной инфраструктуры, выравнивании уровня заработных плат до уровня региональных центров, помощи в решении жилищных проблем, повышении имиджа сельской местности. Однако в силу наличия ряда барьеров, ограничивающих возможности местных органов власти в решении локальных проблем, существуют определенные трудности в практической реализации обозначенных мер в ближайшей перспективе. В то же время отсутствие интенсивной деятельности в данных направлениях может привести к усилению деградации системы расселения, что также окажет влияние и на процессы трансформации занятости. В связи с этим важным аспектом, требующим внимания, является переход к экосистемным принципам в сфере регулирования занятости, предполагающим активное взаимодействие всех участников рынка труда в области социально-трудовых отношений, в том числе с использованием потенциала цифровизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкиева К.В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии: сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 108–125.
2. Аверкиева К.В. Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 86–106.
3. Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № (2). С. 75–81.
4. Александров И.Н., Федорова М.Ю. Влияние цифровой экономики на саморазвитие сельских территорий (на примере регионов Северо-Западного федерального округа России) // Проблемы современной экономики. 2019. № 3 (71). С. 246–250.
5. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 66–76.
6. Афонин М.В. Маятниковая миграция как фактор субурбанизации // Вестник социально-политических наук. 2012. № 11. С. 14–19.
7. Ахметов Р.Ш., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Сельское расселение в степной зоне России в постсоветское время // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 2. С. 15–24. DOI: 10.17308/geo.2022.2/9304
8. Бандман М.К., Бандман О.Л., Есикова Т.Н. Территориально-производственные комплексы: прогнозирование процесса формирования с использованием сетей Петри / отв. ред. А.Г. Гранберг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. 303 с.
9. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. М.: Мысль, 1980. 287 с.

10. Бедрина Е.Б., Козлова О.А., Ишуков А.А. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2018. № 10 (4). С. 631–648. DOI:10.17072/2218-9173-2018-4-631-648
11. Безвербный В.А., Мирязов Т.Р. Трансформация системы расселения в Дальневосточном федеральном округе на уровне муниципальных образований // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2019. № 5. С. 102–114. DOI: 10.26653/2076-4650-20119-5-0
12. Беляев В.И., Кузнецова О.В. Занятость, безработица, рынок труда в институциональной структуре социально-трудовых отношений // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2021. № 1. С. 21–29. DOI: 10.14258/epb202103
13. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990–2003 гг.) / под общ. ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 2004. 174 с.
14. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г. // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. № 17 (1). С. 67–86. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.6
15. Былков В.Г. Социально-экономические предпосылки трансформации рынка труда в условиях введения беспрецедентных санкций // *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 10. С. 1489–1508. DOI: 10.18334/et.9.10.116407
16. Варшавская Е.Я. Оценка влияния изменений возрастной и образовательной структуры населения на российский рынок труда // *Вопросы статистики*. 2020. № 27(3). С. 45–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-3-45-52
17. Вихрев О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // *Вестник Московского университета*. 2016. Сер. 5: География. № 2. С. 30–37.
18. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Иноземцева А.В. Незанятое население и самозанятость в личных подсобных хозяйствах: планы и реалии // *Вестник НГУЭУ*. 2019. № (2). С. 243–257. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-2-243-257
19. Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
20. Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // *Федерализм*. 2021. № 26(4). С. 54–74. DOI: 0.21686/2073-1051-2021-4-54-74
21. Ворошилов Н.В. Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием // *Развитие территорий*. 2022. № (1). С. 51–58. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-1-51-58
22. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда / К.В. Анисимова, А.А. Владимирская, Ф.Ф. Дудырев и др.; науч. ред. С.Ю. Рощин. М.: Высшая школа экономики, 2023. 148 с.

23. Галынис К.И. Экспертная оценка методики профилирования безработных граждан в Забайкальском крае // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 107(4). С. 87–94.
24. Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Антосик Л.В. Анализ выхода из зарегистрированной безработицы: возможности для формирования активной региональной политики на рынке труда // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 193–219. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-193-219
25. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 68–94. DOI: 10.32609/-8736-2022-8-68-94
26. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рощин С.Ю. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 148 с.
27. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 22 (4). С. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530
28. Глезер О.Б., Вайнберг Э.И. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3. С. 21–38.
29. Горина Е.Е. Служба занятости: проблемы формирования и оптимизация функционирования // Регионоведение. 2010. № 71 (2). С. 176–186.
30. Горшков М.К., Ильин В.А. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 446 с.
31. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М.: Экономика, 1973. 248 с.
32. Грачев С.А. Анализ влияния цифровизации экономики на занятость в региональном научно-исследовательском секторе // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 3. С. 675–694. DOI: 10.18334/ce.15.3.111767
33. Григорович М.А. Историко-географические предпосылки и факторы формирования системы расселения в Свердловской области (на примере поселков городского типа) // Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. 2022. № 4(40). С. 73–91. DOI: 10.26456/2226-7719-2022-4-73-91
34. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–88. DOI: 10.31857/S013216250009390-2
35. Гуменюк И.С., Юстратова В.О. Трансформация системы расселения в Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2021. № 3. С. 31–41.

36. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко и др. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 275 с.
37. Дружинин П.В. Выявление факторов, влияющих на динамику численности населения муниципалитетов регионов Европейского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С.78–91. DOI:10.37614/2220-802X.3.2023.81.005.
38. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Состояние и перспективы демографической устойчивости сети городских поселений региона (на материалах Амурской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 2 (70). URL: <https://eee-region.ru/article/7010/> DOI: 10.24412/1999-2645-2022-270-10
39. Дьячкова П.А., Мосиенко Н.Л. Анализ маятниковых миграций в городской агломерации: социологические опросы и большие данные // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21 (4). С. 205–228. DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-205-228
40. Дятлов С.А., Доброхотов М.А. Формы реализации человеческого капитала в цифровой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 25–28.
41. Егоров Д.О. Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. 2020. № 4 (70). С. 32–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-3
42. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
43. Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии: сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 188–223.
44. Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
45. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
46. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.
47. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017а. № 11 (2). С. 46–57.
48. Зубаревич Н.В. Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. 2017b. Серия 5: География. № 4. С. 38–44.

49. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7
50. Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // *Проблемы развития территории*. 2019. № 4 (102). С. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3
51. Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // *Федерализм*. 2012. № 3. С. 3–18.
52. Калинина И.В., Соловченков С.А. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2018. № 4. С. 33–45. DOI: 10.1134/S2587556618040064
53. Калугина З.И. Вектор посткризисного развития российской деревни // *Регион: экономика и социология*. 2010. № 3. С. 115–135.
54. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // *Регион: экономика и социология*. 2012. № 2 (74). С. 45–67.
55. Капелюшников Р.И. *Конец российской модели рынка труда?* М.: ГУ ВШЭ, 2009. 80 с.
56. Капелюшников Р.И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // *Вопросы экономики*. 2022. № (2). С. 33–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68
57. Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // *Региональные исследования*. 2013. № 3. С. 23–36.
58. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // *Вопросы географии: сб. 135: География населения и социальная география* / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 82–107.
59. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2016. № 5. С. 46–59.
60. Катанандов С.Л., Межевич Н.М., Солодилов В.В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» – возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // *Управленческое консультирование*. 2021. № 9. С. 9–17. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-9-17
61. Кибалов Е. Структурная реформа железнодорожного транспорта России: экспертный анализ и смежные вопросы // *ЭКО*. 2018. № 46 (8). С. 120–127. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2016-8-120-127
62. Кожевников С.А. Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // *Регионология*. 2018. Т. 26. № 4. С. 718–741. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741

63. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
64. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспект // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
65. Колосовский Н.Н. К вопросу об экономическом районировании // Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 36–52.
66. Короленко А.В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. 2023а. Т. 27. № 1. С. 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4
67. Короленко А.В. Трансформация системы расселения и ее демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023б. Т. 16. № 2. С. 127–148. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.7
68. Костенко Е.П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. № 12 (4). С. 94–109. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109
69. Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № (1). С. 26–36.
70. Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар: ИСЭиЭПС Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с.
71. Лайкам К.Э., Бикбаева А.Р., Павлова Е.К. Влияние пандемии коронавируса на рынок труда // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 5–19. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-5-19
72. Лашук И.В. Трансформация ценностей белорусского общества // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. № 1 (150). С. 103–112.
73. Лежнева Ю.А. Объективные трудности в работе центров занятости населения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № (3). С. 255–262.
74. Лексин В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306
75. Липатова Л.Н. Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии // Регионология. 2022. Т. 30. № 1. С. 155–177. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177
76. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. № 4 (44). С. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15

77. Лучников А.С., Меркушев С.А. Трансформация городского расселения и урбанизация Пермского края в XX–XXI вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 4. С. 123–143. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.9
78. Лушникова О.Л. Трудовое поведение жителей удаленных сел Хакасии // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 129–134. DOI: 10.31857/S013216250022135-1
79. Люди. Деньги. Данные / Н.А. Трунова, И.В. Лагунов, А.Н. Петросян и др. М.: ЦСР, 2020. 46 с.
80. Ляшок В., Малева Т., Лопатина М. Влияние новых технологий на рынок труда: прошлые уроки и новые вызовы // Экономическая политика. 2020. № 15 (4). С. 62–87. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-4-62-87
81. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
82. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Динамика сельского расселения Псковской области в 1959–2010 гг. // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 55–63.
83. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2015. № (4). С. 60–68.
84. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства центрально-русского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.
85. Мельникова Т.Б. Удаленная занятость и пространственное развитие Российской Федерации: риски и перспективы // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее: сб. науч. тр. участников Междунар. науч. конф. – XXVI Кондратьевские чтения / под ред. В.М. Бондаренко. М.: МОСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2019. С. 261–266.
86. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7–15.
87. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрально-периферийных отношений // Научные труды Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН; гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.
88. Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.
89. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 43 (3). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4
90. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина и др. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.

91. Моргунов Е.В., Шутов О.Л., Фатуллаев С.Т. Теоретико-методологические подходы к определению городской агломерации как пространственно-локализованной подсистемы российских регионов // Вестник МИРБИС. 2021. № 3 (27). С. 28–36. DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3
92. Население городских поселений: сравнительный анализ российского Севера и Республики Беларусь / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Г.Н. Фаузер и др. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 101–113. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.9
93. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков и др.; под ред. В.Н. Бобкова. М.: КНОРУС, 2019. 342 с.
94. Неустойчивая занятость и ее последствия для работников / А. Ляпин, Г. Нойнхеффер, Л. Шершукова и др. М.: Центр социально-трудовых прав, 2007. 48 с.
95. Неустроева А.Б., Попова О.В. Нестандартная занятость сельского населения Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2014. № 3 (75). С. 57–62.
96. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013. 456 с.
97. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1–12.
98. Нефедова Т.Г. Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. 2021. № 1. С. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153
99. Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
100. Нефедова Т.Г., Глезер О.Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020, С. 214–251.
101. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
102. Нефедова Т.Г., Поляна П.М., Трейвиш А.И. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. М.: О.ГИ., 2001. 558 с.
103. Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в Центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38. DOI: 10.31857/S013216250009567-6

104. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
105. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (2). С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138
106. Нефедьева Е.И., Седых О.Г., Тарабан О.В. Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 73–78. DOI: 10.31857/S013216250012422-7
107. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 160–166.
108. Никулина Ю.Н., Арефьева В.А., Сарайкин В.А. Альтернативная сельская занятость и ее связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. 2022. № 25 (1). С. 118–128. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10
109. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 19–25.
110. Олифир Д.И. Пространственная трансформация системы расселения периферии Санкт-Петербургской агломерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 63–70.
111. Пациорковский В.В. Самозанятость – ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // Народонаселение. 2020. № 23 (1). С. 88–103. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.8
112. Плаксина С.М., Жулина А.Б., Фаризовой С.А. «Черный лебедь» в белой маске: аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. М.: Высшая школа экономики, 2021. 336 с.
113. Покида А., Зыбуновская Н. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 60–87. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-60-87
114. Попов А.В. Формирование единого рынка труда как условие становления городской агломерации (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5(45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.9
115. Попов А.В. Концептуальные основы изучения процесса трансформации занятости // Теоретическая экономика. 2019а. № 6 (54). С. 18–26.
116. Попов А.В. Особенности и закономерности трансформации занятости в России и странах мира // Human Progress. 2019b. Т. 5. № 7. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_7/Popov.pdf DOI: 10.34709/IM.157.10
117. Попов А.В. Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр–периферия» в модельном регионе России // Уровень жизни

населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528

118. Попов А.В. Трудовая жизнь российских мужчин в годы нестабильности (на материалах крупных городов и районов Вологодской области) // Социальное пространство. 2023. № 9 (1). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29567> DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.8.

119. Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10

120. Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 131 с.

121. Попов А.В., Соловьева Т.С. Трансформация занятости в России в ракурсе межстрановых сравнений // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9

122. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России / Е.В. Серова, А.С. Наумов, Р.Г. Янбых и др. // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6 (384). С. 10–16. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-6-10-16

123. Проворова А.А. Продолжительность трудовой жизни населения арктического региона в контексте современных социально-демографических изменений // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 126–139. DOI:10.37614/2220-802X.3.2023.81.008

124. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин, А.Ю. Ардальянова и др.; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл.: М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РА, 2020. 523 с.

125. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / П.Я. Бакланов, Т.И. Герасименко, А.Г. Дружинин и др.; отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.

126. Пчелинцев О.С. Экономическое обоснование размещения производства: методы, применяемые в капиталистических странах. М.: Наука, 1966. 264 с.

127. Ретроспектива расселения в Якутии на основе анализа переписей населения / Т.Н. Гаврильева, Е.А. Коломак, А.И. Захаров и др. // Вопросы статистики. 2019. № 26 (12). С. 39–51. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-12-39-51

128. Рожкова А.Ю., Андреянова И.В. Действие национальной системы квалификаций на рынке труда: подходы и перспективы // Управление устойчивым развитием. 2020. № 4 (29). С. 100–110.

129. Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2019. № 1. С. 29–37.

130. Русановский В.А., Марков В.А. Цифровизация как драйвер опережающего развития агломераций в России // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. Т. 10. № 4 (32). С. 17–27.
131. Сагдиева Э.А. Сферы приложения труда в сельской местности Пензенской области и Республики Татарстан (по данным статистики и материалов интервью) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 9 (1). С. 140–155. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7878
132. Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105
133. Свинухова Ю.Н. Стратегии эффективного трудоустройства в условиях рисков российского рынка труда: формальные и неформальные каналы поиска работы // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 11. С. 1739–1756. DOI: 10.18334/et.9.11.116661
134. Секушина И.А. Развитие малых и средних городов северного региона. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 175 с.
135. Селиванова С.С. Опыт БашГУ в сфере трудоустройства выпускников // Современные финансово-экономические инструменты развития экономики регионов: сб. ст. XIV междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 261–262.
136. Сивохиц Ж.Т. Геопространственная специфика территориальных систем расселения в трансграничном бассейне реки Урал // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 3. С. 26–38. DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.02
137. Соболев А.В. Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района // Балтийский регион. 2015. № 1 (23). С. 143–158. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-9
138. Советова Н.П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7
139. Солдатова Н.В. Трансформация системы сельского расселения Вологодской области // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / отв. ред.: В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс, 2016. С. 338–357.
140. Соловьева Т.С. О некоторых результатах модернизации региональных образовательных систем (на примере Вологодской области) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 1. № 11. С. 232–243.
141. Соловьева Т.С. Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 7. С. 1147–1166. DOI: 10.18334/et.9.7.114801

142. Соловьева Т.С. Трудовая мобильность населения: кейс Вологодской области // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3 (46). С. 67–74. DOI: 10.55421/2499992X_2023_3_67
143. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / К.В. Аверкиева, О.Б. Глезер, М.С. Гунько и др.; сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
144. Тонких Н.В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 92–104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8
145. Тощенко Ж.Т. Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 25–45.
146. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
147. Троцкий А.Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 3. С. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147
148. Узякова Е.С. Ограничения по трудовым ресурсам и возможности роста в экономике // Народонаселение. 2017. Т. 20. № 1. С. 22–34.
149. Усков В.С. К вопросу о цифровизации российской экономики // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 157–175. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10
150. Ускова Т.В., Патракова С.С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2
151. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10
152. Хагерstrand Т. Диффузия инноваций. М.: Инфра-М, 1994. 326 с.
153. Хаиров Р.А. Трансформация системы сельского расселения Новгородской области со второй половины XX века по начало XXI века // Псковский региональный журнал. 2018. № 2 (34). С. 56–68.
154. Хромов Н.И. Генезис концепции человеческого капитала // Управленец. 2015. № 3. С. 46–51.
155. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, г. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; под науч. ред. Л.М. Гохберга. М.: Высшая школа экономики, 2019. 82 с.

156. Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

157. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19: II региональный демографический доклад. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 89 с.

158. Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7

159. Шипилов А.В. Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0

160. Щепетков С.С. Биржа труда как канал трудоустройства на региональном рынке труда (по материалам опроса специалистов центров занятости г. Челябинска) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 33 (2). С. 193–197.

161. Andersen T., Feiler L., Schulz G. (2015). *The role of employment service providers. Guide to anticipating and matching skills and jobs*. Vol. 4. European Centre for the Development of Vocational Training & International Labour Office: Publications Office of the European Union. 127 p. DOI: 10.2816/816485

162. Arrowsmith J., Pulignano V. (2013). *The Transformation of Employment Relations in Europe Institutions and Outcomes in the Age of Globalization*. London: Routledge. 248 p.

163. Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. (2003). The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *Quarterly Journal of Economic*, 118, 1279–1333.

164. Banerjee A., Duflo E., Imbert C. et al. (2016). E-governance, Accountability, and Leakage in Public Programs: Experimental Evidence from a Financial Management Reform in India. *NBER Working Paper*, 22803. URL: <https://www.nber.org/papers/w22803.pdf>

165. Bannerjee A., Banerji R., Berry J. et al. (2017). From Proof of Concept to Scalable Policies: Challenges and Solutions, with an Application. *Journal of Economic Perspectives*, 31(4), 73–102. DOI: 10.1257/jep.31.4.73

166. Baron M., Cunningham-Sabot E., Grasland C. et al. (2010). *Villes et régions européennes en décroissance, maintenir la cohésion territoriale*. Paris, Lavoisier. 345 p.

167. Baumont C., Ertur C., Le Gallo J. (2014). Spatial analysis of employment and population density: the case of the agglomeration of Dijon 1999. *Geographical Analysis*, 36, 146–176. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2004.tb01130.x

168. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. (2009). Disparities in ICT Adoption: a multidimensional approach to study the cross-country digital divide. *Telecommunications Policy*, 33(10/11), 596–610. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.08.006
169. Boreham P., Roan A., Whitehouse G. (1994). The regulation of employment services: Private employment agencies and labour market policy. *Australian Journal of Political Science*, 29(3), 541–555. DOI: 10.1080/00323269408402311
170. Borsdorf A., Salet W. (2007). Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. *Belgeo*, 1, 3–14. DOI: 10.4000/belgeo.11604
171. Boudeville J. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 192 p.
172. Christaller W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer. 340 p.
173. Christensen J., Maskell P. (2003). *The Industrial dynamics of the new digital economy*. London: Edward Elgar Publishing Ltd. 271 p.
174. Coyle D. (1999). *The Weightless World: Strategies for Managing the Digital Economy*. Cambridge, MA: MIT Press. 250 p.
175. Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. (2003). Precarious Employment in the Canadian Labor Market: a Statistical Portrait. *Just Labour*, 3, 6–22.
176. D'Agostino A., Serafini R., Ward M. (2006). *Sectoral Explanations of Employment in Europe: the Role of Services*. Bonn: IZA. 54 p. DOI: 10.2139/ssrn.900396
177. Dauth W. (2013). Agglomeration and regional employment dynamics. *Papers in Regional Science*, 92, 419–435. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2012.00447.x
178. Dudek H. (2007). Determinants of Access to the Internet in Households – Probit Model Analysis. *Polish Association for Knowledge Management. Series: Studies & Proceedings*, 11, 51–56.
179. Edgell S. (2012). *The Sociology of Work: Continuity and Change in Paid and Unpaid Work*. London: SAGE Publications Ltd. 264 p.
180. Fernandez R.M., Su C. (2004). Space in the study of labor markets. *Annual Review of Sociology*, 30, 545–569. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100034
181. Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, 155, 60–69. DOI: 10.2307/635381
182. Frey C.B., Osborne M.A. (2017). The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting & Social Change*, 114, 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019
183. Friedmann J. (1966). *Regional development policy: a case study of Venezuela*. Boston: The MIT Press. 279 p.
184. Fromhold-Eisebith M., Grote U., Matthies E. et al. (2019). *Towards Our Common Digital Future*. Flagship Report. Berlin: WBGU. 486 p.

185. Geyer Y.S., Kontuly T. (1993). The Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, 15(3), 157–177. DOI: 10.1177/016001769301500202
186. Glezer O.B., Kolosov V.A., Brade I. et al. (2014). Integrated forms of urban settlement pattern in Russia, Europe, and worldwide. *Regional Research of Russia*, 4, 80–89. DOI: 10.1134/S207997051402004X
187. Haase A., Rink D., Mykhnenko V. et al. (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46, 1519–1534. DOI: 10.1068/a46269
188. Harris J.R., Todaro M.P. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis. *American Economic Review*, 60, 126–142.
189. Holley D., Coulson K., Buckley C. et al. (2022). Wellbeing in the workplace: exploring the VUCA approach. *Journal of Learning Development in Higher Education*, 25. DOI: 10.47408/jldhe.vi25.954
190. Hotelling H. (1929). Stability in Competition. *The Economic Journal*, 39(153), 41–57.
191. Isard W. (1962). *Methods of regional analysis: an introduction to regional science*. Cambridge: THE M.I.T. PRESS. 784 p.
192. Kalleberg A.L. (2000). Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. *Annual Review of Sociology*, 26, 341–365.
193. Katz R.L. (2017). Social and economic impact of digital transformation on the economy. *GSR-17 Discussion paper*. 41 p.
194. Krugman P. (1998). Spase: The Final Frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 12(2), 161–174.
195. Launhardt W. (1882). Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. *Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*, 26, 106–115.
196. Lösch A. (1954). *The economics of location*. New Haven: Yale University Press. 520 p.
197. Nam C.W., Richardson H.W. (2014). *Shrinking cities: A global perspective (Regions and Cities Series)*. New York: Routledge. 336 p.
198. Pallagst K., Martinez-Fernandez C., Wiechmann (Hrsg) Th. (2013). *Shrinking Cities – International Perspectives and Policy Implications*. Routledge Publishers. 334 p.
199. Partridge M., Rickman D., Ali K. et al. (2006). *Does the New Economic Geography Explain U.S. Core-Periphery Population Dynamics?* Paper prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association, March 30 – April 1, St. Augustine, Florida. URL: <https://aede.osu.edu/about-us/publications/does%C2%A00the%C2%A0new%C2%A0economic%C2%A0geography%C2%A0explain%C2%A0us-core-periphery-population-dynamics>
200. Perroux F. (1950). Economic space: theory and applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104.

201. Pohjola M. (2003). *The Adoption and Diffusion of ICT across Countries: Patterns and Determinants*. In: D.C. Jones (ed.). *The New Economy Handbook*. San Diego: Academic Press. 77–100.
202. Polese M., Shearmur R. (2006). Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies. *Papers in Regional Science*, 85, 23–46. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2006.00024.x
203. Porter M. (1998). Clusters and the New Economics of Competition. *Harvard Business Review*, 76(6), 77–90.
204. Pottier P. (1963). Axes de communication et developpement economique. *Revue Economique*, 1, 12–58.
205. Richardson H.W. (1993). *Regional Growth Theory*. London: Macmillan. 405 p.
206. Rosa H. (2015). *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press. 512 p.
207. Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P. et al. (2022). Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work*, 35(6-7), 680–699. DOI: 10.1080/13639080.2022.2126966
208. Schalk R. (2005). *Changes in the Employment Relationship Across Time*. In: J.A-M. Coyle-Shapiro, L.M. Shore, M.S. Taylor et al. (eds.). *The Employment Relationship: Examining Psychological and Contextual Perspectives*. Oxford, UK: Oxford University Press. 400 p.
209. Sigelman M., Taska B., O’Kane L. et al. (2022). *Shifting Skills, Moving Targets, and Remaking the Workforce*. Boston: BCG. 44 p.
210. Standing G. (2011). *The Precariat. The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic. 209 p.
211. Stephens D., Hamblin Y. (2006). Employability skills: are UK LIM departments meeting employment needs? The results of a survey of employment agencies identifies gaps in UK LIM curricula in the UK. *New Library World*, 107(5/6), 218–227. DOI: 10.1108/03074800610665211
212. Susskind D. (2020). *A World Without Work: Technology, Automation and How We Should Respond*. New York: Metropolitan Books. 305 p.
213. Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2009). Spatial impacts of demographic change in Germany. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, 33, 181–205. DOI: 10.1007/s12523-009-0010-9
214. Townsend L., Wallace C., Fairhurst G. (2015). Stuck Out Here: The Critical Role of Broadband for Remote Rural Places. *Scottish Geographical Journal*, 131(3-4), 171-180. DOI: 10.1080/14702541.2014.978807
215. Varian H. (2020). Automation versus procreation (aka bots versus tots). *VoxEU*. 30 Mar. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/automation-versus-procreation-aka-bots-versus-tots>

216. Von Thünen J.H. (1826). *Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Hamburg: Wirtschaft & Finan. 290 p.

217. Warhurst C., Hunt W. (2019). The Digitalisation of Future Work and Employment. Possible impact and policy responses. *JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology 2019/05*. Seville: European Commission. 50 p.

218. Weber A. (1922). *Ueber den Standort der Industrien*. Tübingen: J.C.B. Mohr. 500 p.

219. Wiesböck L. (2016). A preferred workforce? Employment practices of East-West cross-border labour commuters in the Central European Region. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, 41, 391–407. DOI: 10.1007/s11614-016-0245-3

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вклад сельских и городских населенных пунктов разной людности в сокращение численности населения регионов РФ* за период с 2002 по 2020 г.

Регион	Сельские нас. пункты				Городские нас. пункты				
	Мелкие (до 200)	Средние (от 200 до 1000)	Крупные (от 1000)	Всего	Малые и пгт (до 50 тыс.)	Средние и большие (от 50 до 250 тыс.)	Крупные (от 250 до 500 тыс.)	Крупнейшие (от 500 тыс.)	Всего
<i>За счет убыли и сельского, и городского населения (46 регионов)</i>									
Тверская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Ярославская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	↓	↓
Псковская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	-	↓
Архангельская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Кировская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Ивановская обл., Брянская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↓	-	↓
Ульяновская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	↓
Владимирская обл.	↑	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↓
Еврейская авт. обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Чукотский АО	↑	↓	↑	↓	↓	-	-	-	↓
Саратовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Омская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓	↓
Тамбовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Пензенская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	↓
Костромская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	-	↓
Курская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑	-	↓
Вологодская обл., Респ. Мордовия	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	-	↓
Рязанская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↑	↓
Пермский край	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	↑	↓
Смоленская обл.	↓	↓	↑	↓	↑	↓	↓	-	↓
Амурская обл., Камчатская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Новгородская, Магаданская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Орловская обл.	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	-	↓
Чувашская Респ.	↑	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↓
Нижегородская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	↓
Кемеровская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓
Иркутская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Ростовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Оренбургская обл.	↑	↓	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↓
Курганская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Липецкая обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↑	↓	↓
Тюменская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓
Респ. Коми	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓

Окончание приложения А

Регион	Сельские нас. пункты				Городские нас. пункты				
	Мелкие (до 200)	Средние (от 200 до 1000)	Крупные (от 1000)	Всего	Малые и пгт (до 50 тыс.)	Средние и большие (от 50 до 250 тыс.)	Крупные (от 250 до 500 тыс.)	Крупнейшие (от 500 тыс.)	Всего
Приморский край	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Челябинская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Забайкальский край	↑	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Респ. Калмыкия	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Волгоградская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑	↓
Мурманская обл.	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	-	↓
Алтайский край	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Хабаровский край	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Респ. Карелия	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	-	↓
<i>За счет убыли городского населения (10 регионов)</i>									
Свердловская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↓	↑	↓
Тульская обл.	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↓	-	↓
Удмуртская Респ.	↓	↓	↑	↑	↓	↓	-	↓	↓
Сахалинская обл.	↓	↑	↑	↑	↓	↑	-	-	↓
Самарская обл.	↑	↓	↑	↑	↓	↓	-	↓	↓
Респ. Башкортостан	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↑	↑	↓
Респ. Бурятия	↑	↓	↑	↑	↓	-	↑	-	↓
Респ. Хакасия	↑	↓	↑	↑	↑	↓	-	-	↓
Респ. Северная Осетия-Алания	↑	↓	↑	↑	↓	-	↓	-	↓
Астраханская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	-	↑	↓	↓
<i>За счет убыли сельского населения (4 региона)</i>									
Красноярский край	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↑
Респ. Марий Эл	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↑
Ненецкий АО	↓	↓	↓	↓	↑	-	-	-	↑
Воронежская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↑

Условные обозначения: ↑ – рост численности населения, ↓ – сокращение численности населения, выделение заливкой: – наибольший вклад в убыль численности, – наибольший вклад в увеличение численности; - населенные пункты данного типа отсутствуют.

* За исключением Республики Крым и г. Севастополя, которые вошли в состав РФ в 2014 г.

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

**Регионы Российской Федерации, отстающие в цифровом развитии организаций
социальной сферы, по итогам 2019 г.**

Регионы с уровнем ниже среднего по обеспеченности общеобразовательных организаций персональными компьютерами с доступом в интернет		Регионы с уровнем ниже среднего по доле компьютеризированных посадочных мест в библиотеках с возможностью доступа в интернет	
Регион	%	Регион	%
<i>Липецкая область</i>	9	Ненецкий автономный округ	9,5
Новгородская область	9	Республика Тыва	9,5
Астраханская область	9	Московская область	9,4
<i>Волгоградская область</i>	9	Ставропольский край	9,4
Республика Северная Осетия – Алания	9	<i>Курская область</i>	9,2
<i>Республика Мордовия</i>	9	Республика Крым	9,2
Удмуртская Республика	9	Свердловская область	9,0
Чувашская Республика	9	<i>Брянская область</i>	8,8
Пермский край	9	Архангельская область	8,6
<i>Пензенская область</i>	9	Республика Татарстан	8,4
Челябинская область	9	Удмуртская Республика	8,4
Алтайский край	9	Челябинская область	8,4
Красноярский край	9	Тульская область	8,2
Иркутская область	9	Калининградская область	8,1
Амурская область	9	Курганская область	8,1
Магаданская область	9	Республика Бурятия	8,1
Костромская область	8	<i>Пензенская область</i>	8,0
<i>Курская область</i>	8	Алтайский край	8,0
Оренбургская область	8	Ростовская область	7,8
<i>Саратовская область</i>	8	Смоленская область	7,7
Республика Хакасия	8	<i>Республика Марий Эл</i>	7,5
Кемеровская область	8	Кировская область	7,3
Приморский край	8	Республика Ингушетия	7,0
Сахалинская область	8	Оренбургская область	7,0
Смоленская область	7	<i>Саратовская область</i>	6,9
Кабардино-Балкарская Республика	7	Воронежская область	6,8
Республика Алтай	7	Ярославская область	6,8
<i>Орловская область</i>	6	<i>Орловская область</i>	6,7
Республика Адыгея	6	Магаданская область	6,6
Краснодарский край	6	Новгородская область	6,5
Карачаево-Черкесская Республика	6	Республика Адыгея	6,3
Чеченская Республика	6	Астраханская область	6,0
<i>Республика Марий Эл</i>	6	Нижегородская область	5,9
Курганская область	6	Республика Алтай	5,7
Республика Бурятия	6	Приморский край	5,5
Забайкальский край	6	Забайкальский край	5,2
<i>Брянская область</i>	5	Республика Башкортостан	4,7

Окончание приложения Б

Регионы с уровнем ниже среднего по обеспеченности общеобразовательных организаций персональными компьютерами с доступом в интернет		Регионы с уровнем ниже среднего по доле компьютеризированных посадочных мест в библиотеках с возможностью доступа в интернет	
Республика Крым	5	Еврейская автономная область	4,7
Республика Дагестан	5	Ивановская область	4,3
Республика Тыва	5	<i>Республика Мордовия</i>	4,1
Омская область	5	Чукотский автономный округ	4,1
Республика Калмыкия	4	Республика Северная Осетия – Алания	3,7
Ставропольский край	4	Краснодарский край	3,6
Республика Ингушетия	3	Чеченская Республика	3,2
		<i>Волгоградская область</i>	3,1
		Ленинградская область	2,8
		Республика Калмыкия	2,2
		Тверская область	1,9
		Ульяновская область	1,7
		Карачаево-Черкесская Республика	1,6
		Республика Дагестан	0,6
Примечание. Жирным шрифтом выделены регионы с высокими долями сельского населения (более 30%); <i>курсивом</i> – лидеры сельскохозяйственного производства (наибольшая доля валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве, более 10%).			

Научное издание

Попов Андрей Васильевич
Соловьева Татьяна Сергеевна
Короленко Александра Владимировна
Груздева Мария Андреевна

**ГОРОДА И СЕЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ
В РАКУРСЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ**

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова
Компьютерный набор	А.В. Попов, Т.С. Соловьева, А.В. Короленко, М.А. Груздева

Подписано в печать 03.12.2024.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,86. Тираж 500 экз. Заказ № 50.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-618-8

9 785932 996188